



Ф. Ф. Менде

**МАЛЕНЬКАЯ ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПОВЕСТЬ
О БОЛЬШОЙ НАУКЕ**

Пролог

На маленьком полустанке стоит маленький человек, а мимо с грохотом и свистом проносятся поезда. Одни везут весёлых пассажиров, другие уголь и руду на платформах третьих зачехлённые танки. Это жизнь проносится мимо нас, и, кажется, нет конца и края этим вагонам. Но нет, промелькнул последний вагон, и последний поезд унёсся вдаль и только эхо от улетающего поезда ещё долгое время нарушает тишину полустанка. Но нет уже на полустанке человека, нет и полустанка, а, может быть, ничего не было? Нет, было. Даже самая маленькая букашка оставляет свой след на земле, она жила, она к чему-то стремилась, она сделала что-то полезное и что-то плохое.

Октябрь 1957 год, прошло всего 12 лет со времени окончания Великой Отечественной. И тут как взрыв бомбы. Советский Союз запустил спутник. Как могло так случиться, что, имея во сто крат более мощный промышленный потенциал, страна, на которую за время войны не упала ни одна бомба, могла отстать в таком важном вопросе. Значит, плохо работала их разведка, значит, не сумели они воспитать те научные и технические кадры, которые смогли бы решить такую задачу. Значит, не было у них таких самоотверженных людей, которые, несмотря на все препятствия и лишения, смогли пройти этот путь. А у нас они были. Некоторые из них начинали этот путь в шарашках, где на положении заключённых вели исследовательскую работу. Другие начинали путь в высших учебных заведениях, в ФЗО и ПТУ, ибо без высококвалифицированных специалистов и высококвалифицированного рабочего класса такое не могло произойти. Роль подготовки в школьных учебных заведениях тоже трудно переоценить. Когда был запущен первый спутник, Кеннеди сказал, что Россия выиграла соревнование с США за школьной партией. И это действительно так, потому что без основательной школьной подготовки не может быть качественного высшего образования. Но разве только спутник? Оборона СССР была в целом самой могучей за всю тогдашнюю историю.

В предлагаемом читателю повествовании и пойдёт речь о рядовом этой могучей армии, которая в столь тяжёлых условиях смогла всё это совершить, о тех людях, которые, не страшась усталости, ковали надёжный щит страны, страны, которая ни перед кем не кланялась и не унижалась, как теперь это делают остатки той великой державы. Речь пойдёт о маленьком человечике, когда-то стоявшем на полустанке, о той маленькой песчинке, миллионы которых, скреплённые цементом ежедневного непосильного труда и верой в победу ковали оборону могучей Державы.

Все события, о которых пойдёт речь, имели место на самом деле, даже имена и фамилии героев реальные. Повествование, будет интересно прочитать и тем старым учёным и оборонщикам, которые сами прошли этот путь и молодым учёным, дабы не совершать тех ошибок, которых много в жизни каждого человека.

По длинному коридору первого этажа лабораторного корпуса, немного сутулясь, шел уже далеко не молодой человек. Сколько бурь прошумело, сколько гроз прогремело в этих стенах. Но сейчас здесь было тихо и пустынно. Дойдя до лифта, Фёдор так никого и не встретил, как будто все вокруг вымерло. Лифт не работал, его теперь часто отключали, экономили электроэнергию. Пришлось на пятый этаж идти пешком. Раньше это трудности не представляло, но теперь сердце было уже не то, и ему пришлось несколько раз останавливаться. Так знакомы были эти стены, но кабинет теперь больше походил не на кабинет ученого, а на мастерскую. На столах лежал различный инструмент, на полу около книжного шкафа различные заготовки. Да, очень пригодилось то, что он все умел делать своими руками. Если нужно он мог быть и токарем, и фрезеровщиком, и слесарем, и столяром, и каменщиком и еще бог знает кем. Многому научила его жизнь. Но самое главное она научила никогда и нигде не терять своё лицо и до самого последнего момента не считать положение потерянным.

Сколько бед и страданий принесла народу эта самая «незалежність»? Сколько обездоленных и просто нищих? Сколько сирот и бездомных, сколько голодных и больных, а что она сделала с наукой? Да, каждый удельный князь, каждый феодал, хочет быть удельным и делать со своими вассалами то, что ему заблагорассудится без посторонних глаз.

Но Фёдор был реалистом, он никогда не витал где-то в облаках, а знал, что к своей цели, порой обливаясь потом и, падая от усталости, нужно неустанно идти каждый день, и тогда к ней обязательно придешь. Он прекрасно понимал, что он ничего уже в этой жизни изменить не может, прежде всего, потому что стар и что у него уже просто нет сил для этого. Но в душе, наверное, как и любой человек, он даже сейчас оставался молодым, и поэтому не унывал. Еще несколько лет назад, когда положение казалось практически безвыходным, он пообещал себе, что все равно победит и что, по крайней мере, и себя и своих близких в обиду не даст. Нет, не просто было положить его на лопатки и все, что происходило теперь, было тому подтверждением. Нет, не погасли на старом лице его глаза, не иссякла уверенность в победе, и с этой уверенностью он практически всегда в своей жизни начинал любое дело и всегда побеждал. Так было и сейчас, хотя резерва времени уже практически не было.

Когда вечером, утомленный дневными заботами, Фёдор приходит в свой маленький кабинет на даче, где живёт летом со своей семьёй, к нему часто забегают внуки Лёша и Женя.

— Дедушка, давай запишем пулю!

В преферанс он научил их играть, когда они еще не ходили в школу, но сейчас внуки уже вполне взрослые ребята и могут посостязаться даже с опытным партнером, так что играть с ними было интересно.

— Да, что-то не хочется, устал я, да и время уже позднее.

— Ну, тогда расскажи нам какую-нибудь историю.

— Детки мои, да я вам их уже столько нарасказывал, думаю, что все уже и рассказал.

— Нет не все, мы уверены, что не все, ведь у тебя их столько...

— Да нет, интересные уже все рассказал, остались только неинтересные и печальные, да еще истории как вообще поступать не следует.

— Мы и их хотим послушать, — не унимаются внуки.

— Ну ладно, вы уже совсем взрослые. Пора вам уже и печальные истории рассказывать.

Внуки поудобнее устраиваются рядом с ним. Фёдор перебирает в своей памяти события и начинает свой неторопливый и печальный рассказ.

МАЛЕНЬКАЯ ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПОВЕСТЬ О БОЛЬШОЙ НАУКЕ

ЧАСТЬ I

Паника

Самым первым впечатлением в своей жизни, которое Фёдор помнит, был случай, когда отец, вернувшись из города, привез ему качели. У качелей были белые шелковые шнуры, которые были продеты через деревянные трубчатые перекладины, и светлое сидение. Качели отец сразу же повесил в галерее, посадил на них сына и спросил:

— Нравится?

Он не помнит, что тогда ответил отцу, но этот случай запомнился ему на всю жизнь. Почему именно этот, может потому, что очень любил кататься на качелях, а может потому, что эта его любимая игрушка однажды исчезла навсегда.

Уже в первые полеты немецкой авиации на районный центр Золочев одна из бомб упала рядом с домом, практически полностью разрушив галерею. Когда семья вернулась в дом, а во время налетов все прятались у соседей в погребе, он начал искать свои качели. Качелей нигде не было и нашел он только трубчатую перекладинку расколотую пополам, за которую обычно держался руками, когда качался на качелях.

Второй случай, который Фёдор видит до сих пор, как наяву, произошел вскоре после первого, и так же в очередной налет немецкой авиации.

Нина Николаевна, мать Фёдора, вместе с ним и его сестрой Ириной сидели на лавочке около дома, как вдруг все услышали приближающийся гул немецкого самолета. Ему, порой, кажется, что все то, что тогда произошло, он видит как наяву, но иногда то, что ему рассказывали и то, что они видели сами, настолько переплетено, что бывает трудно отделить виденное от рассказов.

Все, кто бывал уже под бомбежками, хорошо могли отличить немецкие самолеты от своих, их звук почему-то напоминал «везу-везу». Этот зловещий звук приближался. Вдоль улицы на бреющем полете шел немецкий самолет. В панике мать, схватив сына на руки, вместе с дочерью бросились бежать через дорогу в соседский погреб. Те, кто летал на самолетах и, тем более, прыгал с парашютом, хорошо знают, что с высоты, все, что происходит на земле, видно как на ладони. Немецкий пилот, конечно, видел, что через улицу бежит женщина с двумя детьми, но, тем не менее, небольшая бомба взорвалась перед бегущими. Потом выяснилось, что это действительно была небольшая осколочная бомба и почему-то алюминиевая, потому что все извлеченные осколки оказались алюминиевыми. Когда мать остановилась во дворе у соседей, её лицо заливала кровь. Кровь текла из рассеченного виска, заливая лицо и платье. Сам он тоже был весь в крови, осколок попал

ему в затылок, мать несла его на руках, прижав лицом к себе. Но сестры нигде не было. Крики ее услышали в саду. Все ноги ее были в крови. Она бегала и что-то кричала. Осколок бомбы навывлет прошел ей ступню, другой осколок застрял под коленом.

Таковы были первые эпизоды, запомнившиеся Фёдору в его жизни.

Родители

Дед Фёдор Петрович Менде был инженером. У Фёдора сохранилась фотография деда тех лет, когда тот был еще студентом.



С фотографии смотрит молодой человек с небольшими пышными усами, на нем студенческая форма с погонами, которые в то время носили студенты. Он был студентом Харьковского технологического института, о чём свидетельствует справка, выданная Харьковским областным архивом

державна адміністрація
ХАРКІВСЬКИЙ ОБЛАСНИЙ
ДЕРЖАВНИЙ АРХІВ
10003, м.Харків-3, вул.Бессоновський, 7
тел. 22-66-49
06.05.99 № 3-1/140
на № _____ від _____

АРХИВНАЯ СПРАВКА

В архивном фонде Харьковского технологического института в личном деле студента этого института Менде Федора Петровича за 1894 г. указано, что он является потомственным дворянином.

ОСНОВАНИЕ: ф-770, оп.2, д.1303

Директор архива
Зав.отделом

Мещеряков
417
В.З.Резникова
Л.М.Момот

Мещеряков

В справке значится, что он был потомственным дворянином. Сохранился также фамильный герб



На гербе щит разделен горизонтально на две равные части - в верхней на лазоревом поле изображен идущий золотой петух, по сторонам коего по одной серебряной раковине и в углу щита серебряная же шестиугольная звезда. В нижней части герба на червленом поле якорь и меч, расположенные крестообразно. Щит украшен дворянским шлемом и короной с тремя страусиными перьями, из коих среднее золотое, а крайние лазоревые. Немеет на щите лазоревый, подбитый золотом.

Эмблемы герба имеют следующее значение:

Петух, что фамилия Менде происходит из Франции,

Раковины и северная звезда, что Менде переселились в Россию,

Якорь и меч означают службу по морскому и военному ведомствам.

Почему и как род Менде по мужской линии оказались в России. По рассказам дяди Пантелеймона Фёдоровича Менде прапрадед Фёдора был бригадным генералом у Наполеона и командовал бригадой гусар. При отступлении наполеоновской армии во время переправы через реку Вязьма русские начали обстреливать переправу из орудий, установленных на смежных высотах, и тогда Наполеон бросил на русскую артиллерию бригаду гусар. В этом бою прапрадед был тяжело ранен и попал в плен.

Жизнь матери Фёдора, Нины Николаевны (девичья фамилия Панова) тоже было не из легких. Родилась она в городе Чита, где её отец, будучи членом РСДРП отбывал ссылку. Когда ей было тринадцать лет, родилась сестра Ольга, но роды были неудачными, и мать

вскоре умерла. У Фёдора сохранилась фотография, где маленькая Нина с куклой в руке стоит рядом со своей матерью



Вскоре после смерти матери отец женился вторично. В доме появилась молодая, красивая и очень властная женщина. Нетрудно представить, как дальше жилось и Нине, и Ольге. Мачеха была оперной певицей, и ей было и не до мужа, и не до детей. Все домашнее хозяйство легло на плечи старшей дочери, и она на всю жизнь запомнила, что такое мачеха. Но отец все-таки сумел дать образование дочерям. Сам он был геодезистом, и это в свое время сыграло определенную роль в выборе профессии Нины. Впрочем, через несколько лет оперная певица сбежала с каким-то офицером. В дальнейшем отец с дочерьми жили втроем.

Познакомилась Нина Николаевна с отцом Фёдора Федором Фёдоровичем Менде на землеустроительных курсах, после окончания которых, они и поступили в Харьковский землеустроительный институт.

Еще, будучи студентами, они поженились. Война застала семью Менде в районном центре Золочев, где отец Фёдора преподавал в Одноробовском сельскохозяйственном техникуме геодезию, а мать работала преподавателем математики в средней школе. Там и родился у них сын, которого называли Фёдором.

Война

Каждый день люди жадно вслушивались в сообщения по радио, и с каждым днем становилось все яснее, что линия фронта быстро и неуклонно двигается на восток. Тревога и какая-то непонятная неопределенность все больше вселялась в сознании, мыслях и действиях людей. Ничего подобного люди раньше просто не испытывали. Многие из них хорошо помнили годы гражданской войны, когда порой трудно было разобраться в том, что вообще происходит, где белые, где красные, где свои, где чужие. И хоть крови, мук и страданий было ни чуть не меньше, чем на любой войне, все же то была драка между своими. Совершенно другие ощущения были у людей сейчас. Сообщения по радио о зверствах фашистов на оккупированных территориях действовали угнетающе. Но даже невооруженным глазом можно было заметить у некоторых людей безразличие к происходящему, а в отдельных случаях и молчаливое злорадство.

Федор Фёдорович уже в течение почти двух недель был болен какой-то непонятной болезнью. Температура то падала, то опять повышалась. Местный врач – молодая женщина уже несколько раз навещала больного, но ничего определенного сказать не могла. Ее точка зрения склонялась к тому, что у больного воспаление лёгких. Нина Николаевна была очень доброжелательным человеком и, несмотря на некоторую кажущуюся внешнюю строгость, всегда быстро находила нужную форму общения практически с любым человеком. Так было и на этот раз, хотя с врачом она была знакома и раньше.

Врач советовала давать Федору Фёдоровичу максимально калорийную пищу, и хорошо кормить. Зайдя как-то в очередной раз проведать больного, она долго его слушала, и на лице ее можно было прочесть беспокойство. Когда она уже собиралась уходить, она попросила Нину Николаевну выйти с ней.

— Я очень боюсь, чтобы у Федора Фёдоровича эта болезнь не кончилась туберкулезом, потому что у него, уже плеврит. Кормите его хорошо и давайте регулярно лекарства.

Нетрудно было понять чувства жены. Идет война, все уже понимают неизбежность близкой эвакуации, муж на грани туберкулеза, на руках двое маленьких детей. Но не таким была Нина Николаевна человеком, чтобы впадать в растерянность и панику, слишком много уже пришлось пережить.

В тот же день она пошла к директору техникума и попросила дать ей директорских лошадей и конюха. Отец был в хороших отношениях с директором и тот, конечно, не отказал. Мать поехала в соседнее село, где жил старый земский врач. Он уже не занимался

врачебной практикой, но по виду еще был крепкий старик, с типичной врачебной бородкой и в пенсне.

Трудно сказать, как удалось Нине Николаевне уговорить этого своенравного старика поехать по открытому воздуху совсем в другое село. Мать уехала рано утром на следующий день, а где-то к обеду около дома остановились директорские лошади. С повозки достаточно бодро сошел старик в пенсне и галантно подал руку матери. Они вошли в дом и он, помыв руки, спросил:

— Где больной?

Мать указала на дверь и хотела его проводить.

— Пока буду осматривать больного, прошу в комнату не входить, — коротко бросил он.

Врач был у больного недолго. Наконец дверь открылась, на пороге стоял земский врач, и возмущение было написано на его лице. Мать так и не поняла, к кому были обращены те слова, которые он произнес, то ли к отцу, то ли к ней, то ли к врачу, который лечил отца раньше.

— Какой дурак! У больного брюшник!

Это означало, что у больного брюшной тиф. Потом врач спросил, соблюдает ли больной диету, а когда мать рассказала, чем и почему она кормит отца, он ответил:

— Еще несколько дней такой диеты и у больного было бы прободение кишечника, а это при тифе верная смерть. Я напишу сейчас участковому врачу все, что нужно делать. Запомните! Необходима строжайшая диета, все протертое, пока не минует кризис. Тиф протекает на фоне воспаления легких, все это очень опасно. Воспаление легких на исходе. Каждый день больному нужно ставить банки.

Врач оделся, мать попыталась отблагодарить его, но он категорически отказался, сел в повозку и попросил конюха ехать.

Отец начал постепенно выздоравливать. Однажды вечером в гости к нему зашел директор.

— Обещают через неделю вагон для эвакуации сотрудников техникума, — сказал он.

— Иван Петрович, — с тревогой в голосе сказала Нина Николаевна, — большое спасибо вам за заботу, но ведь и мне и вам ясно, что в таком состоянии ехать ему нельзя. Да и кто разрешит взять в вагон больного тифом?

Но в назначенный срок вагон за сотрудниками техникума так и не прибыл. Срок его прибытия несколько раз переносился. Фронт был уже совсем рядом. Эвакуироваться удалось только одному директору. Каким-то чудом он пристроил жену и детей на проходящий состав. Сам же, как рассказывали, чуть ли не на подножке уехал одним из последних

составов, следующих через Золочев. Все преподаватели техникума эвакуироваться не смогли.

Оккупация

Так семья оказалась в оккупации. Не известно, по какой причине, но боев в Золочеве не было. Наши отступали вечером, а утром на улице уже была слышна немецкая речь. Немцы не проявляли особой агрессивности, но уже на следующий день начали выселять жителей из домов, но их семью почему-то не тронули. Очень скоро появились два полица. Местные говорили, что один из них был сыном какого-то уголовника из соседнего хутора. Другой был из местных, мать его хорошо знала, потому что он заканчивал школу, в которой она преподавала.

Прошло несколько дней. В окно кто-то постучал. На пороге стоял молодой парень в форме полица.

— Николай, это ты?

— Да, я! — вызывающе ответил полицай.

— Николай, зачем ты одел эту форму? — строго спросила мать.

— Нина Николаевна, вы не знаете, что моего отца сослали в Сибирь ни за что. Как же я после этого должен относиться к советской власти?

Мать молчала.

— Вам повестка из комендатуры, — после непродолжительной заминки сказал полицай. И он передал повестку. В повестке отцу предписывалось явиться в комендатуру, было даже указано точное время.

С тяжелыми мыслями шел в комендатуру Федор Фёдорович. Комендатура была расположена в здании райкома партии, он не был членом партии, но по делам техникума ему приходилось там бывать, и он достаточно хорошо знал некоторых сотрудников аппарата. По натуре отец был доброжелательным и общительным человеком, и у него были дружелюбные отношения со многими людьми. Он предъявил повестку, и его провели прямо к коменданту.

В кабинете секретаря райкома партии сидели двое. Грузный мужчина лет сорока в форме немецкого офицера, а за столом рядом сидела хорошая знакомая отца. Это была Алевтина Васильевна, в райкоме партии она работала машинисткой. Никто не знал, почему, будучи очень привлекательной женщиной, она не была замужем и где-то перед самой войной уехала из Золочева. Поговаривали, что она, наконец, встретила своего суженого и вышла замуж. Все эти домыслы и слухи как-то смутно промелькнули в его голове. Увидев вошедшего, Алевтина Васильевна немного смутилась, и что-то по-немецки сказала коменданту. Тот улыбнулся. Она подняла глаза и тоже улыбнулась.

— Федор Фёдорович, ведь мы с вами знакомы! — Отец растерянно кивнул головой.

— Как видите, теперь я работаю в комендатуре, — и она тоже смущенно улыбнулась.

Комендант что-то сказал ей.

— Комендант интересуется, откуда у вас немецкая фамилия.

Отец ответил не сразу. Слишком неожиданной и непривычной была ситуация, в которую он попал.

— Видите ли, это вопрос, непростой. Я в раннем детстве потерял отца, и ни он, ни мать мне об этом никогда не рассказывали. Может быть, история этой фамилии восходит еще к петровским временам. Ведь вы, наверное, знаете, что в Москве существовала целая немецкая слобода, где жили немцы. Да и у самого Петра его ближайшим другом был немецкий посол Лефорт.

Переводчица перевела, и комендант улыбнулся, а затем сказала:

— Комендант приглашает вас на службу к немцам, если вы дадите согласие, то вам подыщут подходящую работу. Он знает, кто вы по специальности и кем работали раньше. Имея уже достаточный жизненный опыт и обсуждая дома причины вызова в комендатуру, мать и отец пришли к единодушному выводу, что именно по этому вопросу его и вызывают, поэтому ответ был готов заранее.

— Я был бы рад служить у вас, но пока сделать этого не могу. Я совсем недавно перенес брюшной тиф и воспаление легких одновременно и еще слишком плохо себя чувствую, но как только наладится мое здоровье, я приду к вам.

Комендант опять сказал что-то по-немецки и нахмурился.

— Мы об этом знаем. И, тем не менее, даете вы свое согласие или нет?

— Но вы не знаете еще одно обстоятельство, я болен еще и эпилепсией, — соврал отец, — поэтому я невоеннообязанный.

— Похоже, что вы отказываетесь служить великой Германии! — уже без улыбки переводила переводчица.

— Нет, ни в коем случае, но прежде мне нужно поправиться. Когда это случится я сам приду к вам.

Лицо коменданта немного посветлело, и переводчица перевела.

— Комендант желает вам скорейшего выздоровления, и как только вы поправитесь, будет рад с вами снова встретиться.

Когда Федор Фёдорович вышел из комендатуры, у него отлегло от сердца. Он знал что самый верный способ провалить любое дело это проволочки. Так или иначе, но первое сражение он выиграл, неопределенность же по-прежнему тяготила, совершенно не было ясно, что делать и как поступать дальше.

Но время ждать не заставило. Была темная дождливая осенняя ночь. Семья уже давно спала, как вдруг Федору Фёдоровичу послышался стук в окно. Он прислушался, стук повторился. Отец встал и подошел к окну. Через мокрое стекло он увидел силуэт мужчины. Он был в длинном плаще, капюшон почти полностью закрывал его голову и лицо. В душе Федора Фёдоровича шевельнулась тревога. Человек постучал в окно в третий раз, и, увидев, что шторка на окне отодвинулась, незнакомец рукой дал знак, означавший просьбу впустить его. Отец подошел к двери.

— Кто вы будете и чего пришли? — спросил он сквозь дверь.

— Федор Фёдорович, я к вам по делу у меня есть к вам поручение.

— Я не знаю вас, и впустить не могу.

— Не бойтесь я ваш друг, — и отцу его голос показался очень знакомым, — я ведь хорошо знаю, как звали вашу мать и вашего отца.

Такого ответа Федор Фёдорович не ожидал. Он неуверенно повернул ручку замка. Пришелец был весь мокрый. Капюшон по-прежнему практически полностью закрывал его лицо, но голос казался отцу знакомым.

— Извините, пожалуйста, за ночной визит, и вы, конечно, вправе меня опасаться. Время сейчас тяжелое и опасное, но чтобы вы не думали, что я провокатор, вот несколько эпизодов из вашей жизни. Когда вы учились в институте физику, у вас преподавал профессор Шкляревский, правда?

— Правда.

— Я мог бы продолжать и дальше, но у нас не так много времени, хочу сказать вам о целях моего визита. Я к вам с особым заданием. Мы всегда знали, что вы честный и порядочный человек, а эти качества и любовь к Родине всегда ходят рядом. Вы согласны?

— Конечно.

— Мы уверены, что, невзирая на вашу не совсем русскую фамилию, вы тоже являетесь патриотом нашей Родины. Правильно я говорю?

— Конечно.

— Так вот наша задача заключается в том, чтобы разгромить фашистов. И я сейчас задам вам вопрос прямо. Согласны ли вы принять участие в этой борьбе? Как вы понимаете, это очень рискованное дело.

Отец задумался, а затем твердо сказал.

— Согласен.

— Главной нашей задачей сейчас является срыв поставок хлеба в Германию. Мы уже знаем, что вас вызывали в комендатуру, и что вы пока отказались. Вы должны явиться в

комендатуру и постараться устроиться уполномоченным по хлебозаготовкам. Как действовать в дальнейшем вам придется решать самому. Все ясно?

— Да.

Пришелец встал и попрощался. На следующий день Федор Фёдорович обо всем рассказал Нине Николаевне. По сути дела предстояла подпольная работа, а опыта такой работы не было, а чем это грозило, было и так ясно. Но Федор Фёдорович был человек слова, через неделю он пошел в комендатуру.

— Мы довольны вашим решением, — сказал уже знакомый ему офицер, — сейчас при управе формируется группа участковых агрономов по организации поставок хлеба в Германию. Район разбит на участки, вы можете выбрать, какой вам нравится, — и офицер протянул ему руку. Никогда еще до сих пор Федору Фёдоровичу не приходилось обмениваться рукопожатием с врагом, и это рукопожатие, хоть и не было в нем чего-то особенного, запомнилось ему на всю жизнь, и означало оно очень простую истину – Кто, кого! На мгновение ему показалось, что сама смерть протянула ему руку, и он ответил ей тем же. Не знал немецкий офицер, не мог даже и предполагать, что все еще впереди, и что миллионы его соотечественников, порой даже невинных, как может быть и он сам, попадут на просторах России в объятия таких рукопожатий, и будут пожимать руки всем им еще не один раз, и что именно эти рукопожатия и сломают хребет непобедимой армии со свастиками на рукавах.

Федор Фёдорович выбрал участок поближе к дому. В него входило четыре бывших колхоза, двух бывших председателей он знал хорошо, знал он и многих родителей своих учеников, которые работали в этих колхозах.

Хлеб почти кругом успели скосить и даже сложить в копны, но вот обмолотить не успели. Часть его так и стояла в копнах на поле. Инструкция, которую он получил в управе, заключалась в том, что сразу же должен быть проведен точный учет того, что осталось в поле, и составлен график обмолота с учетом имеющихся в распоряжении молотилок.

Федор Фёдорович знал, что у немцев существуют почти врожденные особенности характера, такие как точность, обязательность и прямолинейность. Привыкнув сами поступать так, они часто полагались на то, что и другие будут поступать так же. Например, даже воевать они пытались по часам, соблюдая перерывы на обед. По крайней мере, эти обстоятельства подлежали проверке. Однажды, когда на колхозный ток были свезены очередные снопы для обмолота, Федор Фёдорович отозвал в сторону механика, которого хорошо знал, так как его сын учился в техникуме.

— Немцы народ очень доверчивый и аккуратный. Если вы быстро обмолотите хлеб, то они сразу же увезут его в Германию, и у вас даже не будет возможности для того, чтобы хоть как-то пополнить свои запасы. Тем более, ток вмещает только определенное количество

снопов, поэтому от скорости обмолота зависит темп подвоза снопов с поля. Пока снопы в поле они учету поддаются плохо, и у людей есть возможность, хотя и под угрозой расстрела, забирать его оттуда. Все это говорит о том, что обмолот нужно вести медленными темпами.

Механик поколебался и спросил:

— Как это сделать?

— Очень просто. Не начиная молотить, разбирайте молотилку, а я объясню немцам, что у нас поломалась очень важная деталь. У вас же найдется какая-нибудь поломанная?

— Конечно, найдется!

— Когда разберете, отдадите эту деталь мне, пускай ищут замену.

На том и договорились. Когда немцы нашли деталь, и молотилка была отремонтирована, снег занес поля, и весь хлеб остался под снегом.

Когда в очередной раз Федор Фёдорович увидел знакомого механика, тот сказал:

— Ну и ну, но если бы узнали, так точно бы обоих расстреляли.

— Это как пить дать, — засмеялся отец и пошутил, — голь на выдумки хитра!

Оказывается, нужную деталь немцы достали в соседнем колхозе, где участковый агроном с усердием выполнял все их распоряжения. Говорили, что он однажды даже побил одного колхозника. Участок Федора Фёдоровича заготовил самое малое количество хлеба. Когда в управе его упрекнули в этом, он ответил:

— Участок, который выпал мне, имеет самые плохие почвы в районе, да к тому же вы сами виноваты, ведь, сколько молотилка простаивала по вашей вине, не моя же задача доставать запасные части.

Молчаливо, хотя и нехотя, комендант проглотил пилюлю.

Все упорнее начали ходить слухи, что немцы скоро начнут угонять в Германию молодежь на принудительные работы. Началась перепись, под которую попадали все учащиеся техникума. И тогда Федор Фёдорович пошел в управу, тут его уже хорошо знали.

— Вы, наверное, знаете, что до войны в Одноробовке функционировал сельскохозяйственный техникум, ведь село без специалистов, сами понимаете, обойтись не может. Если вы преследуете здесь долгосрочные цели, то следует возобновить работу техникума. Если вы сумеете это сделать, то ваше руководство будет вами очень довольно, ведь немцы умные и расчетливые люди.

Комендант молчал. Затем, подумав, сказал:

— Зайдите ко мне через пару дней, я проконсультируюсь по этому вопросу.

Через два дня Федор Фёдорович снова пришел в управу.

— К сожалению, мы этот вопрос сами решить не можем. Для этого требуется разрешение областной управы, но нам сейчас не до этого.

— Дайте мне соответствующее письмо в областную управу и полномочия вести там переговоры, и я постараюсь решить этот вопрос.

Офицер недоверчиво посмотрел на отца.

— А сумеете?

— Постараюсь.

На следующий день рано утром Федор Фёдорович уже шел в Харьков. Ему предстояло пройти более сорока километров. На пути его дважды останавливали патрули, но, посмотрев выданные ему документы, тут же отпускали. К вечеру он был уже на месте. Знакомые улицы было трудно узнать, следы бомбежек, остовы обгоревших зданий. Такого он еще никогда не видел.

— За что, почему? — роились мысли в его голове, а сердце ныло и щемило. Хозяйка, у которой они когда-то снимали квартиру, встретила его с радостью.

— Живой, откуда?

Отец рассказал, зачем и почему пришел в город.

— Надо спасти ребят любой ценой, это основная сейчас задача.

Хозяйка рассказала ему о зверствах фашистов, о массовых расстрелах и очень уговаривала его не ходить в областную управу.

Нужно отдать должное, но немцы решали все вопросы без всякой волокиты. Каждый действовал в пределах своих полномочий, и через три дня в кармане у Федора Петровича лежало предписание в местную управу об организации техникума.

На следующий день утром, когда он уже собирался уходить, вбежала взволнованная хозяйка и заперла за собой дверь.

— Федор Фёдорович, на улице облава, хватают всех без разбору!

— А что случилось?

— Говорят, партизаны взорвали то ли управу, то ли комендатуру. Не ходите на улицу. Схватят, могут расстрелять без суда. Они все могут.

Отец решил переждать день, но когда он вышел на следующий день утром на улицу, то увидел ужасающую картину. На балконах вторых этажей висели повешенные. Уже много позже он узнал, что действительно при помощи радиоуправляемого фугаса, который заложили наши войска при отступлении в административное здание комендатуры, был произведен взрыв, от которого погибли очень большие немецкие чины. Он понимал, что находиться в городе при такой ситуации рискованно, потому что знал, что облавы, и обыск будут продолжаться, и не дай бог даже с документами попасть под горячую руку. Несмотря на все уговоры хозяйки, он все-таки решил уходить. Он хорошо знал город и на следующий день рано утром попрощался с хозяйкой. До окраины города он добрался без приключений,

и нужно было пройти всего лишь небольшой железнодорожный мост через небольшую речушку. Перед мостом стоял патруль. По свастике на рукаве Федор Фёдорович сразу понял, что это эсэсовцы. Отступить было некуда, он уверенно подошел к патрулю и подал документы. Эсэсовец их внимательно прочел и начал что-то громко ему объяснять сильно жестикулируя. Хоть Федор Фёдорович и не очень хорошо знал немецкий язык, он понял, что у офицера есть предписание никого из города не выпускать. Сделав вид, что всё понял, и коротко ответив по-немецки «понял», он взял у офицера документы и смело пошел на мост. Офицер ему вслед что-то крикнул, но он, не оборачиваясь, продолжал идти. Федор Фёдорович почувствовал, что земля уходит из-под ног и что вот-вот он получит пулю в спину. Очнулся он уже за несколько километров от моста. Ноги делали свое дело и шли все дальше и дальше от только что витавшей над ним смерти.

В тот же день он пришел в Золочев. Радости и преподавателей, и студентов не было предела. В предписании значилось, что все студенты техникума освобождаются от отправки на работу в Германию. Директором техникума назначался Федор Фёдорович.

И снова оккупация

Вскоре началось наступление наших войск. Пришло долгожданное освобождение. И опять сильных боев на территории Золочева не было. Немцы срочно начали собираться. Ходили слухи, что их войска где-то попали в окружение. Они исчезли вечером так же неожиданно, как в свое время и пришли, а на утро походные порядки наших войск уже шли через село.

После освобождения на местах очень быстро устанавливалась советская власть. Отец много рассказывал сыну о том трудном времени, и он очень гордился отцом за его бесстрашие и героизм в те годы, хотя в жизни какой-то особой оперативностью, особенно когда вопрос касался его личных интересов, никогда не отличался. Фёдору почему-то всегда казалось, что излишняя интеллигентность отца просто не дает ему возможность поступать так, как поступают все. И в этом смысле он казался ему просто белой вороной в том обществе, в котором жил.

Через несколько дней после прихода наших войск, отца вызвали райисполком. В кабинете председателя сидел военный.

— Здравствуйте, Федор Фёдорович, — приветливо сказал он, — не буду вам долго объяснять, время дорого. Вот вам мандат, вы назначаетесь уполномоченным Исполнительного комитета Золочевского района по хлебозаготовкам. Приступайте к выполнению обязанностей. Подберите себе помощников, мандаты мы им выдадим.

Федор Фёдорович сразу поехал на свой участок, его там встретили с радостью. Механик, который так хорошо ремонтировал молотилку, сказал:

— Помните того агронома, у которого немцы достали деталь для нашей молотилки?

— Конечно, помню!

— Вчера его наши расстреляли.

— Думаю, что заслужил!

Люди трудились день и ночь. Лозунг «Все для фронта!» приобретал в их действиях материальное воплощение.

И снова сводки информбюро были неутешительными, начиналось летнее наступление фашистских войск. Скоро стало ясно, что Золочев опять будет сдан. Федора Фёдоровича вызвали в райисполком. Было ясно, что оставаться в Золочеве ему нельзя, но и семью эвакуировать тоже нет никакой возможности.

— Мы советуем отступить с нашими войсками, хотя, конечно, понимаем, что грозит вашей семье, если вернется прежняя администрация. Но вы то, уж точно, будете расстреляны. Документы в случае положительного решения получите в соседней комнате.

Выбора не было. Судьба распорядилась так, что матери с детьми суждено было остаться. Мать собрала вещмешок. Отец крепко обнял всех и поцеловал, он смотрел так, как будто видит всех последний раз. В окно постучали. Уходил он не один.

И снова потянулись безрадостные дни оккупации. Средств к существованию не было никаких. Спасало только то, что была своя корова, звали ее Зойка, и она была почти членом семьи. Благо, что пастбищ хватало, поля заросли травой, немцам было не до урожая. Снова появились полицаи.

Медленно тянулось время. Безработные дни и ночи сменяли друг друга. Был ясный солнечный день, вся семья сидела на лавочке около дома. Подошел полицай и спросил:

— Вы гражданка Менде?

Мать кивнула.

— Вас вызывают в комендатуру. Завтра к 8-00 вы должны туда явиться.

У матери екнуло сердце: «Это за мужа». Полицай ушёл и вдруг она услышала уже знакомый звук «везу – везу». Улица просматривалась очень далеко и мать увидела, что где-то в ее начале на небольшой высоте идет немецкий самолет. Мать в отчаянии схватила сына на руки и все они кинулись через дорогу в соседский погреб. Совершенно ясно, что в такой ситуации нечего было бежать в погреб, потому что самолет был практически рядом, гораздо правильнее было спрятаться в своем же дворе. Но паника есть паника. Бомба взорвалась прямо перед бегущими. О том, что было дальше, мы уже знаем.

Трудно сказать, что было лучше попасть под бомбежку или идти в комендатуру. Так хоть ранило, а то могли и расстрелять.

Медикаментов и бинтов не было. На перевязочный материал мать рвала белье. Семья жила в сарае. В доме жили немецкие солдаты. Рана у сына на затылке была небольшая, но на ощупь мать определила, что остался осколок. Раны сестры и матери были серьезные, они начали гноиться и там начали заводиться черви. Немецкие солдаты были самые обыкновенные люди, они ни коим образом не относились враждебно к семье, живущей в сарае. Мать рассказывала, что иногда они даже угощали детей, а порой давали что-нибудь поесть.

Ранение матери было тяжелым, но не критичным. Осколок скользящим ударом разворотил левый висок, но кость задета не была. Хуже дело обстояло у сестры. Осколок навывлет прошел через щиколотку. При непринятии мер это грозило гангреной. И тогда мать обратилась к одному из немецких солдат. На следующий день он принес какой-то белый порошок и сказал, что его нужно засыпать в раны. Трудно сказать, что это было, по-видимому, стрептоцид. Раны после этих процедур начали очень быстро заживать, черви исчезли. У матери отлегло от сердца.

Линия фронта была уже где-то совсем рядом, все отчетливее была слышна канонада. Где-то совсем рядом шли ожесточенные бои. Это было видно и по настроению немцев, по всему было видно, что они готовятся к отступлению. Несколько дней подряд на севере стояло зарево, и практически не утихала канонада. По всему было видно, что где-то там, совсем недалеко идут ожесточенные бои. Все ждали, что вот-вот, вот-вот! Но немцы не уходили. Только потом стало известно, что то шли бои на Курской дуге. Но даже после Курской дуги еще длительное время немцы оказывали упорное сопротивление, и наши войска продвигались вперед очень медленно.

И опять немцы ушли также внезапно как и пришли. Все проснулись от страшного грохота. Мать выскочила на улицу:

— Детки, наши, наши пришли! Наши, наши, наши!!!

Фёдор выбежал на улицу и то, что он увидел там, он тоже запомнил на всю жизнь. С ревом и грохотом по улице непрерывным потоком шли танки. Танкисты, по пояс высунувшись из люков, махали руками. Люди плакали и обнимались. Но Фёдору плакать не хотелось. Он махал руками и тоже кричал: «Наши, наши!!!». Мать взяла на руки сестру и вынесла ее на улицу: «Девочка моя, родненька, смотри наши!»

Победа

Войска отступали, с ними уходил и Федор Фёдорович. Судьба забросила его в районный центр Двуречную. Очень скоро его вызвали в райком партии. В кабинете сидел крепкий мужчина в военной форме, он представился:

— Мажицкий, — и продолжил, — Федор Фёдорович, мы вас вызвали по очень важному вопросу, стране нужен хлеб. Вы назначаетесь уполномоченным представителем районного комитета партии по хлебозаготовкам в районе. Мы вам порекомендуем помощников из местного населения. Завтра же приступайте к работе. По всем возникающим вопросам можете обращаться ко мне лично. Хлеб стране нужен не меньше, чем танки.

Федор Фёдорович был обязательным человеком и с неиссякаемой добросовестностью принялся выполнять поставленную задачу. Мешало то, что он не знал людей, не знал район, его особенностей и специфику. Но труд делал свое дело. Через месяц его опять вызвал Мажицкий.

— Мы довольны вашей работой. Решением Исполнительного комитета вы назначаетесь исполняющим обязанности главного землеустроителя района. Познакомьтесь — это Иван Васильевич Бабыка, начальник районного сельскохозяйственного отдела. Слева от секретаря на стуле сидел крепкий мужчина лет сорока. Он приветливо улыбнулся и протянул руку.

— Мне о вас говорили только хорошее, надеюсь, сработаемся.

— Я тоже надеюсь.

Все с нетерпением ждали сообщений Совинформбюро. И, пожалуй, с особым нетерпением ждал их отец Фёдора. Где находится его семья, он прекрасно знал, всего лишь каких-то 150 километров разделяли его с ней. Но он не знал, живы ли его близкие. Грянула Курская битва и он прекрасно понимал, что в случае победы очень скоро Золочев будет освобожден от захватчиков. Да, был труден путь войск после Курской дуги и длился он не один день.

Однажды, вечером, он услышал голос Левитана. Сообщалось, что в тяжелых кровопролитных боях Красная Армия освободила от немецких захватчиков ряд населенных пунктов, в том числе и Золочев. Наутро Федор Фёдорович пошел в райком партии.

— Александр Михайлович, — обратился он к Мажицкому, — вы, наверное, знаете, что моя семья находится на оккупированной территории.

— Знаю, — ответил секретарь.

— У меня к вам большая просьба, помочь мне забрать родных.

— Но ведь Золочев оккупирован.

— Нет, вчера было сообщение о его освобождении.

— Это вопрос непростой. Дело в том, что если Золочев и освобожден, то он находится в прифронтовой зоне, а чтобы попасть в прифронтовую зону, нужен особый пропуск. Я такими полномочиями не обладаю.

— Что же делать? Неужели нет выхода. Ведь кто знает, опять начнется наступление немцев?

— Война есть война, все может быть.

— Александр Михайлович, я вас очень прошу, ведь партия большая сила.

— Федор Фёдорович, я еще вам совершенно откровенно говорю, что это не в моих силах. Эти вопросы решаются в соответствующих, неподвластных мне органах.

— С тяжелыми мыслями ушел он из райкома. Он и сам прекрасно понимал, что получить пропуск в прифронтовую зону, да еще штатскому человеку, задача не решаемая. Работа, работа, работа — это хоть как-то отгоняло тяжелые мысли.

— Так прошли две недели.

— Вас просил зайти Иван Васильевич, — сказала секретарша, когда Федор Фёдорович пришел на работу.

— Только что звонили из особого отдела и просили туда явиться, — не без тревоги в голосе сказал Бабыка, когда Федор Петрович зашел к нему в кабинет. Всем хорошо было известно, что вызов в этот отдел ничего хорошего не предвещал.

— Ну, что ж, чему быть, тому не миновать, — с несколько притворным спокойствием ответил Федор Фёдорович

— Когда я должен явиться?

— Сказали, как только появишься.

— Знаешь, где находится особый отдел?

— Не знаю.

— Иди в милицию, там скажут.

Разные мысли кружились в голове. Ведь был в оккупации. Времена беспокойные. А вдруг донос, ведь, сколько людей из той же Двуречной забрали.

Зайдя в милицию, он представился дежурному.

— Подождите, я доложу, присаживайтесь. С тяжелым сердцем сел на стул Федор Фёдорович и подумал.

— Может, отсюда уже и не выйду?

Дежурный был недолго.

— Пойдемте со мной.

Он провел через двор в соседнее здание. За столом сидел подтянутый военный. Уже длительное время, работая в районе, Федор Фёдорович знал и начальника милиции и других ее работников, но этого он видел в первый раз. Сидящий за столом человек не представился.

— Федор Фёдорович, вы хотели забрать свою семью из Золочева?

— Да, очень хочу!

— Мы решили выдать вам пропуск в прифронтовую зону. Радости он скрыть не мог. Сам, того не понимая, бросился обнимать военного, по щекам катились слезы.

— Спасибо, громадное спасибо!

— Вы себе представляете, что такое прифронтовая зона? — спросил военный.

— Нет.

— В прифронтовой зоне действуют отряды по борьбе с диверсантами и дезертирами. Эти органы наделены чрезвычайными полномочиями, а поэтому, как говорится, могут действовать без суда и следствия.

— Что это значит?

— Это значит, что могут расстрелять по ошибке.

— Чему быть, тому не миновать!

— Подумайте, но я вас предупредил. — Он достал из планшета карту и показал, где примерно находится линия фронта.

Рано утром, собрав вещевой мешок и положив туда все, что было съестного, он вышел из Двуречной. Как опытному геодезисту, ему не представляло труда проложить правильный маршрут своего движения. Не знал он, однако, что проложенный им маршрут пройдет через населенный пункт, с которым в будущем будет связана значительная часть жизни его семьи. Где найдет свою любовь его Фёдор, куда будут приезжать из далекой Канады его внуки и правнуки. А сейчас он отсчитывал шаги и шел вперед и вперед в полную неизвестность.

По его расчетам нужно было преодолеть около 150 километров по проселочным дорогам. Было тепло, и дороги уже высохли, так что идти было легко. Когда солнце начало склоняться к вечеру, позади было уже почти 50 километров, ноги с непривычки гудели, и он понял, что пора остановиться на ночлег. Заночевал он в копне соломы, ночь промелькнула как один миг. Проснулся он чуть начало светать, было холодно, ноги болели. Перекусив, он пошел дальше. Шел он практически параллельно линии фронта, но чем дальше он шел, тем отчетливее вырисовывались контуры жестоких боев: разбитые машины и орудия, подбитые танки, километры противотанковых рвов, окопы, воронки от снарядов. После Курской дуги это было место ожесточенных боев.

Из лесополосы его окликнули, он оглянулся и увидел троих приближающихся к нему военных. На них была практически новая форма НКВД, и это ему сразу бросилось в глаза. Офицер и два автоматчика подошли к нему.

— Предъявите документы? - строго обратился к нему старший.

Федор Фёдорович спокойно достал пропуск и подал ему, тот внимательно прочел его.

— Удостоверение личности, пожалуйста, — уже более мягким тоном попросил офицер.

— Мы должны вас временно задержать, такая у нас служба, — совсем вежливо сказал военный. Федор Фёдорович пожал плечами. Его отвели в полуразрушенную землянку, там сидело еще несколько человек. Он попытался завязать разговор, но разговаривать с ним никто не хотел. Прислонившись в углу на лавке он задремал. Его разбудил резкий окрик:

— Гражданин Менде, вставайте!

— Следуйте за мной, — строго сказал офицер.

Они вышли из землянки и направились к дороге, там стояла полторка, и два автоматчика что-то в сердцах объясняли водителю. Кроме водителя в кабине сидел еще какой-то военный. По всему было видно, что они ругаются.

— Что за базар? — подойдя, строго спросил сопровождающий.

— Не хочет ехать, — ответил ему один из автоматчиков.

— Вы знаете постановление ГКО об образовании отрядов специального назначения, — спросил офицер у сидящего в кабине военного и достал из планшета какую-то бумагу.

— Вот предписание, по которому мы имеем право, задержать любой транспорт для решения специальных задач. Он подал документ военному. Тот долго читал.

— Но, что я скажу своему начальству, по поводу задержки машины.

— Мы дадим вам соответствующую справку.

Сидящий в машине выматерился.

— Раз лазутчик расстреляли бы его на месте, а то вези его еще черти куда.

— Это наши вопросы, — спокойно ответил офицер.

— Садитесь, — со злостью сказал военный.

Автоматчик автоматом указал Федору Фёдоровичу на кузов.

Машина тронулась, и опять надвинулись тягостные мысли. Куда и зачем его везут, он не знал, но чувлось недоброе. Помолчав некоторое время, он обратился к сопровождающему.

— Объясните все-таки, в чем дело, ведь документы у меня в полном порядке.

— Федор Фёдорович, — неожиданно вежливо ответил офицер, и в его голосе чувствовалось не то извинение, не то укор в чей-то адрес, — в наши задачи входит борьба с диверсантами, лазутчиками и дезертирами. Документы у вас в полном порядке, но беда

заключается в том, что у нас нет своего транспорта, а мне сегодня нужно быть на опорном пункте в селе Липцы, туда около 20 километров, вот я и решил воспользоваться специальными полномочиями, чтобы не идти туда пешком. Приедем, я вас отпущу, да и для вас лишних 20 километров урежем.

— Ну, слава богу, а я думал кранты!

Дорога была разбита, кое-где попадались колдобины, заполненные водой, но полупортка бесстрашно ныряла в них и с честью выходила победительницей. Не прошло и часа, как впереди показались дома.

— Приехали! — весело сказал попутчик, — от Липец вам следует двигаться через лес в сторону Белгородской трассы.

— Я знаю, ведь я геодезист.

— Удивительно, ведь у меня отец тоже землемер, — ответил военный.

Дорога из Липец шла через лес. Не успел он пройти и 5 километров, как его опять остановили. Но обращение было куда более грубым.

— Много тут таких шляется! — кричал главный.

— Отконвоируйте задержанного в Липцы, там разберутся.

На опорном пункте никого не было. Пришлось ждать.

— Федор Фёдорович, вы откуда? — вдруг услышал он знакомый голос.

Перед ним стоял тот офицер, который вез его на полупортке.

— Да вот опять поймали.

— Ну и ну! громко рассмеялся офицер. — Ну и везёт же вам сегодня. Мы вам в пропуске поставим отметку, и вас уже дальше никто трогать не будет, — успокоил он.

На третий день пути Федор Фёдорович уже подходил к родному дому. Чувство страха и надежды боролись в его душе.

— Фёдор! Живы! — неистовым голосом закричал он. Около калитки стоял сын.

— Папочка, родненький! Папочка пришел! — кричал Фёдор. Выбежала Нина Николаевна. Отец бросился к ней. Громадный свежий шрам на левом виске, вся седая. Он крепко обнял ее.

— Где Ирина?

— Потом все расскажу!

— Жива?

— Да.

Вошли в дом. Сестра лежала на кровати и радостно улыбалась:

— Папочка, папочка! Как мы тебя ждали!

Она привстала с постели.

— Что с тобой, деточка?

— Ранили.

Времени у Федора Фёдоровича не было, нужно было собираться в обратный путь. И речи не было о том, чтобы достать какой-либо транспорт, да к тому же и Ирина еще ходить не могла. И здесь ему пригодились те мастерские навыки, которые были еще с детства. За три дня он смастерил двухколесную повозку. Колеса взял от разбитой телеги. Благо в подручных материалах нехватки не было. На четвертый день рано утром, сложив пожитки на повозку и усадив в нее детей, двинулись в путь. Повозка была тяжелая, и уже через несколько километров Федор Фёдорович почувствовал, что ему одному предстоящий путь не одолеть. Опять выручила Зайка. Вместе с коровой тянуть повозку было совсем легко.

На обратном пути их уже никто не останавливал, через несколько дней они добрались до Двуречной.

Жизнь начинала потихоньку налаживаться. Квартиру им дали около ветеринарной лечебницы. Это был большой трехквартирный дом еще дореволюционной постройки. В доме жил заведующий ветлечебницей с семьей и еще какой-то специалист.

Сводки с фронта были все радостнее. Войска продвигались вперед и вперед. Фёдор, конечно, тогда еще не понимал, что к чему, но однажды к ним вбежала соседка и закричала:

— Победа! Победа!

Мать начала смеяться и плакать, и он понял, что произошло что-то такое, чего люди с нетерпением и надеждой так ждали так долго.

Через год Фёдор пошел в школу, Ирина ходила уже в 5-й класс. Однажды отец пришел после работы в хорошем настроении.

— Представляешь, — сказал он матери, — меня сегодня вызвали в райисполком, и в торжественной обстановке наградили медалью.

— Какой медалью? — с удивлением спросила Нина Николаевна.

— «За доблестный труд в Великой Отечественной Войне».

Школа

Учился Фёдор плохо, не был даже хорошистом, но побаловаться любил.

— Когда я вижу твою учительницу, то стараюсь ее обойти десятой дорогой, — как-то сказала ему мать, — как ее не встречу, она всегда жалуется, что ты плохо себя ведешь. Когда это закончиться? Еще пожалуется – выдеру.

Фёдор знал, что мать шутить не любит.

В таблице за четвертый класс у него были все четверки, в том числе и за поведение. Но четверку по поведению в то время ставили только отъявленным хулиганам. С тяжелым сердцем Фёдор шел домой, табель тяжелым грузом лежал в сумке. Войдя в дом, он увидел, что в гостях у них начальник отца Иван Васильевич. Это был веселый и обходительный человек, чистокровный хохол и говорил он всегда по-украински.

— Выдали табель? — спросила мать.

— Да.

— Ну-ка покажи.

Фёдор долго искал табель в сумке, наконец, подал матери. Она посмотрела, а потом недоумевающе заморгала глазами.

— И поведение четыре? — угрожающе спросила она.

Он молчал.

— Не нужен мне ни такой табель, ни такой сын, — грозно сказала она. Бросила табель на пол и наступила на него ногой.

— Що там таке, Ніна Миколаївна? — невозмутимо спросил Иван Васильевич.

— Подумайте только, мало того, что ни одной пятерки, так еще и поведение четыре.

— А ну, Хведю, дай подивлюсь.

Фёдор поднял табель и подал Ивану Васильевичу.

— Та нічого страшного тут нема, що ж то за хлопець якщо де чого і не нашкодить, то вже зовсім дівчина. А оцінки в тебе гарні. П'ятірок в тебе нема, але ж і трійок теж. Отак завжди і держись у середняках, і не відставай дуже, і уперед не пнишь.

— Спасу нет, я его учителей уже встречать боюсь, всегда жалуются на поведение, — пожаловалась мать.

— Ніна Миколаївна не журіться, запам'ятайте моє слово, ще й який хлопець з нього виросте, пальці в рот не клади.

Мать доброжелательно заулыбалась.

— Да, я и сама считаю, что парень должен быть парнем, но не хулиганом же!

— Та ніякий він не хуліган, а за себе в житті, чого доброго, постояти зуміє.

Нельзя сказать, чтобы Фёдор был драчуном или кого-то обижал, но всегда умел дать сдачи, если его трогали. Слова Ивана Васильевича запомнились ему на всю жизнь. «Нужно уметь постоять за себя». Но не только этот очень важный принцип помогал ему в жизни, очень скоро он начал понимать, что для того, чтобы постоять за себя, нужно быть сильным, и не только физически.

Работа, работа, работа

У Федора Фёдоровича всегда на первом плане была работа. Каждый год как главный землеустроитель района он должен был сдавать годовой отчет о состоянии землепользования всего района. Эта работа начиналась обычно в начале декабря, и отец в это время практически дома не ночевал, уходил рано утром, а возвращался уже за полночь. Он просто не умел делать что-либо неаккуратно. И хотя часто отчет он сдавал с опозданием, но его отчеты всегда приводились в пример всей области.

Но большой труд обычно порождает и новые идеи. Фёдор начал замечать, что мать с отцом часто обсуждают какие-то производственные вопросы. Это было и не удивительно, потому что мать тоже была специалистом в области землеустройства и геодезии. Однажды он спросил у матери об этом. Она подумала и сказала:

— Твой отец очень умный человек, ты видишь, сколько он работает, а большой труд никогда не проходит даром. Ему в голову пришла очень интересная мысль, но в двух словах это не расскажешь. Ты как-нибудь попроси его, он хороший рассказчик, и я думаю, он сумеет тебе объяснить, чем так усиленно последнее время занимается.

Фёдор с нетерпением ждал отца в тот день.

— Папа, мама мне сказала, что у тебя есть какие-то интересные идеи, и что ты мне о них расскажешь, — обратился он к отцу, когда тот пришел с работы.

— Я и сам тебе хотел это рассказать, но вот все думал, поймешь ли ты, но думаю, что да, ведь ты уже в шестом классе.

В семье существовало очень простое правило. Все всегда друг другу рассказывали обо всем, и в семье вообще, как ему казалось, не было никаких секретов.

В то время был расцвет культа личности Сталина, но дома об этом говорили напрямую, объясняя Фёдору, что это деспотизм и беззаконие и все, что из этого проистекает. Правда, говорили ему и о том, что если то, о чем говорят дома, он будет рассказывать своим друзьям, то и отец и мать окажутся в тюрьме. И уже с тех пор он привык держать язык за зубами.

Отец объяснил ему, что те вопросы, которыми он занимается вот уже несколько лет, касаются чисто производства и никаких предостережений по поводу их секретности не высказал. Он умел очень хорошо и доходчиво объяснять даже не очень понятные вещи, и Фёдор с интересом его слушал. Он подробно рассказал ему, что такое геодезия, землеустройство, севооборот, какие геодезические инструменты при этом используются и как они устроены. Рассказывал он это ему несколько дней, но Фёдор не уставал его слушать и все больше понимал, насколько это интересно.

Основные новшества, которые отец предлагал ввести в землеустройство, касались организации севооборота колхозов с сильно растянутым землепользованием. Самыми трудоемкими в севообороте всегда были пропашные культуры, особенно сахарная свекла, потому что на ее прополку требовалось очень много времени. В то время ни техники, ни гербицидов для обработки таких культур не было, и все решала обычная сапка да руки тех, кто ее держал. Но до обрабатываемого участка нужно было еще дойти, а это время. И вот, когда участки с пропашными культурами оказывались на большом расстоянии от села, это было бедствием для тех, кто их обрабатывал. Колхозы с планами урожайности не справлялись, председателей колхозов снимали с работы. Нельзя сказать, что не было расчета трудоемкости затрат для таких случаев, но во всех существующих методиках использовались так называемые средние расстояния.

— Представь себе, — говорил отец, — что землепользование растянуто на 15 – 20 километров, а таких колхозов у нас хоть отбавляй, ведь все села обычно располагаются возле реки, а земля нарезана полосами поперек и уходит вглубь на большие расстояния. В один год пропашные около села рядом, а в другой на расстоянии 20 километров. Какое будет среднее расстояние?

— Очевидно 10 километров.

— Правильно. Но на расстоянии 10 километров еще можно участок обработать, хотя на то, чтобы дойти до участка, нужно потратить половину рабочего дня. Но вот на расстоянии 20 километров уже невозможно, потому что все рабочее время уйдет на ходьбу.

— Ну, это понятно.

— А вот тем, кто выпускает такие инструкции, а это рекомендации Института по сельскому хозяйству, нет. Но мы обязаны этим инструкциями пользоваться.

— Так что, головотяпы там сидят?

— Нет, не головотяпы, но люди обычно не знающие реалий сельской жизни, ведь на селе практически все держат коров, а доить корову и среди дня нужно, так что с поля и к обеду многим приходиться приходиться. Но это еще не все, оказывается, что непроизводительные затраты времени растут не по арифметической, а по геометрической прогрессии при таком подходе, но об этом наши ученые мужи даже не догадываются.

— Как это? — не понял Фёдор.

— Да очень просто. Тебе понятно, что если все рабочее время тратить только на ходьбу, то обрабатывать участок невозможно.

— Ясно.

— Так вот, каждый лишний километр больший, чем среднее расстояние, которое принимается при расчетах, тяжелым бременем ложится на плечи работающих. Отсюда и

геометрическая прогрессия, потому что когда все время тратить только на ходьбу, то время необходимое для обработки, стремится к бесконечности.

— Так что, такие простые вещи не понимают ученые, — удивился Фёдор.

— К сожалению, не понимают. Над этим вопросом я и работаю несколько лет. Сейчас все эти результаты приведены в систему, разработаны методики, построены соответствующие графики. В ближайшее время я хочу доложить это в областном управлении сельского хозяйства.

— Мама мне говорила, что у тебя очень хорошие отношения с начальником областного управления землеустройства.

— Да, мы с Николаем Добротиним знакомы еще с института.

Калинка, малинка!

После войны жизнь была очень трудной, многие люди голодали. Непосильное бремя было взвалено на плечи крестьян. В колхозах техники практически не было, все приходилось делать вручную. Даже пахать часто приходилось, запрягая в плуги коров. Особенно трудным выдался 1947 год. На фоне общей разрухи еще и неурожай. Люди пухли от голода. Чтобы купить буханку хлеба, нужно было с ночи занимать очередь у магазина. Колхозникам же не платили вовсе, оплата за трудодни проводилась один, в лучшем случае, два раза в год, и когда на этот самый трудодень давали 100 граммов зерна, считалось уже хорошо. Пьянства совсем не было, и что это такое Фёдор начал узнавать уже значительно позже. Отец вовсе не пил, как говорится, и в рот не брал.

Как-то раз во двор зашел человек, у него вместо ноги была колодка.

— Позови мать, — обратился он к Фёдору на русском языке.

Для Фёдора это было как-то непривычно, потому что все вокруг говорили на украинском, школа тоже была украинская, и, несмотря на то, что дома говорили на русском, на улице он всегда общался на украинском языке.

— Не купите ли вы у меня мясо? — обратился он к матери, когда та вышла к нему.

— У нас сейчас нет денег, — сказала мать, и он ушел.

— Наверное, выпить нужно, — мимоходом сказала мать, как бы давая ответ, почему она даже не посмотрела, что он принес.

Потом Фёдор узнал, что звали этого человека Калиныч, и что он работал резником на бойне.

Ветлечебница, около которой жила семья, была расположена километрах в полуторах от центра Двуречной, и туда можно было попасть, только пройдя дамбу, на которой было

два небольших моста. Протекала под этими мостами небольшая речушка, которая и дала название селу Двуречной. Летом это была совсем небольшая река, но во время весеннего паводка, она сильно разливалась, и собственно дамба и сдерживала весенние воды. Иногда дамбу прорывало, и тогда на некоторое время сообщение с центром, а там была и школа, прерывалось, что, конечно, с большим удовольствием воспринималось школьниками, живущими за дамбой.

Чтобы укрепить дамбу, и не дать в паводок воде ее прорвать, начиная с зимы, ее укрепляли. С местного карьера возили туда мел. Когда начинались дожди, все это превращалось в липкую белую кашу, которую очень трудно было отмыть с обуви.

И вот однажды, дело это было весной, дети отпросились у матери в кино. Кинотеатр был маленький и представлял собой тесное помещение, в котором стояли лавки, причем излюбленным местом для школьной детворы были места на полу перед передними лавками. Мест в билетах тоже не указывали, а садились там, где кто займет. Но ходить в кино любили все. Для Фёдора интересно было все, и если мать отпускала в кино – это был праздник. Чтобы занять места перед передними лавками, нужно было приходиться примерно за час до начала сеанса. Все же не успевшие занять места на полу и на лавках стояли прямо в проходах.

Ирина успела занять место на первой лавке, а он устроился на полу почти перед самым экраном. Вскоре кинозал был забит до отказа, начался сеанс. И тут вдруг Фёдор почувствовал, что ему стало тепло-тепло, как будто он сел в теплую воду. Но интерес был настолько сильный, что он сразу как-то и не обратил на это внимания. Но не прошло и десяти минут, как он почувствовал, что замерзает.

— Что такое?

Ощупал штаны, они были мокрые. Понюхал руку и тут все понял. Когда вышли из кинозала, он пожаловался сестре.

— Скажу матери, что ты уписался, — пошутила она.

— Да если бы я, а то кто-то другой, а мне штаны стирать, — разозлился Фёдор.

Дорога домой лежала через грязную дамбу и настроение у него совсем испарилось.

— По темноте обязательно где-то в эту белую грязь влезем, — сказал он сестре.

— Все равно тебя отмывать, — опять пошутила она.

— Да если бы только отмывать, а то и штаны стирать придется.

Не успели они выйти на дамбу как услышали, что там, изо всей дурацкой мочи, кто-то поёт «Калинку». Подойдя ближе, дети с недоумением увидели, что посреди дамбы, в этой самой белой жидкой сметане, в полушубках лежат два мужика и во все горло поют эту самую «Калинку». И самое главное, как заметил Фёдор, что они вполне довольны и даже не

пытаются встать. По тому, что у одного из них была не нога, а колодка, он понял, что это Калиныч.

— Что там за песни и хохот стоит на дамбе? - спросила у детей мать, когда они, изнемогая от смеха, пришли домой.

Когда они рассказали, что видели, она покачала головой и сказала:

— Да, широка русская душа!

Не думал тогда Фёдор, что и ему самому в своё время придется испытать эту самую широту русской души, а пока пришлось мыть обувь и стирать штаны. Мать стирать штаны не захотела.

Та учися милий синку, та читай багато, бо зостанешся ти дурнем, а я твоїм татом!

Мастеровые навыки отец прививал Фёдору с детства. Сам он был хорошим столяром, у него был отличный инструмент. В самом конце войны он решил заняться пчеловодством. Таких ульев как у Фёдора Фёдоровича не было ни у кого в Двуречной. Это были прекрасно выполненные, окрашенные в светло голубой цвет ульи. Выстроенные в ровные ряды они напоминали сказочный городок, но делал отец эти ульи не один год, помогал ему в этом столяр Семен Семенович, который жил по соседству. В те времена люди были гораздо более общительными, и за правило считалось ходить вечером друг к другу в гости. Этой сельской традиции семья приучена не была, но всегда приветливо встречала проходящих вечером, как говорилось, посидеть. Особенно часто приходил Семен Семенович, и Фёдор был всегда очень рад его приходу. Гость рассказывал всякие интересные истории из своей жизни и о том, что слышал от других.

Сельская жизнь очень отличается от городской, прежде всего тем, что в селе жить без подсобного хозяйства было просто невозможно. Тем более, в те первые послевоенные годы, когда за зарплату отца можно было купить разве что десяток кусков хозяйственного мыла. Сколько Фёдор помнил, семья жила бедно, несмотря на достаточно высокое служебное положение отца. Отец никогда не брал взяток и подаяний, хотя в то время отношение к земле было совсем иным и в стране в целом и у каждого человека в отдельности. Количество земли, которое мог получить в пользование колхозник или служащий было строго ограничено, а поскольку земля это была жизнь, каждый хотел получить хороший участок. Когда Федор Фёдорович нарезал себе участок, все удивлялись.

— Неужели главный землеустроитель района не мог найти себе участок лучше?

Но таков был отец. Участок, который он сам себе выделил, был частью старого заброшенного сада и чтобы его освоить прежде всего нужно было выкорчевать все деревья. Корчевали деревья почти год. Фёдор также запомнил, что однажды к отцу пришел какой-то

мужик и пытался предложить ему деньги, как потом он узнал, тот хотел получить хороший приусадебный участок, на котором хотел строить дом. Отец просто его выгнал и пригрозил, что пожалуется в прокуратуру. В прокуратуру жаловаться, конечно, он не стал, но в Двуречной все знали, что к Федору Фёдоровичу с такими предложениями ходить нечего.

Где-то в шестом классе Фёдор увлекся радиоловительством. Брат его школьного приятеля был радиолобителем. Когда однажды, будучи у него в гостях, тот дал ему наушники и в них Фёдор услышал музыку, то очень удивился.

— Что это, — спросил он.

— Детекторный приемник.

— А что нужно, чтобы его сделать?

— Только антенну и сам приемник.

— А из чего он состоит?

— Катушка, детектор и наушники.

— Так просто?

— Да, очень просто.

В жизни каждого человека бывают случаи, которые переворачивают или, вернее, поворачивают ее в совсем другое русло. Именно этот случай и стал основополагающим отсчетом во всей жизни Фёдора.

Антенну он сделал быстро, но вот эмалированную проволоку для катушки достать было негде. В Двуречной был радиоузел, и однажды, идя со школы, он решился туда зайти. Дверь была заперта, он постучал. Щелкнул замок, и дверь отворилась. На пороге стоял молодой парень, он вопросительно смотрел на него. Фёдор смутился.

— Дяденька, у меня к вам большая просьба.

— Какая? — спросил парень.

— Я радиолобитель, хочу сделать детекторный приемник, но вот провода на катушку нет.

Парень улыбнулся.

— Ну, раз радиолобитель, заходи, я тоже радиолобитель.

Фёдор представления не имел, что такое радиоузел. То, что он увидел, его буквально ошеломило. В просторной комнате стояли приборные стойки на них горели лампочки, в такт со звуками подергивались стрелки на приборах. Парень заметил восторг в его глазах и спросил:

— Нравится?

— Очень!

— Хочешь, расскажу, как все это работает?

Глаза Фёдора загорелись. И парень не спеша начал указывать на блоки, расположенные на стойках и рассказывать, что они из себя представляют. Фёдор практически ничего не понял из его рассказа, но с восхищением смотрел то на парня, то на блоки.

— Это очень интересное дело! — закончил рассказ парень. — Какая проволока тебе нужна?

— Ну, хотя бы пол миллиметра толщиной.

— К сожалению, проволоки такой толщины у меня нет, но вот в три десятых могу дать. Сделаешь вариометр, и будет прекрасно работать. Фёдору неудобно было спросить, что такое вариометр, но он кивнул головой.

— Сколько тебе метров?

— Ну, хотя бы метра три.

— Нет, трёх будет мало, нужно, по крайней мере, метров десять.

Домой Фёдор летел на крыльях. Он вскоре нашел в книжках конструкцию вариометра, и через несколько дней детекторный приемник был готов. С дрожью в руках он подключил его к антенне и надел наушники. В наушниках слышалось легкое шипение и треск. Фёдор начал поворачивать ручку вариометра, и вдруг откуда-то издали он услышал музыку.

— Папа! — закричал он. — Приемник принимает.

Подождал отец, надел наушники и его лицо расплылось в улыбке.

— Молодец, сын, хвалю.

Он ушел на работу, а Фёдор целый день просидел у приемника. Приемник принимал только одну станцию. Вечером он включил приемник снова, и каково было его удивление, когда он смог настроиться уже на три станции.

Кроме радиолобительства Фёдор был еще и страстным рыболовом. В Двуречной, кроме небольшой речушки, была и большая река Оскол. На десятки километров расстилались плавни, в которых было громадное количество стариц и мелководий, мелководья зарастали камышом. В старицах было много рыбы. Если посмотреть с пригорка на плавни, то казалось, что камышам нет конца, и только где-то вдали виднелся лес – там и протекала основная река. Плавни перегораживала длинная дамба, а сама река протекала под почти полукилометровым деревянным мостом. Конечно, река не была так широка, но в половодье даже такой широкий проем с трудом справлялся с паводком. Мост был очень высоким, а перед сваями, на которых стоял мост, высились мощные ледорезы из деревянных свай. Ледорезы предохраняли сваи моста от натиска ледохода. Здесь и было основное место лова рыбы. Сваи были перевязаны поперечными бревнами на трех уровнях и с моста, хотя и рискованно, но можно было на них попасть. Оттуда и ловили рыбу. Во время войны мост был разрушен и сразу по ее окончании его начали отстраивать. С пригорка хорошо было

видно, как при помощи большой железной бабы забивают сваи. От места наблюдения до моста было около километра, и Фёдор начал замечать, что после того как баба падала на сваю, звук удара было слышно только спустя некоторое время.

— В чем дело? — недоумевал он.

Однажды он спросил об этом отца.

— Это явление связано с тем, что скорость распространения света в воздухе гораздо больше, чем скорость распространения звука. Звук до нас доходит позже, чем долетает свет. Поэтому момент падения бабы мы видим практически мгновенно, а вот звук ее удара до нас долетает гораздо позже. Предлагаю решить тебе одну задачу. Известно, что скорость звука примерно 300 метров в секунду. Если ты услышишь звук падения бабы через три секунды после того как увидел, что она упала на сваю, то сколько метров до сваи?

Фёдор сообразил сразу.

— Девятьсот метров.

— Вот теперь и определи, какое расстояние от твоего места наблюдения до моста.

На следующий день, когда отец пришел с работы, Фёдор отчитался.

— До моста полтора километра, потому что звук летит пять секунд.

— Правильно, — сказал отец.

Жизнь текла, и дальнейшие события не заставили себя ждать.

Секретар райкома партии и конюх.

Однажды отец пришел с работы хмурым.

— У тебя неприятности? — спросила у него мать.

— Похоже да. Наш секретарь райкома партии поссорился с нашим конюхом.

— Как поссорился? — недоумевающая спросила мать.

— Помнишь, я тебе рассказывал, что наш конюх Савелий начал строить дом, но отвод земли до сих пор полностью не оформлен. Дом стоит около стадиона, а отвод на стадион еще тоже не оформлен, так что та часть его участка, которая прилегает к стадиону не имеет границы. Решение этого вопроса, я решил отложить до оформления отвода на стадион.

— Так в чем вопрос?

— Да не в стадионе дело. Дело в том, что недалеко от Савелия живет сестра нашего секретаря. Дом, который построил Савелий гораздо лучше ее дома, вот зависть и глохнет эту самую сестру.

— Но ты то туту причем?

— Очень даже причем. Сегодня меня вызвал Иван Васильевич и очень популярно объяснил суть дела. Ты же знаешь, какой сукин сын наш секретарь Конотоп, этого он так не оставит, это тебе не Мужичький. Вот и хотят моими руками решить этот завистливый вопрос.

— Но каким образом?

— А очень просто. Раз отвод на стадион еще не сделан, то границу стадиона следует провести так, чтобы Савелию пришлось дом сносить.

— Да ты что, ну и сволочь!

— Конечно, но ведь ты прекрасно понимаешь, что значит поссориться с секретарем райкома партии. Не знаю, что делать. Тем более, к такому решению вопроса склоняется и Иван Васильевич.

— Но ведь Савелий ваш конюх.

— Да, но ведь и Ивана Васильевича этот вопрос может рикошетом зацепить.

После этого разговора прошло какое-то время, отец ходил как туча. Но однажды, придя с работы, отец как-то облегченно сказал:

— Я принял решение.

— Какое? — спросила мать.

— Сегодня я вынес в натуру границу стадиона, она проходит в десяти метрах от дома Савелия. Ты сама понимаешь, что это означает.

— Да, — горестно улыбнулась мать.

Не воруй!

Мозг человека устроен так, что надолго запоминает события, которые, как говорится, врезались в память. Но потому они и врезаются, что приносят или большую радость или большое горе: поймал в первый раз крупную рыбу, полюбил девушку или разлюбила любимая. Да мало ли каких событий крупных и мелких вбито в наши головы. По сути дела они и представляют нас как личность, ибо не было бы этих событий, не было бы и нас самих, по крайней мере, и в своем собственном представлении и в представлении других людей. Но все события нас чему-то учат – хорошему или плохому сказать иногда трудно, но, взвешивая целый набор таких событий в нашей жизни, мы и принимаем наши решения. Плохих людей от рождения не бывает, но вот от того, чем сумели набить наши головы наши родители, учителя и сама жизнь и зависит оценка человека тем обществом, в котором он живет.

Как-то раз мать послала Фёдора на огород посмотреть, нет ли еще огурцов. Придя туда, он увидел, что своих огурцов еще нет, но вот у соседки на грядке огурцы уже были. Ему очень захотелось съесть огурец. Он тайком сорвал один и съел. Потом подумал и сорвал еще один и положил в карман. Вернувшись домой он доложил, что огурцы еще не спели. Когда переодевался злополучный огурец выпал из кармана.

— Откуда это? — строго спросила мать.

Фёдор покраснел до ушей.

— У соседки сорвал.

— Одевайся, — строго сказала мать.

— Зачем?

— Потом узнаешь.

Она взяла Фёдора за руку, видно было ее возмущение и негодование.

— Бери огурец! — Фёдор не спорил.

— Куда мы идем? — спросил он у матери.

— К соседке. Сейчас ты расскажешь ей, что украл у нее огурец и попросишь прощения.

На всю жизнь запомнил Фёдор этот огурец.

Лодка.

Фёдор все время мечтал о своей лодке, но он прекрасно понимал материальное положение семьи, и у него даже в мыслях не было попросить у родителей об этом. Летом он днями пропадал на реке. Ходил с удочкой, или с ребятами ловили рыбу регелей. Регеля представляла собой достаточно примитивную сетку, выполненную в виде остроконечной крыши дома, затянутой сеткой со всех сторон, кроме одной. Несмотря на простоту орудия лова, в нее попадалась достаточно крупная рыба, особенно хорошо ловились раки. Рыбу забирали домой, раков пекли на костре. Однажды он решил пойти порыбачить с удочкой под мостом. На сваях хорошо ловилась рыба, и связано это было с тем, что во время хлебозаготовок часть зерна, которое просыпалось из кузовов машин, попадало в речку, что служило кормом для рыбы. Попасть на перекладину свай было не просто, потому что крайние из них были расположены под пешеходным настилом и нужно было на большой высоте, повиснув на руках, поймать ногами первую перекладину на сваях. Но пацаны есть пацаны – всегда лазили и ничего не боялись.

Фёдор закинул удочку и вдруг увидел, что поплавок как-то странно подпрыгивает. Он подсек, но не тут-то было, леску и удочку повело в сторону. Опыта вытаскивать большую

рыбу еще не было. Он двумя руками схватил удочку и потянул на себя. Вяло хлопая хвостом, на поверхности появилась громадная рыба, плыла она на боку. Как он вытащил эту рыбу, он не помнил, по-видимому, просто леска не подвела. Это был лещ до двух килограммов. Идя домой, Фёдор специально нес его на кукане, чтобы все видели.

— Ну и ну! — сказала мать, когда он зашел во двор. - У тебя сегодня двойной улов, — лукаво прищурившись, продолжала мать.

— Какой еще двойной?

— Сказать? — весело посмотрев на отца, спросила мать.

— Конечно!

— Отец купил тебе лодку, — мать и отец радостно улыбались.

Радости Фёдора не было предела, он запрыгал, а потом кинулся обнимать родителей. С появлением лодки начался новый рыболовный этап в его жизни. Лодка предоставляла в этом отношении самые разные возможности. Он ловил на удочку, ставил переметы и сетку, так что дома на столе рыба была практически всегда.

Среди рыбаков ходили слухи о каких-то таинственных волосах, которые якобы жили в реке и впивались в людей, но Фёдор этих волосов никогда не видел и считал, что это просто рыбацкие байки. Но однажды, вытаскивая в лодку сетку, он вдруг увидел, что в ней шевелится клубок черных конских волос. Клубок упал в лодку, и тут он с ужасом увидел, что конские волосы живые. По виду это были обычные черные конские волосы длиной 20 – 30 сантиметров, но они шевелились, и как только упали в лодку, сразу же начали по ней расползаться. Они ползли по снастям и по бортам лодки, по рукам и ногам. Фёдор со страху прыгнул в воду и уже вплавь дотащил лодку до берега. В лодке было еще много этих самых волосов, и он начал их рассматривать. С виду это был волос из конского хвоста только живой, впереди торчали два небольших усика, которые слегка шевелились.

— Так вот какие волосы, - подумал Фёдор, - но что-то ни один из них в меня не впился, да и как это он сможет сделать, если у него рожки спереди?

Но все-таки ощущение было неприятное. Он перевернул и вылил воду из лодки. Больше никогда в жизни Фёдор волосов не видел. Но слухи о том, что они впиваются, продолжали ходить среди рыбаков.

Генеральная линия партии

В отличие от Фёдора Ирина всегда была примерной ученицей, училась хорошо, хотя не была круглой отличницей. Мать всегда приводила ее ему в пример.

— Вот видишь, я с удовольствием встречаю учителей Ирины. Они всегда говорят о ней только хорошее, а твоих встречать просто боюсь, потому что всегда только и разговоры, что ты хулиган.

Но однажды, придя из школы домой, Ирина сказала:

— Мама, тебя вызывают в школу.

— Зачем? — с удивлением спросила мать.

— Мы писали сочинение, и была тема «Катерина луч света в темном царстве» по драме Островского «Гроза».

— Ну и что же?

— Так вот я написала это сочинение под заглавием «Катерина не луч света в темном царстве».

— А почему ты так написала?

— Да если бы Катерина была этим самым лучом, так нужно было бороться за своего мужа, а не поступать так, как она поступила.

Нина Николаевна задумалась.

— А ты знаешь, я ведь тоже так считаю, но зачем же меня в школу вызывают?

— Не знаю, сказали, что бы ты пришла.

Директором школы была достаточно властная женщина по фамилии Третьякова, работала она в этой должности всего год или полтора, а до этого была инструктором райкома партии. Школьники ее побаивались и почему-то дали ей кличку «Полундра».

— Вы меня вызывали? — вежливо спросила Нина Николаевна, зайдя в кабинет.

— Да, — тоже вежливо и приветливо ответила директор, - приглашая сесть.

— Хочу поговорить с Вами о вашей дочери. Я знаю, вы человек интеллигентный и мне бы хотелось, чтобы вы меня поняли правильно, - также приветливо продолжала директор.

— Я для этого и пришла.

— Наверное, вам уже сказала дочь о том, что послужило причиной вашего приглашения в школу?

— Сказала, но я совсем не понимаю, может ли быть причиной вызова в школу родителей факт написания сочинения по драме Островского.

— Вот об этом я и хочу поговорить с вами. Я думаю, вы понимаете, что такой предмет как литература несет на себе определенную идеологическую нагрузку и все, что мы преподаем, мы делаем именно под этим углом зрения. Факт же написания вашей дочерью сочинения с таким названием свидетельствует о том, что мы не смогли донести нашу идеологическую линию до некоторых наших учеников. Вам может показаться странным, но

о подобных фактах, я как директор школы, должна в письменном виде информировать Областной отдел народного образования.

Прийдя домой, Нина Николаевна рассказала о разговоре с директором.

— Это вполне естественно, — сказал отец, — ты видишь, что делается в газетах и по радио, сколько десятков, может быть и сотен раз за день, мы слышим по радио слово Сталин. Основная идеология партии – это культ личности Сталина. Вопрос же стоит так: шаг влево, шаг вправо от генеральной линии партии – расстрел.

— А что такое генеральная линия партии? — спросил Фёдор.

Отец улыбнулся, взял лист бумаги и провел на ней две параллельные линии.

— Вот видите, дети, это правый уклон в партии, — и он показал на линию справа, — а вот это левый уклон, — и он показал на другую линию, — а вот генеральная линия партии, — и он провел волнистую линию между двумя параллельными.

Дети расхохотались.

— Шутки плохи, — серьезно сказал отец. — Ведь в стране настоящий физический и моральный террор, казалось бы, нужно ли из-за такого пустяка вызывать в школу родителей, а тем более писать докладные в Облоно. Вы еще маленькие и многого не понимаете, но, когда вырастаете, поймете в какое жестокое время вам и вашим родителям пришлось жить. Сейчас еще ничего, хоть как-то поутихло, а что было в 37-мом... Людей забирали по ночам, а куда они исчезали так никто и не знал. Даже анекдот такой был, но и за него тоже могли расстрелять.

— Расскажи, папа.

— Ну вот, ночью страшный стук в дверь коммунальной квартиры, около двери собрались жильцы, но открывать боятся. Стук усиливается. Наконец, одна старушка решается открыть. — Вы что тут оглохли все! - кричит вбежавший. - Выносите вещи, дом горит. — Ну, слава богу, — облегченно вздыхают жильцы, — а мы думали НКВД.

— И что за такой анекдот могли расстрелять?

— Да, могли и расстрелять, могли и на 20 лет посадить, за антисоветскую пропаганду.

— Дети, — строго сказала Антонина Николаевна, — я еще раз хочу обратить ваше внимание на то, что все то, что говорится дома, вы ни в коем случае не должны рассказывать даже своим самым близким друзьям, потому что мы живем в государстве тотальной слежки.

— Да, — обратился ко всем отец, — совсем забыл сказать. Ты знала Пронько?

— Да, вроде фамилия знакомая.

— Ему же 15 лет дали.

— За что?

— За анекдот. Когда я последний раз возил отчет в областное управление, я ночевал у Гальперовича.

— У главного инженера управления?

— Знаешь, что он мне рассказал? Вызвали его в особый отдел и начали расспрашивать о Пронько. Он им все, что о нем знал, рассказал. А его потом спрашивают:

— А вы знаете, за что его осудили?

— Нет, — говорит он, — откуда мне знать?

— Он занимался антисоветской агитацией, и, в частности, распространял следующий анекдот. Сидят в Москве около Кремля грузины-чистильщики, подходит к ним человек и просит почистить ботинки.

— Не чистим, — отвечают они.

— А чего же вы тут сидите? — спрашивает.

— Назначения дожидаемся.

— Я, говорит, после этих слов чуть в штаны не наложил, ведь это я ему этот анекдот рассказал. Ну, думаю, была ни была, все равно знают – надо признаваться, и говорю, а с меня пот льет.

— Ведь, говорю, этот анекдот я ему рассказал.

— Мы знаем, — отвечает особист, — но ведь вы ему с глазу на глаз этот анекдот рассказали, а вот он его в коллективе рассказывал, а это уже пропаганда, за это и получил.

— Я после этого разговора неделю отойти не мог, думал, заберут, но вот пока дома.

— Видите, дети, как анекдоты рассказывать, - заключила мать, - так что смотрите.

Электроконструктор

Видя, что сын увлекается радиолюбительством, Федор Фёдорович всячески поощрял это увлечение. Сам он хорошо знал физику, потому что до поступления на землеустроительный факультет, два года проучился в университете на физико-математическом факультете и, конечно, на все вопросы сына у него всегда были готовы ответы. Мать тоже была достаточно образованным человеком. До поступления в институт она окончила гимназию. Хорошо знала не только математику, но и увлекалась литературой, прочла много книг, и по этой части Фёдор всегда мог получить исчерпывающий ответ на любой вопрос. Мать хорошо знала также историю русского революционного движения. Ее отец был эсером, и бывал в ссылках, мать и родилась в Чите как раз в один из периодов отбывания отца в ссылке в Сибири.

Однажды, приехав из очередной командировки, отец достал из вещмешка большую красочную коробку и подал Фёдору. На коробке было написано «Электроконструктор». Это был замечательный подарок. На унифицированной плате можно было собирать множество электрических устройств, начиная от демонстрации опытов по электромагнетизму, когда при помощи стальных опилок воочию можно было наблюдать наличие магнитных силовых линий вокруг постоянного магнита или электромагнита, и заканчивая настоящим электрическим двигателем постоянного тока. Каково было удивление Фёдора, когда, собрав электрический звонок, он подключил к нему батарейку, и тот зазвонил. Еще больший восторг был, когда он собрал электромотор. Он своим глазам не поверил, когда электромотор при подключении к нему батарейки вдруг начал вращаться с бешеной скоростью. Из под щеток сыпались искры, и в воздухе начинало пахнуть чем-то кисловатым. Когда отец пришел с работы, он с гордостью показал ему действие электромотора, и отец подробно рассказал ему, почему мотор вращается. Он всегда рассказывал очень понятно, и Фёдор очень любил эти рассказы.

— Папа, а что это пахнет, когда мотор вращается?

— Это запах озона. Видишь, как искрят щетки. Искры и производят озон.

— А что такое озон?

— Ты, наверное, знаешь, что человек при дыхании потребляет из воздуха кислород, кислород участвует в окислительных процессах, которые происходят в организме. Кстати, когда горят дрова или уголь, это тоже окислительный процесс. При окислении выделяется тепло. Когда это происходит в печи это наглядно видно, в организме происходит то же сгорание топлива, только немного по другой схеме. Благодаря такому сгоранию, мы и можем выполнять физическую работу, а также поддерживается определенная температура тела.

— Но причем тут озон? — снова спросил Фёдор.

— Так вот кислород в воздухе содержится в виде молекул, когда два отдельных атома кислорода прилипают друг к другу и в таком виде и летают в воздухе. Электрическая же искра разбивает молекулу кислорода на два отдельных атома. Атомарный кислород является гораздо более сильным окислителем и быстро окисляет даже те вещества, которые молекулярный кислород окисляет с трудом. Поэтому мы и слышим специфический кисловатый запах. Тебе приходилось наблюдать, как свежо бывает после грозы? Молния это громадная искра, и она тоже вырабатывает озон, запах которого мы и слышим после грозы.

— Как все интересно и просто, — подумал Фёдор.

Но не только радиолюбительством и рыбной ловлей увлекался он. Как-то раз он увидел, как старшие школьники запускают модель самолета. К длинной тонкой планке были

прикреплены крылья и хвостовое оперение, обтянутые пергаментом. Пропеллер вращался при помощи резинки, которая была натянута вдоль всего самолета. Каково же было удивление Фёдора, когда, накрутив резинку, мальчик как-то слегка вниз толкнул самолет, отпустив пропеллер, и самолет полетел. Похожий на стрекозу, он пролетел метров 50 и плавно опустился на землю.

Прожив большую жизнь и повидав многое, мы уже практически ничему не удивляемся, но вот то удивление, которое мы испытываем в детстве, часто запоминается на всю жизнь. Оно-то очень часто и заставляет нас делать самые разные новые дела.

Плагиат

Но мало помалу, совсем незаметно, над семьей начали сгущаться тучи. Дети как-то особенно каким-то только им известным чутьем понимают это. Чувствовал это и Фёдор. Родители начали мало смеяться, они часто о чем-то тихо говорили между собой. И он однажды спросил об этом у матери.

— У отца неприятности на работе, — ответила она, — он тебе рассказывал о новых методах землеустройства, которые он предлагает.

— Да, рассказывал.

— Так вот об этом он рассказал на совещании в Областном управлении. Всем его доклад очень понравился.

— Так это же хорошо, — порадовался Фёдор.

— Хорошо, да не очень. Через некоторое время его вызвал начальник Управления Добротин. Они ведь с отцом старые друзья. И что ты думаешь, он ему предложил?

— Не знаю.

— Он сказал, что собирается писать книгу по землеустройству, в которую хотел бы включить и материалы, полученные отцом.

— Так это же хорошо! — удивился Фёдор.

— Нет, это очень нехорошо и нечистоplotно. Представь себе, что ты делал приемник или самолет, а потом к тебе приходит кто-то и говорит, что бы ты его отдал, да еще потом и скажет, что сам сделал. Тебе будет жалко его отдавать?

— Да сам самолет я, может быть, и отдал бы, но вот то, что он его сам сделал, это уже нечестно.

— Вот так и отец считает. Эта же работа заняла не один год упорного труда, а ее практически хотят украсть.

— Что же делать?

— Вот и думаем, что же делать. А как бы ты поступил? — вдруг спросила Нина Николаевна.

— Я бы не отдал.

— Вот и отец отдавать не хочет, но не отдать это значит сильно испортить отношения с начальством, а отдать – это значит совершить сделку со своей собственной совестью.

— Не отдавать ни за что! — уверенно сказал Фёдор.

— Начальник управления человек мстительный и начнет выживать отца с работы, а ты ведь характер отца знаешь, в таких условиях он работать просто не сможет, да еще ты знаешь, какие в настоящее время отношения у отца с райкомом партии.

Как-то нехорошо стало на душе у Фёдора. Жалко, страшно жалко было отца. И тут он в первый раз почувствовал, что в жизни все не так радостно и безоблачно, как ему казалось раньше. И он понял, что боль и обида за близкого человека, которого ни за что ни про что так унижают, это совсем не простое чувство, чувство, которое, прежде всего, вызывает отвращение к несправедливости. Но чем он мог помочь отцу, разве только сочувствием.

Когда отец пришел вечером домой, он сказал ему:

— Мама мне обо всем рассказала, не горюй, прорвемся, но никому ничего не отдавай.

Отец радостно улыбнулся, и его глаза заблестели как-то по-особенному.

— Спасибо тебе, сын. Конечно, прорвемся! - и он крепко обнял Фёдора.

Правду говорят в народе: пришла беда, открывай ворота.

Мама, почему ты плачешь?

Перед глазами стояла какая-то дымка, а вокруг тишина. Такую тишину Фёдор еще никогда не ощущал. Тишина и дымка, да еще голова все время куда-то провалится, то вдруг начинало казаться, что перед глазами глубокое-глубокое небо. Фёдор никак не мог понять, что происходит. Он попытался открыть глаза и вдруг увидел заплаканное лицо матери.

— Мама, почему ты плачешь?

Мать всхлипнула, и он снова куда-то провалился. Сознание к нему приходило не сразу.

Утром, идя в школу, они с одним из попутчиков решили поиграть в квача. Дорога проходила через старый заброшенный сад, и они начали прыгать с дерева на дерево, гоняясь друг за другом. Как он сорвался и упал головой вниз, он не помнил, но в школу он ушел рано утром, а очнулся, когда уже вечерело.

— Мама, что случилось? — опять ничего не понимая, спросил Фёдор.

— Сынок, тебе нельзя ни шевелиться, ни разговаривать, — горестно ответила мать, лицо ее было заплакано.

— Ты упал с дерева.

Полубессознательное состояние длилось несколько дней, но молодой организм делал свое дело. Где-то на третий день он уже мог поворачиваться с боку на бок, а через неделю уже начал вставать с постели.

Правду говорят – пришла беда, отворяй ворота.

Не успел он оправиться от случившегося, как новая беда уже подстерегала его.

Для рыбной ловли нужно большое количество грузил. Для этого плавил свинец и разливали его в специальные формы. Делал грузила и Фёдор. Как-то раз он поставил банку со свинцом в горящую печь и забыл про нее. Когда хватился, банка были раскалены докрасна. Не долго думая, он схватил плоскогубцы и попытался вытащить банку из печи. К несчастью только перед этим мать помыла пол и тот был еще мокрым. Банку с расплавленным свинцом он не удержал и уронил. Облако пара и раскаленного свинца ударили в лицо. Он начал лихорадочно оттирать свинец, но он снимался вместе с кожей. Почти все лицо было обожжено, что-то очень жгло в левом глазу. Он моргал глазом, но жжение не прекращалось. Мать вбежала в комнату и ахнула.

— Боже, боже, что же ты наделал?

— В глазу жжет.

Мать попыталась приоткрыть обожженное веко.

— В глазу свинец, — с ужасом в голосе сказала она, — что делать!?

Фёдор никогда не видел мать такой. Обычно она никогда не теряла самообладания, но сейчас на ней не было лица.

— Да все будет в порядке, — попытался утешить ее Фёдор.

— Ты можешь потерять глаз, — горестно заплакала она.

Вскоре пришел отец.

— Да, в глазу свинцовая капля, — сказал он, посмотрев в глаз.

Все лицо кровоточило. Отец натолк стрептоцида и засыпал раны. Затем замотали лицо полотенцем и повели его в больницу. И тут Фёдор вдруг понял, как страшно быть слепым. Кругом одна темнота и ничего больше. «Какой ужас, а как же если человек полностью слепой?» — думал он пока шли в больницу. И в его голове, несмотря на жгучую боль и жжение в глазу, вдруг промелькнула радостная мысль.

— Слава богу, хоть один глаз, а если бы оба?

Хирург оказался человеком решительным, он, не долго думая, открыл обожженный глаз и пинцетом вынул свинцовую каплю.

— Посмотри на меня.

Фёдор открыл обожженный глаз.

— Вижу, — радостно сказал он хирургу.

— Парня нужно срочно везти в Харьков, сильный ожог и это может закончиться слепотой.

На следующий день Федор Фёдорович и Фёдор уже ехали в город. До этого ему никогда не приходилось ездить на поезде, и он смотрел и смотрел в окно вагона. Пробегали поля, деревья, постройки. Жгло лицо, болел глаз, но новые впечатления заглушали боль. Он думал, что они скоро приедут в город, в котором он тоже никогда не бывал. Ему хотелось, чтобы поезд шел скорее и скорее.

В глазной клинике сказали, что ожог хотя и сильный, но излечимый и придется пробыть на лечении дней десять. Этому Фёдор особенно обрадовался, не видел он до этого ни трамваев, ни троллейбусов. Все это: дома, асфальтированные улицы, большое количество автомобилей его поражало.

Но особенно ему понравился обед в столовой. Он в своей жизни еще никогда не ел макарон, а что такое шницель и вообще не слышал. И таким ему все показалось вкусным, что он каждый день с нетерпением ждал похода в столовую. Раны на лице быстро подживали, глаз болел все меньше, а к концу лечения и вовсе боль прошла. Врачи сказали, что ожог прошел почти без последствий, но с возрастом может наблюдаться некоторый процент потери зрения. Фёдора это уже абсолютно не волновало. На лице после ожогов остались красные пятна, но врачи сказали, что и они где-то через пол года исчезнут. Но и это уже не волновало Фёдора. Он с удовольствием думал, как они с отцом будут опять ехать домой на поезде, как он опять будет заниматься радиodelом, как будет ловить рыбу. Небо впервые было безоблачным и ясным. Вот только в школу ходить не хотелось.

— Посмотри, что я тебе купил, — сказал отец, подавая ему книгу.

На обложке было написано «Юный радиолюбитель». Когда они ехали домой, он уже не смотрел в окно, а читал подаренную книгу. В ней было очень много интересного, но схемы ламповых приемников, которые там были приведены, казались ему очень сложными. В конце книги была приведена схема и описание всеволнового приемника РЛ-1.

— Вот бы сделать такой приемник, — подумал он, — но сколько же деталей нужно для этого?

Так начался путь к первому ламповому приемнику в его жизни.

На распутьи

Время шло, он заканчивал шестой класс, а сестра десятый. Закончила она его всего лишь с двумя четверками, чуть-чуть не дотянув до медали. Нужно было выбирать дальнейший жизненный путь. В семье по этому поводу много говорили, и в процессе этих разговоров Фёдор понял, что и над Ириной и в будущем над ним висит одна практически непреодолимая угроза. Семья была на оккупированной территории, а такие люди в соответствии с существующей идеологией были людьми второго сорта, к тому же еще и нерусская фамилия. Все это очень беспокоило родителей и вольно или невольно это беспокойство передавалось детям. Но Фёдору, несмотря на все разговоры по этому поводу, почему-то мало верилось в эту, как ему казалось, мифическую угрозу.

— Папа, ведь у тебя медаль «За доблестный труд», — говорил он.

— Каждому человеку дорого свое место и в таком случае, как говорится, лучше перебдеть, чем недобдеть. Был на оккупированной территории? Был. А фамилия? А может еврей? И никому не докажешь, да и доказывать то некому, а как в особом отделе решать, так и будет.

— Но какой особый отдел в университете? — удивился Фёдор.

— Поживешь, узнаешь какой.

Но каждый день по радио рассказывали, как прекрасно жить в Советском Союзе, какой великий вождь и учитель Сталин. И Фёдор никак не мог понять, что же так сильно волнует родителей.

Поступать в университет на физико-математический факультет из Двуречанской школы поехали трое: Ирина, ее подруга Галина Бабыкина и еще один их одноклассник Володя Гаврасиенко. И прогнозы родителей сбылись. Галина и Володя поступили, а Ирину срезали на математике, на ее любимом предмете. И если отец и мать были морально готовы к такому исходу, то для Фёдора это был шок. Он впервые почувствовал, что такое незаслуженная дискриминация, что такое незаслуженное унижение. Ему было стыдно и за себя и за Ирину и за родителей, и он впервые понял, что можно ненавидеть и даже мстить за нанесенные унижения.

— В стране таких миллионы, — сказала мать, — а знаешь ли ты как поступали во время войны и после войны с военнопленными? Ведь их практически без суда и следствия отправляли в лагеря в Сибирь на каторжные работы.

— Так что же это за государство? — возмутился Фёдор.

— Это тоталитарный режим, где человек - ничто не стоящий винтик в громадной деспотической машине.

— Это ужасно, — думал он.

И мать, как бы прочитав его мысли, сказала:

— Но, впрочем, не будь этой жестокой системы, не понятно смогли бы мы победить Гитлера.

— А причем тут это?

— Очень причем, представь, каждый знал, что если попадет в плен или тем более сдастся, то всю семью могут в Сибирь отправить. Вот и приходилось выбирать.

— Так, что все были такие? — опять спросил Фёдор.

— Нет, конечно, далеко не все. Были, конечно, и фанатики, и таких тоже было не мало, которые, не смотря ни на что, верили, в так сказать, правое дело партии. А сколько было полицаев, которые добровольно шли на работу к немцам. И правду говоря, их тоже можно понять. Сколько семей раскулачили и сослали в Сибирь только за то, что они были хозяйственными, и поэтому зажиточными людьми. А сколько репрессированных! Представь на минутку, что твоих родителей ни за что ни про что вдруг взяли и сослали в Сибирь?

— Но почему же тогда отец рисковал и своей жизнью и семьей, занимаясь подпольной работой? Почему?

— Твой отец, прежде всего, честный человек. И он, и я прекрасно понимали, что фашизм - это чума и что эта чума угрожает нам всем и нашей Родине, а что такое Родина ты поймешь, сынок, когда вырастишь.

Узнав о том, что Ирина не поступила в университет, отец собрал вещмешок, одел медаль и уехал в город. Где-то около двух недель никаких вестей от них не было. Приехали они вместе с Ириной, и по всему было видно, что дело сдвинулось с мертвой точки. Он рассказал о всех своих хождениях по административным кабинетам и что, в конце концов, Ирину удалось зачислить на заочный факультет и получить негласное согласие декана факультета на посещение ею лекций на стационаре.

— Да, — заключил отец, — не было бы у меня медали, решить бы этот вопрос не удалось. Но, так или иначе, мы уже одной ногой в университете.

Не успела семья оправиться от университетских неприятностей, как новая беда пришла в дом.

Из очередной командировки в Областное управление отец вернулся очень расстроенный.

— Разговаривал со мной заместитель начальника управления, сказал, что и в управлении и в районе моей работой недовольны и предложил подать заявление об увольнении. Конечно, я мог этого и не делать, но коль уже взялись, так все равно съедят.

Ты подал заявление, — с беспокойством спросила мать.

— Да, подал.

Мать задумалась.

— Хоть и тяжело все это, но ты поступил правильно, нечего унижаться перед этими негодьями. Не такое переживали, — мать обняла и поцеловала отца.

Комок подступил к горлу, Фёдор почувствовал, что вот-вот зарыдает. Стиснув зубы, он вышел из комнаты.

— Молодец отец, он гордый человек, - подумал он.

Но не понимал Фёдор, что означает остаться без работы в глухом провинциальном районном центре, да еще при таких отношениях с райкомом партии. Многие сочувствовали Федору Фёдоровичу. Особенно сокрушался Иван Васильевич, знал он, что такого специалиста у него больше не будет. Председатель райисполкома, даже не боясь навлечь на себя гнев райкома партии, специально вызвал его в райисполком и долго там с ним беседовал. Но все прекрасно понимали, что работы для Федора Фёдоровича в районе уже не будет. Были, конечно, и такие, которые злорадствовали. Кто не наживал себе врагов за добросовестное отношение к своим обязанностям?

Вскоре отцу предложили освободить ведомственную квартиру. Деньги копить в семье не умели и поэтому жили практически от зарплаты до зарплаты.

На окраине Двуречной, около самого леса стоял полузаброшенный дом, в который и переехала семья. В доме до этого уже несколько лет никто не жил, прошлые хозяева умерли, и дом по наследству принадлежал женщине, которую хорошо знала Нина Николаевна. Эта женщина и сдала за небольшую плату его в наем. Электричества в доме не было, рамы были одинарные, пол был глиняный, а впереди была зима.

Единственным украшением, которое хоть как-то сглаживало унылый пейзаж, были уже известные ульи, которые ровными рядами стояли около дома и напоминали какой-то сказочный городок.

У Фёдора впереди был седьмой класс. Ирину нужно было как-то содержать в городе, семье чем-то нужно было питаться. Благо был свой огород, и все овощи были свои. Денег не было даже на хлеб. И вот тогда-то Фёдор и узнал, что такое голод, когда хочется, очень хочется хлеба, а его нет. И сколько не ешь чего-то другого, а хлеба все равно хочется.

Нужно было принимать какое-то кардинальное решение. Нужны были деньги, а, следовательно, нужна была работа. Впереди была зима. Отец собрался и уехал в Харьков. Вернулся он через неделю.

— Я был в геодезическом отряде, там набирают опытных геодезистов.

— А что за работа, — спросила мать.

— Планировка какого-то закрытого объекта, какого не говорят, но трудность заключается в том, что нужна супружеская пара. Зачем супружеская - тоже не говорят.

— Да, вопрос практически неразрешимый, — горестно сказала Нина Николаевна.

— А почему неразрешим? — удивился Фёдор.

— Да на кого же мы, сынок, тебя оставим, зима впереди, топки нет, да и ты еще совсем ребенок!

— Ничего себе ребенок! Я уже совсем взрослый, а что дрова? Лес то рядом, что я дров из лесу не наношу?

— Нет, сынок, на это мы решиться не можем, а печь топить, угоришь еще.

— Да что, я трубу не умею закрыть или печь топить? - не унимался Фёдор.

Прошло несколько дней и родители, и он понимали, что другого выхода нет. Мать украдкой плакала отец тоже как в воду опущенный.

Через неделю пришла телеграмма: «Ваша кандидатура утверждена, телеграфируйте согласие».

Отец подошел к Фёдору и обнял его.

— Положение безвыходное, сынок, я сам остался без отца в десять лет, и что мы пережили, один бог знает, ведь кроме меня было еще два младших брата.

— Папочка, вам нужно ехать и думать тут нечего, я тебя уверяю – прорвемся.

У отца на глазах показались слезы.

— Да, сын, я тоже в это верю.

Новый год

Уезжали в город трое: отец, мать и сестра. Фёдор оставался. Мать и Ирина плакали, отец крепко обнял его. И тут Фёдор вдруг почувствовал, что ему впервые в жизни поручается очень серьезное дело, и что он должен, во что бы то ни стало справиться.

Пока было тепло, единственную трудность, которую испытывал он, заключалась в том, что нужно было варить себе еду, причем это можно было сделать только тогда, когда горела печка. Фёдору очень не хотелось готовить, и целыми неделями он питался всухомятку.

Вскоре от родителей пришло письмо, и он сразу же написал ответ, сообщая, что у него все в порядке, что он начал заготовку дров, что ходит в школу регулярно, что оценки у него хорошие. Фёдор чувствовал, что все то, что происходило с семьей последнее время, как-то изменило его взгляды на жизнь, на родителей, изменился и он сам. Он прилежно выполнял домашние задания и практически стал отличником, он стал регулярно писать родителям, и те тоже регулярно ему отвечали.

Пришла осень, наступили холода, топить нужно было чаще, дров нужно было больше и почти каждый день, придя из школы, он шел в лес за дровами. Когда начинало темнеть, он разжигал печь, зажигал керосиновую лампу и садился учить уроки.

Выпал первый снег, топить нужно было много, одинарные окна слабо держали тепло в доме, но снегу Фёдор очень обрадовался, можно было за дровами в лес ездить на санках.

Однажды, поехав в лес, он увидел там очень крупные собачьи следы и мимоходом подумал, а не волки ли это.

Догадка ждать себя не заставила. Выйдя как-то утром из дома, он обнаружил такие же следы во дворе, а соседи сказали ему, что волки украли у них собаку. Ему как-то не верилось, что волки могут украсть и съесть собаку, но вскоре и другие начали говорить, что волки крадут собак. А волков после войны в лесах было великое множество.

По-прежнему Фёдор ездил в лес, возил оттуда дрова, возить дрова на санках было просто и удобно.

Однажды вечером, затопив печь, он пошел на улицу за дровами. Выйдя на крыльцо, он вдруг почувствовал, что на него кто-то смотрит. Рядом с сараем светились два зеленоватых огонька, Фёдор присмотрелся, около сарая спокойно сидел волк, его глаза светились зеленоватым светом. Фёдор попятился и быстро захлопнул дверь. Волка он до сих пор никогда не видел, и, наверное, поэтому ему показалось, что волк огромный. «Да, — подумал он, — у страха глаза велики». Он попытался успокоиться, но чувство, что он в доме один, а вокруг бродят волки, не покидало его. Это чувство еще усилилось, когда он, ложась спать, погасил лампу, казалось, что волки заглядывают в окна. Он встал и опять зажег лампу.

Когда он проснулся утром, спокойно горела закопченная лампа, на дворе ярко светило солнце, страхов как не бывало. Фёдор понял, что в школу он уже опоздал и решил в этот день туда не ходить. В школе знали, что он живет один, и учителя относились к нему снисходительно. В этот день он рано затопил печь и приготовил себе еду. Какими вкусными показался ему борщ и жареная картошка! Он наносил в дом много дров, чтобы не ходить за ними ночью. Не хотелось снова встречаться с волками.

Перед новым годом от родителей пришло письмо, в нем сообщалось, что к Новому году они должны быть дома. Фёдор вырубил в лесу елку и как мог ее украсил. Это была не та нарядная елка, которые мы видим в домах сейчас, но на ней висели не только

самодельные игрушки, но и конфеты и пряники. Ему так хотелось, чтобы родители на Новый год были дома, так хотелось!

Выходя утром во двор, особенно, когда накануне ночью шел снег, он часто обнаруживал во дворе волчьи следы, но как-то это его уже сильно не тревожило, скорее он воспринимал это как должное.

Наступило 31 декабря. Целый день Фёдор прождал родителей, но их не было. Наступил вечер. Родители не были суеверными людьми, так же был воспитан и он, но все-таки он в канун Нового года загадал два желания, они были очень простыми. Первое из них заключалось в том, чтобы встретить Новый год всей семьей вместе, второе - чтобы новый год был хоть чуточку добрее и лучше, чем прошедший.

Стемнело, но родителей не было. И вдруг Фёдору стало так грустно и одиноко, никогда еще за свою хоть и недлинную жизнь ему не было так горько. За окном мела пурга, Фёдор поставил на печку чайник, начал готовить себе ужин, но вдруг совершенно произвольно, примерно так же как он почувствовал, что на него смотрит волк, он вдруг почувствовал, что он не один, что отец и мать где-то совсем рядом. Ему даже показалось, что он слышит их голоса. И в это же мгновение в окно постучали. Да, это, несомненно, был отец, только он так барабанной дробью стучал в окно. Фёдор кинулся к двери и выскочил на улицу. Во дворе стояли мать, отец и сестра.

— Мои дорогие! — кинулся он к отцу и зарыдал. — Мы прорвались, прорвались! — сквозь слезы кричал он.

— Да, дорогой! Да! Да, родненький! — сквозь слезы говорила мать.

Новый год удался на славу. Родители привезли не только много денег, но и много еды, конфет и подарков. Ирина тоже была счастлива, учеба у нее шла хорошо, ей не запрещали ходить на лекции, и она училась практически наравне со студентами стационара и была отличницей. Тем более там же учились и ее одноклассники. Единственно на что он обратил внимание, что она была очень плохо одета, на ней была обычная рабочая фуфайка и старые изношенные ботинки. Проговорили они всю ночь.

Из рассказа Ирины он узнал, что живет она на квартире у уборщицы, которая работает в университете. Но оказалось, что ее квартирная хозяйка Мария Яковлевна Голикова, хоть и работает уборщицей, но достаточно культурный и порядочный человек и что она является родной тетей Аркадия Гайдара. Это Фёдора крайне удивило – тетя Гайдара и уборщица! Но каких-то оснований не доверять сестре и родителям у него не было, ведь они всегда говорили ему правду. Мария Яковлевна убирала не только кабинет ректора университета, но и комнаты особого отдела, то есть в каком-то смысле была уборщицей привилегированной.

Ирина рассказала, что она несколько раз ходила на прием к самому ректору с просьбой перевести ее на стационар, но все просьбы оставались без результатов.

Родители очень были довольны результатами учебы детей, а Фёдору мать сказала:

— Мы гордимся тобой! ты настоящий мужчина, и я верю, что ты вырастешь сильным и смелым человеком!

Дом стал таким теплым и уютным, и даже завывания вьюги за окном были какими-то приветливыми. «Да, какое благо, когда есть хорошая дружная семья», — думал он.

— А правду говорят, что друзья в беде познаются? — неожиданно спросил Фёдор.

— Правду, — ответил отец, — в беде и проверяется настоящая дружба.

Переправа, переправа!

Шло время, вот уже и весна на пороге. Маленькая речушка Двуречная впадала в Оскол, и его разлив во время паводка представляли удивительное зрелище. Многие километры плавней были залиты водой, и эти плавни перегораживала высокая дамба, посреди которой был выстроен деревянный мост на высоких сваях. Он казался огромным. Перед сваями стояли ледорезы, их называли почему-то быками, и защищали они в весенний паводок деревянные сваи от напора идущего по реке льда.

В тот год паводок оказался особенно сильным. На мосту круглые сутки дежурили бригады взрывников, которые подрывали ледяные заторы, но все равно, в конце концов, два пролета моста были снесены льдом.

Мост соединял Двуречную с железнодорожной станцией. Это сейчас мы привыкли понимать под железнодорожной станцией какие-то постройки, зал ожидания, кассы и т.д. В то же время железнодорожной станцией Двуречная служила теплушка, все после войны было разбито и разрушено. Последствия войны оставили жестокий след не только на строениях. Воровство и бандитизм то и дело давали о себе знать. Дорога от железнодорожной станции проходила через лес, и там то и дело происходили ограбления и убийства.

Грабители знали, что люди, идущие на поезд или обратно, обычно что-то несут.

После того как снесло пролеты моста, сообщение с железнодорожной станцией практически прекратилось. Только днем люди на лодках могли переправиться через реку, и то в сильный ледоход это было рискованно.

Сразу после ледохода очень хорошо ловилась рыба, начинался нерест щуки, тем более в те времена не было запретов на ловлю сетями. Фёдор просмолил и спустил на воду лодку, и с нетерпением ждал окончания ледохода.

Вечером, когда уже почти стемнело, пришел почтальон и принес телеграмму: «Меня приняли на стационар, приезжаю Казанским. Ирина».

Мать и Фёдор начали прыгать от радости.

— Мы опять прорвались! — кричал он.

Но радость была недолгой.

— Казанский поезд приходит в два часа ночи, — вдруг испуганно сказала мать, — а ведь сообщения со станцией нет, выйдет девчонка одна с поезда ночью и что дальше?

— Да, — озадачился Фёдор, — что-то нужно предпринимать, но что?

— Нужно срочно дать ответную телеграмму, чтобы купила билет на другой поезд, — заторопилась мать.

— В том то и дело, что другого поезда нет, но если бы и был, то телеграмму Ирина уже получить не успеет.

— Что же делать, что делать? — всплеснула руками Нина Николаевна.

— Чего ты так переживаешь, а лодка у нас зачем? — спокойно сказал Фёдор и потом добавил. — Не в таких переделках бывали.

— Не скажи, плыть во время ледохода даже днем опасно, а ночью?

— Но ведь сейчас полнолуние, и ночью видно почти как днем.

— Ах, если бы отец был дома!

— А чтобы мог сделать отец? Ведь лодкой он так управлять, как я не умеет.

— Сынок, что же нам делать?

— Не беспокойся, мать, переплыву и преспокойно встречу АлисИрину, что я реку не знаю!

— Нет, тебя самого не отпущу ни за что на свете!

— Ну, тогда поплывем вместе, я тебя уверяю, что все будет в порядке.

И тут он почувствовал, что его уверенность начала передаваться матери.

— Хорошо, сынок, я уверена в тебе, поплывем вместе.

Надо сказать правду, Фёдору было страшновато. Ночью, в ледоход, около самых ледорезов, а вдруг лодку опрокинет, сколько в холодной воде продержишься, тем более еще и мать. Но отступить было некуда.

— Луна взойдет где-то часов в десять, тогда и поплывем.

— Хорошо, сынок, — согласилась Антонина Николаевна, с трудом скрывая волнение.

Была тихая теплая весенняя ночь, какая бывает только в конце апреля. В бездонном небе висели звезды, знакомые созвездия смотрели вниз. Когда огромный красный диск луны всплыл над горизонтом, Фёдор сказал:

— Пора, мать.

Он взял весло, такое привычное и легкое. По пути он весело рассказывал матери всякие рыбацкие истории, а у рыбаков их очень много. Мать тоже пыталась подбодрить сына, не

подавая и тени сомнений, рассказывала ему, как однажды, ловя рыбу с отцом, прыгнули в воду за рыбой в одежде.

Они не заметили, как прошли дамбу, и подошли к мосту. Лодка стояла на месте, и Фёдор снял замок с цепи. Сели в лодку и тут он понял, что лодкой управлять практически невозможно. Мать была тяжелее него, и нос лодки, на котором она сидела, глубоко сидел в воде, а корма, на которой сидел он, торчала над водой.

— Э нет, мать, давай поменяемся местами, — весело сказал он, — а то мы все дно носом перепашем.

Мать сразу поняла, в чем дело, и они пересели. Хоть и трудно гнать лодку задом наперед, но весла она слушалась хорошо.

— Теперь поехали, — сказал Фёдор и взмахнул веслом.

Ледоход был уже на исходе, но по реке все равно плыло много льдин, тем более опасным было то, что небольшие льдины были практически не видны из воды, но каждая из них, утыкаясь в борт лодки, сбивала ее с курса. Плыть пришлось по течению выше моста, потому что за мостом были сплошные буруны. Зрелище, которое открылось, было просто потрясающим. Льдины со скрежетом и стоном ползли на ледорезы, а те как могучие богатыри, кряхтя и скрипя, сбрасывали их со своих могучих плеч в стороны, защищая своими телами сваи. Крупные льдины были видны издали, и обойти их было несложно, хотя и это удавалось не сразу. Настоящим бедствием оказалась мелочь, которая все время скапливалась у левого борта лодки, затягивая ее под ледорезы. Федор боролся из всех сил, но тщетно. Пройдя очередной ледорез, он понял, что на следующий, они уже точно угодят.

— Что делать? — с отчаянием подумал он.

Мать тоже видела серьезность положения, но не подавала вида. И тут Фёдор вспомнил слова, которые часто говорил отец:

— До самого последнего момента никогда не считай положение потерянным!

Нужно было срочно искать какое-то решение. Чтобы хоть немного передохнуть он круто развернул лодку носом против течения. И выход нашелся сам собой, Фёдор просто начал лавировать между льдинами, чуть-чуть кося лодку в сторону противоположного берега. Маневр удался, хоть и медленно, но практически без риска напороться на ледорез, лодка двигалась к намеченной цели, и в лодке были два близких и родных человека, которые бесстрашно плыли и плыли к своей заветной цели.

Поезд немного опоздал, но оказалось, что Ирина приехала не сама, а с подружкой Галиной. Все вместе решили дожидаться утра на станции.

Три раза пришлось Фёдору преодолевать один и тот же путь через реку туда и обратно, потому что в лодку он мог взять только одного человека. Так Ирина, затем её подруга и,

наконец, мать и он сам оказались по ту сторону моста, а у Фёдора на руках начали лопаться кровавые мозоли.

Когда пришли домой, мать спросила у Ирины, как она добилась зачисления на стационар.

— Да ведь это не я добилась.

— А кто же? — с удивлением спросила мать.

— Ведь ты знаешь, что Мария Яковлевна давно работает в университете, она хорошо всех знает, в том числе и ректора. Так вот, пошла к ректору и попросила за меня. Ректор у нее спросил, по поводу моей фамилии, так Мария Яковлевна сказала, что, во-первых, я не еврейка, а во-вторых, что я её племянница. Через два дня меня вызвали в деканат и сказали, чтобы я написала заявление с просьбой о зачислении на стационар, и вот со вчерашнего числа я студентка стационара.

— Ну и Мария Яковлевна, - всплеснула руками Нина Николаевна, — дай бог ей здоровья, не знаю, как ее и благодарить.

Что же дальше?

Экзамены за седьмой класс Фёдор сдал на отлично и получил похвальную грамоту. Все предметы, за исключением русского языка, он действительно знал на отлично. По русскому языку известная уже нам «Полундра» тоже поставила ему пятёрку. И он понимал, что это сделано в какой-то мере в знак признания того, что всего за один год он из посредственного ученика превратился почти в отличника. Конечно, дома были очень рады этому, его хвалили и отец, и мать. Это было очень приятно, но главное, что он понял то, что если чего-то очень хочешь и если, невзирая ни на что, каждый день идешь к поставленной цели, то можно добиться многого.

Впереди было лето, речка, рыбалка, радиолобительство, авиамоделизм, но мечта, которая теперь не покидала Фёдора, был мотор к лодке. Такой мотор был всего у одного рыбака на всю Двуречную. Он цеплялся к одному из бортов, и хоть лодка двигалась не очень быстро, но все-таки это было не весло. По физике в седьмом классе проходили принцип работы четырехтактного двигателя внутреннего сгорания, и Фёдор решил сделать двигатель сам. Но для двигателя, в первую очередь, нужен цилиндр. Вскоре он нашел втулку от старого колеса сеялки и решил, что из нее можно сделать цилиндр, втулка была массивная и длинная. Нужно было ее распилить на две части. Фёдор наладил ножовку, закрепил втулку в тиски и начал пилить. Подошел отец.

— Ты что это пилишь?

Фёдор подробно рассказал отцу о своем проекте. Тот внимательно выслушал, и как-то хитровато улыбнувшись, сказал:

— Ну что ж, попробуй.

Конечно, из этой затеи ничего не вышло, хотя сил на ее осуществление было потрачено немало. И когда Фёдор уже стал взрослым, он часто думал, почему отец ему прямо не сказал, что его затея просто абсурдна при том уровне технических возможностей и знаний, которые были у него. Ведь для отца это было, конечно, очевидным. Но уже позже, когда он сам стал и крупным специалистом и руководителем, он начал хорошо понимать, что на чужих ошибках мало кто учится, а вот на своих – все.

У родителей по-прежнему не было работы, заработанные за время зимней командировки деньги, заканчивались. Нужно было что-то предпринимать. Начиналась хрущевская оттепель, это чувствовалось во всем. Можно было свободно рассказывать анекдоты, и за это уже никого не сажали. Девиз «Догоним и перегоним Америку по производству мяса и молока на душу населения!» хоть и воспринимали с некоторым юмором, но люди были приучены верить пропаганде и многие это воспринимали всерьез. Повсеместно строились целые животноводческие комплексы, поля засеивались кукурузой на силос. «Ну, хоть не перегоним, так хоть догоним и то хорошо». Сельские жители могли получать паспорта, и этим практически заканчивалось советское крепостное право.

Однажды отец пришел домой и с восторгом показал Фёдору небольшую книжонку, на ней было написано «Кибернетика», автором ее был Норберт Винер.

— Что это за слово? — с удивлением спросил Фёдор.

— Это наука об управлении, и у нее громадное будущее, — ответил отец, — раньше эта наука была у нас практически запрещена и считалась лженаукой, впрочем, как и генетика. Надеюсь, тебе приходилось видеть в журналах карикатуры с изображением дерущихся роботов или «думающих» машин.

— Приходилось, особенно много их в «Огоньке», почти в каждом номере.

— Так вот за этими самыми роботами и думающими машинами и есть будущее техники.

— А что машина действительно может думать как человек? - удивился Фёдор.

— Ну не совсем как человек, но думать может.

— Да я никогда не поверю, что машина может думать, — опять засомневался Фёдор.

— Хорошо, если ты так возражаешь, тогда скажи мне, что означает слово «думать»?

Фёдор задумался.

— Думать это означает думать, — наконец изрек он.

— Ничего не скажешь, очень талантливый ответ. Прежде всего, если мы говорим о чем-то, то мы должны дать определение этому чему-то. Поэтому давай попытаемся определить, что мы понимаем под словом «думать», но для этого сначала давай несколько упростим задачу. Когда ты производишь сложение или вычитание, то ты определенно думаешь. Согласен?

— Да, вроде так, — согласился Фёдор.

— С другой стороны, если бы в твоей памяти ничего не было, например, если бы ты не знал, что такое цифры или числа так и думать было бы не о чем.

— Да, вроде так.

— Но знать и понимать, что такое числа еще недостаточно, чтобы произвести сложение или умножение, нужно еще знать правила, по которым производятся данные операции. Согласен?

— Да.

— Так вот, под простейшим понятием «думать» давай определим умение решать задачи, например, сложения и умножения, но как мы выяснили для этого нужна память и правила обращения с числами. Ты видел, как мы пользуемся арифмометром, да и сам умеешь на нем считать. Если хочешь, это и есть очень примитивная механическая думающая машина, потому что в память арифмометра мы вводим числа, а в самом арифмометре заложены правила их сложения, вычитания, умножения или деления, достаточно только правильно покрутить ручку.

Фёдор знал, что отец зря говорить не будет, но никак не мог понять, как это этот самый арифмометр думает.

Переезд

Но вскоре мысли о думающих машинах, которые еще несколько дней вертелись у него в голове, заслонили куда более прозаические дела. Он знал, что многие жители села, живущие недалеко от плавней, вяжут из мелкого камыша маты, которые в неограниченном количестве принимали в заготовительной конторе. Фёдор понимал, что это реальная возможность материально помочь семье и решил заняться этим делом. Каждое утро он уходил в плавни и косил там мелкий камыш. После того как камыш подсыхал, он приносил его домой, и когда он окончательно высыхал, вязал из него маты.

Однажды, придя домой, Фёдор увидел, что мать и отец что-то обсуждают.

— Похоже, что у отца появилась возможность найти работу по специальности.

— И где же?

— При машинотракторных станциях по всей стране вводится должность землеустроителя. Представляешь, сколько землеустроителей нужно, чтобы заполнить эти вакансии.

— Но ведь райком партии постарается, чтобы отца в нашу МТС не взяли.

— Конечно, постарается, но ведь на нашей МТС свет клином не сошелся.

— А областное управление землеустройства?

— К этой должности оно никакого отношения не имеет.

— Так что же тогда думать, нужно искать подходящую МТС.

— Да, конечно, и желательно поближе к городу, ведь там Ирина, да и твое окончание школы не за горами.

Вскоре отец нашел работу. Это был небольшой районный центр недалеко от Харькова, и назывался он Липцы. Те самые Липцы, через которые он проходил, когда шел за семьей в Золочев. В первом же письме, которое прислал он, была интересная новость. Оказалось, что председатель районного исполнительного комитета в Липцах тот самый Павел Петрович Токарь, который занимал ту же должность в Двуречной и который очень хорошо относился к отцу. Сына его Александра Фёдор хорошо знал, хотя он и был немного старше, в Двуречной они вместе занимались авиамоделизмом.

— Вот тебе и на, так значит, у меня в Липцах уже и друг есть!

— Выходит так.

Отец смог забрать семью из Двуречной только к концу учебного года, когда Фёдор заканчивал уже восьмой класс. Несколько недель они с матерью укладывали в ящики вещи и готовили к перевозке улья. Наконец, все было готово и в канун Первомайских праздников Фёдор вдруг увидел, как к дому подъезжают две грузовые машины, это был отец. Радости его не было предела, он очень любил отца и сильно за ним скучал. Радовались все и встрече и тому, что жизнь начала благосклоннее к ним относиться.

Фёдор радовался и тому, что вскоре все они поедут на автомашинах так далеко, что будет жить на новом месте почти рядом с городом. Настроение было радостное и приподнятое. Но когда уже заканчивалась погрузка, погода испортилась, надвинулись тучи, и начал моросить дождь. Водители долго совещались - ехать или не ехать, но всем хотелось на майские праздники быть дома, и они, в конце концов, решили ехать. Машины тронулись, и Фёдор вдруг почувствовал, что он покидает что-то такое родное, такое близкое и у него защемило на душе. Не будет старых школьных друзей. Машины поднимались вгору, вот уже и окраина Двуречной.

— Остановите, пожалуйста, машину, — попросил он водителя.

С отцом они вышли из кабины, внизу как на ладони лежал Двуречная.

— Прощай, Родина!

Дождь усиливался, но водители, как ни в чем не бывало, уверенно вели машины.

— У нас водители закаленные ведь от Липец до Харькова дорога грунтовая и ездить туда им приходится в любую погоду, так что это для них семечки.

Но дождь все усиливался и усиливался. Машины начали буксовать. Фёдор видел как машина, едущая перед ними ерзает по скользкой дороге, как заносит ее вправо и влево, как из-под колес летят комья грязи, но почему-то ему все это очень нравилось.

— Какая же это дорога без приключений? — думал он.

Но вдруг у впереди идущей машины что-то затрещало, и она остановилась. Водители вышли из кабин, дождь уже стих, но дорога была грязная и разбитая.

— Что случилось? — поинтересовался Фёдор.

— Водители говорят, что полетела планетарная шестерня в заднем мосту.

— А что это значит?

— Это значит, что машина дальше идти не может и нужен ремонт.

— А запасная шестерня есть.

— В том то и дело, что нет, но если бы даже и была, то ее установка на место в полевых условиях невозможна.

— Что же делать?

— Сейчас посоветуемся и решим.

Совещание было недолгим. Водители поставили машину на донкрат, разобрали задний мост и сняли неисправный узел.

Мать с водителем неисправной машины остались в поле ночевать, а Фёдор с отцом на исправной поехали дальше. К вечеру они уже подъезжали к месту назначения.

В Липцах Фёдора поразило многое: ширина центральной улицы, обустроенность села. Ни одного дома под соломенной крышей, в то время, как в Двуречной их было большинство. А главное клуб! Громадное здание с колоннами в фойе, просторный зрительный зал с пронумерованными местами просто поразили его. Ни в какое сравнение этот клуб с Двуречанским не шел. Школа тоже была очень красивой, и Фёдору предстояло в ней учиться.

Новая школа

Но, придя на первое занятие, Фёдор почувствовал себя как-то неуютно, не было вокруг знакомых лиц соучеников и учителей, все было чужое.

Экзамены были на носу, до их начала оставалось две недели. Но даже за эти две недели он почувствовал, что подготовка учеников в новой школе, по крайней мере, по физике, математике и химии хуже, чем у его сверстников в Двуречанской.

Все эти впечатления не заставили себя долго ждать, все экзамены Фёдор сдал на отлично, а по русскому сочинению получил двойку. Пришлось все лето ходить на дополнительные занятия по русскому языку. Но он тогда еще не понимал, что строгий учитель это большое благо, потому что в жизни нужны не приятные воспоминания, а знания. Учительницу русского языка он, естественно, невзлюбил.

Совсем рядом с Лпцами было небольшое село Варошиловка, там было русскоязычное население и русскоязычная школа. Получив на переэкзаменовке тройку, Фёдор дома заявил, что больше в Липецкую школу не пойдет, а будет переходить в Варошиловскую. Родители отговаривать его не стали, и он отнес свои документы туда. Но каково же было его удивление, когда придя в девятый класс, он узнал, что русский язык в его классе преподает ни кто иной, как дочь той самой строгой учительницы Губа Мария Алексеевна, от которой он ушел. Более того, она была еще и классным руководителем, и оказалось, что она еще строже своей матери. Но отступить было некуда. Языки всегда давались Фёдору плохо, скорее всего потому, что он их не любил. Но с какой благодарностью, будучи уже взрослым человеком, он всегда вспоминал свою классную руководительницу, прежде всего за то, что она сделала из него грамотного человека, научила его не только грамотности, но и любить русский язык.

Навыки и знания в области радиолубительства скоро пригодились. Учителем физики был Александр Иванович Самков, и Фёдор с ним быстро подружился, по этому предмету он был первым учеником в классе. Вскоре они вместе организовали радиокружок, а еще через некоторое время решили своими силами сделать школьный радиоузел.

Но однажды Александр Иванович буквально поразил его воображение, да и не только его. В школе, естественно, как и во всех других школах была перекладина и на переменах мальчишки, в том числе и Фёдор, конечно, упражнялись на ней. Но все школьники на перекладине умели делать только простейшие упражнения. И вот однажды, на большой перемене, когда около перекладины стояли мальчишки, подошел Александр Иванович. По всему было видно, что спорт для него не в новинку, он был коренаст, плотно сложен и бицепсы на его руках так и играли.

— Чем занимаетесь? — спросил он.

— Да вот тренируемся, — ответил кто-то.

— А можно мне попробовать? — весело спросил учитель физики.

Он подпрыгнул, схватился за перекладину и одним махом оказался на ней. Сделав мощную отмашку назад, он вытянул руки и начал крутить солнце. Изумленные мальчишки,

не шевелясь, стояли у перекладины. Сделав десяток оборотов, Александр Иванович ловко спрыгнул на землю.

— Ну что, ребята, если хотите, буду вас учить не только физике.

Захотели, конечно, все. Крутить большие обороты или, как их называли солнце, вещь не простая, и, чтобы научиться это делать, нужно много тренироваться. Чтобы хорошо работать на перекладине нужно не только желание и упорство, конечно, очень желательно иметь еще и определенные физические данные. Именно все это оказалось и у Фёдора и у Анатолия Мудрова, его одноклассника. Часто до крови натертые, а иногда и сорванные, очень плохо зарастающие мозоли на руках, постоянная боль в мышцах, ничто не могло остановить. Если другие мало помалу начали выпадать из обоймы, то Анатолий и Фёдор тренировались сколько хватало сил. Однажды Александр Иванович, посмотрев на то, как они на перекладине делают упражнения, сказал:

— Скоро, ребята, будете крутить большие обороты, главное первый раз перевалить через перекладину, хоть даже на согнутых руках. Все зависит от того, насколько сильный мах назад может сделать спортсмен.

Вот этот мах Анатолий делал лучше Фёдора. На одной из перемен Анатолий начал упражнения первым. Он долго примерялся, и вдруг сделал такую отмашку назад, что почти стал на перекладине на вытянутых руках. Именно такую отмашку делал всегда Александр Иванович, когда начинал крутить большие обороты.

— Ну, давай! — закричал Александр Иванович.

Тело Анатолия как пушинка понеслось вниз. На вытянутых руках он достиг верхнего положения и буквально в этом положении почти остановился. Еще мгновение и тело Анатолия опять понеслось вниз, но второй оборот он сделать не решился. Еще несколько недель понадобилось Фёдору, чтобы догнать Анатолия, но к концу девятого класса они уже оба отлично крутили солнце. Примерно к этому же сроку был готов и школьный радиоузел.

— Внимание, внимание говорит школьный радиоузел Варошиловской средней школы! - начал первую передачу Фёдор.

Алексей Мисевра

Дома своего у семьи не было, и они жили на квартире. Первую квартиру они снимали у некоего Алексея Петровича Мисевры, который был очень своеобразным человеком. Сам он был осужден в свое время по политической статье якобы за то, что агитировал не покупать облигации займа. После отбывания срока ему было запрещено жить в Харькове, и поэтому он жил в Липцах. В городе у него был собственный дом и там жила его законная жена, которую он довольно часто навещал. В Липцах у него тоже был собственный дом, в котором

он жил вместе с незаконной женой, которую звали Кузьминична. Кузьминична работала продавцом в ларьке, и когда она приходила с работы, Алексей Петрович ее сразу же спрашивал:

— А кто тебя сегодня провожал с работы?

— Алешенька, да никто меня не провожал.

— А я точно знаю, что провожал.

— Я тебе клянусь, никто меня не провожал.

Эти разговоры по поводу провожатых длились иногда по часу, и так каждый день.

У Алексея Петровича была тихо помешанная двоюродная сестра, которая иногда приезжала к нему погостить. То, что она тихо помешанная знали все. В момент приступа ей начинало казаться, что с потолка льется кровь Христа. Когда на нее находило такое состояние, Алексей Петрович начинал ей читать проповедь. Начинал он вполне благопристойно рассказывать, а в бога он и сам верил. Он начинал объяснять сестре, что Иисус все видит и все знает, что он добрый, что никакая кровь с потолка не течет. После такой проповеди сестра начинала заходиться еще сильнее. Тогда Алексей Петрович начинал прибегать к более внушительным формам убеждения.

— Ах ты, старая курва, ты что не понимаешь, что Христос все видит, все знает, всем помогает.

— Кровь, кровь течет, — еще сильнее плакала сестра.

— Распро... твою мать, да тебе что повылазило, что ли, старая сука, ты что не понимаешь, и т.д. и т.п.

Тут Алексей Петрович совсем выходил из себя, и семиэтажные выражения разносились на всю улицу. До этого Фёдор ничего подобного не слышал, и ему становилось непонятно.

Но кроме недостатков у Алексея Петровича были и хорошие качества. Он был прекрасным специалистом-механиком, у него была прекрасная мастерская. Такого обилия разнообразных инструментов Фёдор никогда не видел. В мастерской был даже свой горн, в котором можно было калить и нагревать различные заготовки.

Алексей Петрович нигде не работал, а зарабатывал тем, что покупал старые швейные машины, ремонтировал их, а затем продавал. Ремонтировал он также музыкальные инструменты и вообще все, что ему приносили на ремонт. Сам он был общительным человеком и охотно делился с Фёдором своими навыками в слесарном деле. Но Алексей Петрович был не только прекрасным специалистом, но и в какой-то мере новатором, не лишенным, как все новаторы, некоторых чудачеств.

Он держал кролей, а за травой для них нужно было ездить достаточно далеко. Он соорудил тачку на велосипедных колесах, цеплял их к своему велосипеду, на тачку сажал

свою Кузьминичну, которая весила килограммов за сто, и они ехали за травой. Но еще более впечатляющее зрелище открывалось, когда они возвращались обратно. На копне травы сидела Кузьминична, а Алексей Петрович, обливаясь потом, крутил педали. Конечно, в селе такие его действия вызывали различные пересуды, но на это он никакого внимания не обращал.

Ульи, которые родители Фёдора привезли из Двуречной, стояли рядом с домом, и Алексей Петрович все время присматривался к пчеловодному делу. Фёдор тоже умел ухаживать за пчелами и рассказывал ему, как это делается. По всему было видно, что Алексей Петрович присматривается к пчелам не зря. Однажды он прибежал домой запыхавшись, и закричал:

— Фёдор, в лесопосадке около леса сел рой, поехали его поймать.

— А далеко это?

— Да километров пять, но это на горе. Я там вокруг уже все кусты вырубил. Поехали.

Фёдор отказать Алексею Петровичу не мог и согласился.

— Но нам нужно взять с собой роевницу.

— Бери и поехали. Садись с ней на багажник.

Фёдор сел на багажник велосипеда. Без всяких передышек, не вставая с велосипеда, Алексей Петрович выехал на гору, и через пол часа они были уже на месте. На несколько метров вокруг того места, где сидел рой, кустарник был вырублен, но роя уже не было.

— Не нужно было рубить кусты, рой испугался и улетел.

Хоть рой тогда они и не поймали, но с тех пор Алексей Петрович стал заядлым пчеловодом и завел себе пасеку.

Фёдор никогда не видел и не слышал, как работают часы с боем. Но однажды он услышал очень мелодичные звуки боя часов.

— Что это? — спросил он у Алексея Петровича.

— Красил крышу одной женщине, так она со мной за это часами расплатилась.

С тех пор слышно было, как каждый час часы мелодично отбивали время.

Мог ли подумать тогда Фёдор, что долгие годы эти самые часы висели над кроватью его будущей любимой Галины, его друга и соратника, его будущей жены. Похоже, что с мелодичного боя этих часов и началась их дружба, и этот мелодичный бой и был их собственной жизнью, хотя, конечно, мелодичность эта иногда и нарушалась жизненными неурядицами, которых в их жизни было достаточно.

Светильник

Вскоре родители поменяли место жительства. Они сняли квартиру недалеко от речки, а такая, хоть и маленькая, все-таки в Липцах была. Отец решил строить собственный дом и, конечно, выбрал себе участок недалеко от реки.

Одной из определяющих черт характера Федора Фёдорович была чрезвычайная аккуратность. Все он делал очень аккуратно и тщательно. Но такой подход приводил к тому, что начатое дело он делал чрезвычайно долго, и поэтому был человеком очень непрактичным. Если добавить к этому, что он был безукоризненно честным человеком, то можно представить, чем стало строительство дома для их семьи.

Купленный кирпич и пиломатериалы лежали нереализованными годами и их разворовывали. Отец работал землеустроителем в МТС, а мать преподавала в вечерней школе математику. Но денег, конечно, всегда не хватало. Жили плохо, одевали Фёдора хуже всех в классе. Отец всегда и всецело был занят работой, и на домашние дела у него времени не хватало. Как-то в разговоре с отцом, Фёдор сказал ему:

— Ты, знаешь, люди говорят, что мы не умеем жить.

Отец строго посмотрел на Фёдора и спросил:

— Ты что предлагаешь мне воровать?

После этого Фёдор больше никогда на эту тему с отцом не говорил, но себе пообещал, что, когда вырастит, то в его поле зрения, в первую очередь, будет семья и его близкие, а все остальное будет только средством для того, чтобы его близкие ни в чем не нуждались. И еще Фёдор твердо решил, что мужик должен быть мужиком и что не чуждо мужику выпить и рюмку водки, и побуянить и подраться.

На улице, где жила семья, жил еще один совсем уж обездоленный парень такого же возраста как он. Звали его Иван Дрантё, ходил он всегда оборванный. Отца у него не было, мать пила. И этот самый Дрантё очень привязался к Фёдору. Все его как-то сторонились, но родители Фёдора, да и он сам относились к нему очень доброжелательно, и Иван это чувствовал.

С электроснабжением в те времена было очень плохо. Электроэнергию включали только вечером, и то напряжение было такое, что лампочка еле горела. Случалось, что электричество и вечером не включали. Видя, как ярко горит у сварщиков пламя ацетиленовой горелки, Фёдор задался целью сделать ацетиленовый светильник, тем более что в МТС всегда можно было достать карбид. Он попросил об этом отца, и тот принес ему карбид. Запах, конечно, у карбида не из приятных. Он достал консервную банку, проколол в ее дне отверстие, налил в тарелку воду, бросил туда карбид и накрыл банкой. Светильник был готов. Фёдор понимал, что теперь и запаха не будет, и выходящий из отверстия в дне

банки ацетилен будет гореть ярким пламенем. Он зажег спичку и поднес к отверстию. То, что произошло дальше, превзошло все его ожидания. Раздался громкий взрыв, банка взлетела вверх, вкровь разбив пальцы, вода с карбидом разбрызгалась по всей комнате.

— Ну и дурак же я, ведь в банке то гремучая смесь образовалась, вот и рвануло.

Когда на следующий день к нему пришел Иван, Фёдор предложил:

— Иван, около нашего дома завтра бабы на базар будут идти, давай их напугаем.

На том и порешили. Но была одна проблема, которую нужно было решить. Как незаметно взорвать банку было неясно, не было бикфордова шнура, да и если бы и был, то горит он так, что сразу его можно заметить. Начали экспериментировать. Попробовали суровую нитку намочить бензином, но пламя по ней двигалось слишком быстро. В конце концов, оказалось, что наиболее подходящей смесью является бензин, керосин и воск. Смешивая их в разных пропорциях, можно было добиться разной скорости горения нити. Большого труда не составило подсчитать необходимую длину нити и время ее поджога с учетом средней скорости ходьбы баб. Чтобы взрыв был посильнее, нашли большую жестяную банку из-под халвы.

Посреди дороги, напротив дома, где жил Фёдор, была громадная лужа. Найдя длинную хворостину, они подвесили к ней нитку и на рогульках положили над лужей. Затем бросили в лужу карбид и начали ждать. Вскоре в начале улицы появилось несколько женщин. Фёдор быстро поставил банку на то место, где из воды выходили пузырьки ацетилена, а Иван поджег нить. Сами они спрятались за забор и начали в щель смотреть на дорогу.

Нить горела слабым, еле заметным пламенем, которое медленно ползло по ней. Бабы приближались, и едва они миновали лужу, раздался страшный взрыв, как будто на улице взорвалась бомба. Грязью из лужи облило баб, и они от страха поприседали. Одна из них уронила бидон с молоком. Еще больше они испугались, когда банка с большой высоты опять шлепнулась в лужу. Бабы похватили свои корзинки и побежали в сторону базара. Фёдор и Иван тоже насмерть перепугались и по-пластунски поползли через двор в огород. Просидели они там минут двадцать, и тут Фёдор понял, что банка из-под халвы и хворостина, лежащие в луже, являются вещественными доказательствами. Подойдя к калитке, он выглянул на улицу. Там никого не было. Он быстро забрал банку и хворостину и вытащил рогульки.

— Ну, Иван, если узнают, что это наша работа, мы пропали, так что держи язык за зубами.

То, что это была их работа, так никто и не узнал, но на улице все начали говорить, что в луже взорвалась граната, и что баб чуть не поубивало.

После этого случая Фёдор зарубил себе на носу, что всяким шуткам должен быть предел, а то и за решетку можно угодить.

Снова переправа!

Речушка в Липцах была небольшая и лодок там ни у кого не было, потому что плавать на лодке было практически некуда. Но вот в половодье река сильно разливалась, по ней шел лед, как по большой реке, и жители иногда со страхом смотрели, как Фёдор вместе с Иваном плавают по ней на лодке среди плывущих льдин.

Сразу после половодья в сеть очень хорошо ловилась щука, и вместе с Иваном они постоянно ездили рыбачить. Вообще-то это занятие было небезопасное. Воды было еще достаточно много, и на самой реке было быстрое течение, рыболовы были обычно одеты в фуфайки и в резиновые сапоги. При этом боевую сеть нужно было расставить вдоль прибрежных кустов или камышей, а затем выбрать ее и так несколько раз. Но у Фёдора был большой опыт, и они никогда не переворачивались. Для него все-таки эта река по сравнению с Осколом была большой лужей.

Но однажды, все-таки, ему пришлось продемонстрировать всем Липцам, что он не даром вырос на большой реке. Случилось так, что мост, соединяющий центральную часть Липец с тем местом, где была расположена МТС, на зиму разобрали и начали строить новый мост.

Зима выдалась очень теплая и в феврале месяце после сильного дождя река совершенно неожиданно разлилась. Утром еще как-то можно было перебраться с одного берега на другой, а уже к обеду началось настоящее половодье. Отец на обед пришел домой.

— Ты знаешь одна из наших сотрудниц с трудом сегодня попала на работу, а на той стороне у нее остались дети, домой попасть никак — река разлилась. Может как-то поможем?

— Нет вопросов, что ты не знаешь, что наша лодка все умеет.

— Тогда я после обеда возьму машину в МТС, отвезем лодку к мосту, и ты ее перевезешь. Согласен?

— Конечно!

Пришла машина, лодку погрузили, Фёдор сел в кабину. Но когда приехали к мосту оказалось, что с обеих сторон моста стоит уйма народу. В такую ситуацию, как сослуживица отца, попали многие. Лодку спустили на воду. Все с недоумением смотрели на происходящее.

— Не бойтесь? — спросил он у женщины.

По лицу было видно, что она боялась. Течение было сильное, по реке плыли отдельные льдины.

— Не бойтесь, все будет в порядке, главное сидите спокойно и не шатайте лодку.

Фёдор посадил женщину на корму, сам сел на нос.

— Будем плыть задом на перед, — пояснил он, — так как вы тяжелее меня.

Он столкнул лодку с берега, сел в нее и взял весло.

На обоих берегах воцарилось молчание, слышно было только, как под мостом шумит вода. Места для особого маневра не было. Сразу справа было здание комунхоза, а на другой стороне в воде, правее моста, росло много деревьев, так что плыть нужно было совсем недалеко от моста, на бурном течении. Фёдор прекрасно знал, что нужно в этом случае делать. Но, как только он вырулил на быстрое течение, на противоположной стороне моста из толпы выскочил мужик и неистовым голосом закричал:

— Куди ж ти їдеш, сукин син, ти ж її втопиш!

Начали кричать и другие. Но Фёдор, не обращая внимания на крики, спокойно дела свое дело. На попутчице не было лица. Не прошло и пяти минут, как он был уже на другой стороне. Женщину и его окружили.

— І мене, і мене, — упрашивали Фёдора.

Несколько часов подряд лодка курсировала взад - вперед.

Хлопец, а чого ти грошей за переправу не береш? — спросил один из пассажиров.

Фёдор посмотрел на него:

— Не приучен!

Мозоли на руках начали лопаться.

— Не могу больше! — наконец сказал он.

— Та ми самі, чи й не хитрість, — съязвил кто-то из желающих переправиться.

— Держите! — сказал Фёдор и подал весло.

Два мужика бодро сели в лодку. Сразу было видно, что далеко они не уплывут, но доказывать им это было бесполезно. Фёдор только сказал:

— Я бы на вашем месте не плыл.

— Та бачили ми таких, — опять съязвил один из них.

Не доплыв до середины реки лодка перевернулась и оба мужика, бросив ее, вплавь с трудом добрались до противоположного берега. Лодка же поплыла по течению. Только на следующий день ее с трудом удалось выловить далеко внизу по течению.

Грузчики

Все радиоловители – фанатики. Радиодетали для них дороже всяких денег, и Фёдор по крупицам собирал детали для своего супергетеродинного приемника. Мать пообещала:

— Закончишь девятый класс с похвальной грамотой — дам 100 рублей на радиодетали.

К концу девятого класса приемник был почти готов, но не хватало радиоламп и динамика. За девятый класс похвальную грамоту Фёдор не получил, опять подвело русское сочинение, по которому он получил четверку. Конечно, за девятый класс он сделал громадный шаг вперед по русскому правописанию, но понимал, что четверку получил заслуженно и на Марию Алексеевну не обижался.

Впереди было целое лето. Хотелось закончить приемник, но денег не было. Однажды, придя с работы, отец сказал:

— У нас в МТС начинается крупное строительство, нужны грузчики на автомашину, не хочешь поработать?

— Хочу, — не очень раздумывая, ответил Фёдор, — а можно и Ивана туда устроить?

— Думаю, что можно.

Через два дня он на грузовике вместе с Иваном уже ехал в город за кирпичом. Ездили они каждый день, и вот тут Фёдор и начал понимать почему она копеечка. Работа была очень тяжелая. На заводе каталей (так называли рабочих, которые на тачках вывозили кирпич из печей) не хватало и горячий кирпич приходилось выгружать прямо из печи. Опыта не было. Тачку с кирпичом из печи нужно было везти по узкой стальной ленте, и если колесо соскакивало, то ее приходилось разгружать, а потом опять загружать. Приходя домой вечером, Фёдор буквально падал, а с рассветом опять нужно было ехать, чтобы во время занять очередь на кирпичном заводе. Но постепенно в работу и он, и Иван начали втягиваться. Шоферы их любили и всегда просили именно их на свой рейс.

Фёдора больше всего удивляло то, что грузчикам платили не только за погрузку, но и за километраж. Значит, чем дальше едешь, тем больше получишь. И особенно они любили ездить за известью. Известковые заводы, где из мела путем отжига в специальных печах делали негашеную известь, были в другом районе, и туда ехать было далеко. Более того, сама погрузка была очень простой. Под печь, очень похожую на доменную, только меньших размеров, подгоняли машину, затем открывали створки, и куски извести падали в кузов. Вот и вся погрузка. Единственным неприятным обстоятельством было то, что на обратном пути кому-то приходилось ехать в кузове, а известь сильно пылила от чего потом очень сильно слезились глаза. Ездили с Иваном в кузове по очереди.

Конечно, пацаны есть пацаны, и им очень хотелось когда-нибудь попробовать хоть немного поводить машину. Когда водителей не было, они садились в кабину, включали первую скорость и нажимали на стартер, машина медленно начинала двигаться, и это доставляло им море удовольствия. Однажды это заметил водитель.

— Хлопці, цього не робіть, бо аккумулятор посадите.

Фёдор и сам прекрасно понимал, что для аккумулятора эта процедура не подарок, и после замечания водителя они больше этого не делали. Но однажды случилось непредвиденное. После того, как они привезли и разгрузили очередную партию извести, водитель сказал, что отлучится на пол часа и что затем они еще должны куда-то ехать. Фёдор уже прекрасно знал, как заводится машина и как включаются скорости и как пользоваться сцеплением.

Посидев немного в кабине, он предложил Ивану:

— Давай попробуем поездить.

— Давай.

Фёдор сел за руль, отжал сцепление, завел машину и включил первую скорость. Не учел он только одно обстоятельство. Машина стояла таким образом, что ее передние колеса были сильно вывернуты и смотрели прямо на кучу извести. Он нажал на газ и отпустил сцепление. К его недоумению машина как сумасшедшая устремилась прямо на известковую кучу. И в этот же момент Фёдор с ужасом увидел, что с пола кабины клубами повалил белый дым. Он испугался и еще сильнее нажал на газ. Машина уткнулась носом в известковую кучу и заглохла. Чихая и кашляя, они вылезли из кабины. Оказалось, что это был не дым, а известковая пыль, которую вентилятор радиатора разогнал по всему мотору и кабине.

Подошел шофер и ахнул.

— Що ж ви хлопці наробили! — и добродушно добавил, — Тепер самі машину мить будете.

— Вот спасибо вам, только и сказал Фёдор.

Заканчивалось лето. он окреп и возмужал. На перекладине он мог спокойно делать 20-30 оборотов. Мышцы становились все тверже и крепче.

Он стал вынослив как хороший грузчик. Однажды отец пришел домой и сказал:

— Я разговаривал в отделе кадров, обещали выдать тебе трудовую книжку.

За лето Фёдор прилично заработал. Купил все недостающие для приемника детали, а остальные деньги отдал матери.

В трудовой книжке, которую он получил, красовалась запись:

«Зачислен на строительство МТС грузчиком на машину».

Друг Виктор

Начался новый учебный год, решающий 10-й класс. Фёдор как прежде ходил в школу, учился он хорошо, дружил с учителем физики, занимался на перекладине, заканчивал сборку и настройку приемника. Когда приемник был закончен и настроен, он натянул во дворе антену. С замиранием сердца включил тумблер и повернул ручку настройки. И вдруг по

всей комнате разнеслась песня «Широка страна моя родная...». Он продолжал крутить ручку настройки.

— Сколько же станций он берет?

Включил коротковолновой диапазон. В динамике раздался рев.

— Глушитель? - подумал он и немного повернул ручку настройки, сквозь шум глушителя Фёдор отчетливо услышал: «Вы слушаете голос Америки из Вашингтона».

Трудно было поверить, но приемник прекрасно работал на всех диапазонах и принимал множество станций. Можно было, хотя и с сильными помехами, слушать и голос Америки и радиостанцию Свобода, Би-би-си.

Как-то раз мать сказала ему:

— А ты знаешь? Недалеко от нас живет мальчик, который тоже учиться в десятом классе, но ходит в Липецкую школу. Говорят он очень хороший мальчишка. Хочешь, я тебя с ним познакомлю?

— С удовольствием.

В школу он ходил в другое село, и по этой причине в Липцах у него друзей не было.

Парня звали Виктор, он был худощав с добрым улыбающимся лицом.

— Знаешь, Виктор, я ведь радиолобитель, — похвастался Фёдор, — хочешь, покажу приемник, который я сам сделал.

Он повел Виктора в комнату и включил приемник. В то время даже приемник в селе был в диковину. У Виктора загорелся глаза.

— А я сумею такой сделать, — смущенно спросил он.

— Конечно, я и деталями могу тебе помочь.

В молодости люди сдруживаются очень быстро и эта, родившаяся очень быстро дружба, порой остается на всю жизнь. Так было и на этот раз. Однажды Виктор пришел в гости и застал его за работой.

— Что ты делаешь.

— Да вот хочу перекладину соорудить, а то в школу ездить далеко, хочется, чтобы своя была.

— А, ты что спортом занимаешься?

— Да, в основном на перекладине, меня наш учитель физики уже даже солнце крутить научил.

— Да ну! — не поверил Виктор.

— Могу показать.

Они сели на велосипеды и поехали. Уже вечерело, но было еще достаточно светло. Фёдор ехал впереди по уже знакомой дорожке, Виктор ехал сзади. Ездили они, конечно, на

велосипедах быстро и лихо. Вот уже за очередным поворотом и школа. И вдруг Фёдор услышал, что сзади что-то сильно лязгнуло, а через несколько мгновений он услышал звук, как будто бы что-то тяжелое упало на землю. Он оглянулся. Около самого поворота лежал велосипед, а еще в метрах в пяти впереди на дорожке сидел Виктор.

— Что случилось? — в недоумении спросил Фёдор, подъехав к нему.

— Да вот какая-то зараза около самой дорожки лом забила, а я не заметил и педалью зацепился. Так меня через руль перенесло, а после сальто я прямо тут вот и приземлился.

— Слава богу, хоть еще на мягкое место.

Дело случая играет в жизни человека очень важную, иногда даже решающую роль, и в этом Фёдор на протяжении всей своей жизни убеждался не один раз. Встреча с Виктором предопределяла, по крайней мере, два момента. Во-первых, для Виктора встреча с ним и знакомство с супергетеродинным приемником предопределила его дальнейшую судьбу, в лице же Виктора Фёдор на всю жизнь приобрел хорошего друга.

Медалисты

В Ворошиловской средней школе никогда ранее не бывало медалистов. Контроль за выдачей медалей был в то время очень строгим. Облоно запрашивало не только контрольные работы, но и журналы тех классов, ученикам которых выдавались медали. По всему видно было, что школа готовится к тому, чтобы впервые выпустить из своих стен медалистов. Класный журнал был обернут в белую бумагу, чтобы к концу года он не выглядел потрепанным. Но, конечно, причиной тому был не Фёдор. В одном классе с ним учился сын директора школы Анатолий Удовиченко, и это, конечно, было основной причиной. Кроме него и Фёдора в классе было еще два отличника Виктор Черкашин и Станислав Пароша..

Наступили выпускные экзамены. Фёдор прекрасно понимал, что по всем предметам, в том числе и по русскому языку, он вполне заслуживал отличных оценок. Но, если по математике контрольная работа подлежит совершенно объективной оценке, то по сочинению всегда можно поставить четверку, если даже сочинение написано на пятерку. И директор школы, по-видимому, решила не рисковать, заявляя первый раз золотые медали для выпускников, и это был вполне правильный шаг. Все четверо получили серебряные медали. Четверку Фёдор получил по сочинению. Куда поступать было ясно. Ирина в то время уже четыре года училась на радиофизическом факультете Харьковского госуниверситета, который был закрытым факультетом, и его в справочниках просто не было. Этот закрытый факультет был образован в свое время из студентов физико-математического факультета, когда лучшим его студентам предложили по желанию избрать новую перспективную специальность. Подготовка на этом факультете была основательная.

Наряду с целым рядом фундаментальных курсов, таких как термодинамика, электродинамика, квантовая механика, читался целый ряд спецкурсов по электротехнике, радиоэлектронике, измерительной технике, физике СВЧ и др. Учеба Ирине нравилась и, зная увлечения брата, она советовала и Фёдору поступить именно на этот факультет.

В то время выпускники, окончившие с золотой медалью, проходили собеседование, а с серебряной медалью нужно было сдавать экзамены по профильным предметам, в данном случае по физике письменно и устно.

— Хочешь поступить в университет? - спросил у Фёдора отец.

— Хочу.

— Ты знаешь, какие сейчас конкурсы?

— Да, говорят, что больше десяти человек на место.

— Как ты понимаешь, подготовка в городских школах значительно основательнее, чем в сельских, поэтому для тебя конкурс будет еще больше.

— Так что, может и не пытаться, пойду работать?

— Плох тот солдат, который не хочет стать генералом. Хочешь поступить, возьми задачник Знаменского по физике и реши все задачи от корки до корки, тогда поступишь.

Делать было нечего, Фёдор знал, что отец даром советовать не будет, и взялся за задачник.

Абитуриентами с серебряной медалью была набита Бекетовская аудитория, одна из самых больших аудиторий старого корпуса. Все задачи были трудные И Федор их до сих пор помнит на память.

Электрон с заданной скоростью влетает между двумя пластинами с заданными размерами. Давалась также разность потенциалов между пластинами, следовало узнать, ударится ли электрон о пластины.

Системы СИ тогда еще не было, и задачу следовало решать в системе CGSE, при этом нужно было хорошо знать все размерности и переводные коэффициенты.

На закреплённом обруче, в верхней его части лежит шарик. Определить на какой высоте он оторвётся от обруча, если считать, что он соскальзывает без трения.

В воду с заданным весом и с заданной температурой бросают кусок льда с заданной температурой и с заданным весом. Определить температуру конечного продукта.

Коварство последней задачи заключалось в том, что теплоёмкости воды не хватало, чтобы растопить весь лёд.

По письменному экзамену Фёдор получил четверку, а три четверти абитуриентов после этого экзамена отсеялись. Допустили к следующему экзамену только тех, кто сдал письменный на 4 и 5.

Устный экзамен у Фёдора принимал очень приятный молодой человек, фамилия его была Благой. Судьба сложилась так, что с этим самым Благом Фёдору пришлось потом многие годы работать в одном и том же институте, и они были в очень хороших отношениях, но, конечно, тогда этого он ещё не знал.

Последним вопросом в билете был опыт Майкельсона по определению скорости света. Фёдор хорошо знал постановку самого опыта, но точные цифры, которые получены во время эксперимента, не помнил. После того как он ответил на этот вопрос, Благой спросил:

— Так все же, какое значение скорости света было получено Майкельсоном.

И Фёдор не задумываясь, назвал первую, пришедшую ему в голову цифру, близкую к реальной скорости света. Экзаменатор улыбнулся.

— Хвалю за сообразительность, — сказал он и взял зачетный лист.

— Ставлю вам пятерку!

На крыльях вылетел из аудитории Фёдор, он понимал, что практически уже в университете. Но все-таки нужно еще было ждать решения приемной комиссии.

Фёдор с Ириной сидели около деканата и о чем-то разговаривали, как вдруг Ирина сказала:

— Наш декан!

К ним приближался достаточно молодой человек с круглым добродушным лицом. Он был с палкой и хромал, видимо у него вместо ноги был протез. Ирина встала и обратилась к нему.

— Здравствуйте, Алексей Иванович.

Декан улыбнулся и тоже поздоровался.

— Алексей Иванович, это мой брат, он медалист и сдавал вступительные экзамены на наш факультет.

— А какие оценки получил?

— Письменный - четыре, устный - пять.

— Принят, — спокойно ответил декан и пошел дальше.

Сомнений больше не было, можно было ехать домой, и отдыхать все лето.

Решение приемной комиссии вышло вскоре, но оказалось, что все зачисленные должны были еще месяц отработать на стройке университета.

Так началась студенческая жизнь.

Ирина перешла уже на пятый курс, и ей дали общежитие, а он поселился у той же Марии Яковлевны, у которой жила Ирина.

«Студенческие годы и лыжные походы, и шумный молодежный карнавал» и даже нечто большее – все это было в этой студенческой жизни.

Станция Каланчак

Сразу же после отработки на стройке и двух недель занятий весь курс поехал на два месяца работать в колхоз. Вот здесь и начали будущие однокурсники узнавать друг друга и друг к другу притираться. Среди поступивших большинство были городскими, иногородних и из села было очень мало, но ребят из села было сразу видно, к ним принадлежал и Фёдор. Он сразу почувствовал разницу, и это его первое время сковывало. Конечно, городские были более развиты, более уверены, более остры на слово, и было чему учиться у них и чему подражать. Небольшой процент поступивших составили ребята после армии и еще старше. Эти тоже выделялись среди всех. Они были гораздо серьезнее и казались совсем взрослыми.

К счастью, к месту назначения пришлось ехать не в теплушках, как на первые комсомольские стройки, а в плацкартных вагонах, где у каждого было свое спальное место. Курс состоял в основном из мальчишек, и на курсе было всего несколько девчонок. Все знали, что конечным пунктом является Херсонская область, станция Коланчак. Ехали почти двое суток, причем, когда приехали на конечную станцию, всем почему-то показалось, что солнце всходит не на востоке, а на западе. По-видимому, где-то по пути следования локомотив перецепили, и состав поехал в обратную сторону. Так или иначе, но избавиться от чувства, что солнце всходит не там, где нужно, удалось не сразу.

Были хрущевские времена, время всяких нововведений в политике и жизни общества. Хрущев был ярким сторонником кукурузы, и хозяйства начали осваивать эту культуру. Но технических средств для ее уборки не было, и для этих целей использовали студентов. Курсу выделили кукурузное поле, и началась уборка. И тут на курсе поняли, что по скорости сбора кочанов Фёдору на курсе нет равных, он успевал иногда выполнить норму до обеда. Единственно, кто хоть как-то с ним тягался, был бывший моряк Ваня Вольвач, оказалось, правда, что до срочной службы на флоте, он работал на заводе токарем. Ваня был очень представительным парнем, и уже вскоре у него появилась местная симпатия, опыт в этом вопросе у Ивана уже был предостаточный.

Фёдор ни красотой, ни представительностью, ни подобным опытом не отличался, впрочем, как и большинство его однокурсников. Вечерами они обычно играли в карты или домино, и здесь Фёдор впервые увидел, как играют в преферанс. Он не сразу понял вкус в этой игре, но когда научился, понял, что она ничуть не хуже шахмат. Жизнь текла довольно однообразно, кормили хорошо, молока и арбузов было вдоволь. Электричества, и, следовательно, музыки не было. В конце концов, собрали деньги и решили купить обычный патефон. Делегацию из трех человек, в которую вошел и Фёдор, отправили за патефоном в Новую Каховку. Он никогда до этого не видел такой большой реки и, конечно, Днепр его

потряс. Удивительно красивый парк над рекой, а дальше море воды и плывущие по этому морю корабли. Грязные маленькие буксиры толкали перед собой громадные баржи, а белые величавые теплоходы везли веселых пассажиров. Днепр, парк в Новой Каховке, буксиры и теплоходы запомнились Фёдору на всю жизнь.

Комплект старых затертых пластинок взяли у тетки одного из студентов, которая жила в Новой Каховке. Это были пластинки еще довоенного времени. Накрутили патефон и поставили одну из них.

На карнавале под сенью ночи

Вы мне шептали, люблю вас очень!

Запел незнакомый голос.

Не обошлось в колхозе и без инцидентов. Один из местных хулиганов начал приставать к однокурснице. Дошло дело до того, что в присутствии одного из студентов, звали его Володя, он ударил ее по лицу. В ответ на это Володя отвел его в сторону и там начал уговаривать больше так не делать.

— Что ты за мужик? — сказал ему как-то Фёдор. — При тебе девченку бьют, а ты его уговариваешь. Нужно было дать ему хорошенько.

— Так их там трое было!

— Хоть десять, все равно нужно было драться. Пускай бы даже избили до полусмерти, так хоть лицо бы не потерял.

Студенческая жизнь - полная свобода, хочешь ходить на лекции - ходи, хочешь не ходить - не ходи, хочешь писать конспекты - пиши, хочешь не писать - не пиши. Никто за тобой не присматривает, никто уроки учить не заставляет. Но она-то, эта полная свобода, многих студентов и погубила.

Первую сессию Фёдор сдал на все пятерки, только по математике получил четверку, хотя на лекции практически не ходил. Сказывалась хорошая школьная подготовка. За вторую сессию была только одна пятерка, остальные были четверки. Так продолжалось до середины третьего курса, когда в зимнюю сессию он получил первый неуд.

Но оценки оценками, а студенческая жизнь студенческой жизнью, как в той старой студенческой песне: «Студент бывает весел от сессии до сессии, а сессия всего два раза в год».

Под фикусом

В те годы престиж высшего образования был очень высок, но количество абитуриентов было несоизмеримо больше, чем количество мест в высших учебных заведениях, страна только начинала создавать мощную сеть высшего образования. Многие выпускники,

особенно из сельских школ, в связи с большими конкурсами, даже и не пыталась поступать в высшие учебные заведения. Только Фёдор из Ворошиловской средней школы поступил в университет. Пароша и Удовиченко поступили в сельскохозяйственный институт на лесной факультет. Все остальные даже и не пробовали поступать в высшие учебные заведения. Не стал пробовать это и друг Фёдора Виктор. Он, как и многие другие, поступил в ПТУ по специальности слесарь. Но их дружба на этом не закончилась. Они часто встречались, вместе ездили в Липцы, вместе ходили в кино и на танцы, вместе ухаживали за девушками. Фёдору казалось, да, наверное оно так и было, что особым расположением у девушек он не пользуется, к тому же жил он полностью на свою стипендию и для того, чтобы хорошо одеваться просто не было денег. Он же тогда по наивности думал, что вот начнет он красиво одеваться и девушки его сразу полюбят. Не понимал тогда Фёдор, что девушкам нравится совсем другое. Когда же приходило время получать стипендию, он шел в магазин и практически все деньги тратил на радиодетали. Радиолобительство оно чем-то похоже на алкоголизм, когда человек, тратя деньги, не очень-то задумывается над тем, а что же он будет завтра есть. Наверное, к счастью, но Виктор был болен той же болезнью. Это и побудило их искать выход из сложившейся ситуации. То, с чего они начали, это разгрузка вагонов. Многие студенты в то время пользовались этой возможностью дополнительного заработка. Самым неприятным было разгружать пульманы с насыпным цементом. Сорок тонн цемента на двоих, когда никакая повязка не спасает от вездесущей пыли, дело не шуточное. Но и платили за эту работу хорошо, за день можно было заработать приличные деньги и на еду и на прочие расходы. Обычно после этого Фёдор с Виктором брали бутылку водки и шли в столовую. Это мероприятие у них называлось «Под фикусом». Неподалеку была столовая, та самая, в которую они вместе с отцом ходили, когда приезжали лечить обожженный глаз. В этой столовой в укромном углу стоял большой фикус, а под ним стоял столик на двоих. Это-то место и облюбовали друзья. Пить в столовых тогда не разрешалось, но обслуживающий персонал относился к этому благосклонно, наверное потому что после пьющих всегда оставались пустые бутылки, которые можно было забрать. В то время во всех столовых в пользовании были граненые стаканы вместимостью по 250 граммов, если налить его до краев. Это и делали утомленные грузчики, причем выпивали стакан сразу за один раз. После хорошей закуски, а отсутствием аппетита ребята не страдали, их начинало тянуть на подвиги. Вот что такое молодость – сорок тонн цемента за спиной, а сил еще хватало, чтобы еще и на танцы в студенческое общежитие пойти.

Вскоре начали вырисовываться и другие, так сказать, интеллектуальные пути заработка. Как ни странно, но радиолобительство начало приносить доходы. Ремонт телевизоров оказался гораздо более доходным делом, и, конечно же, не таким утомительным, как разгрузка вагонов. К тому же на поверку оказалось, что и Фёдор и

Виктор прекрасно ориентировались в любых марках и модификациях телевизоров, и найти неисправность и отремонтировать любой телевизор им не составляло никакого труда. Многие схемы они знали практически на память. Ценили их и за то, что они никогда никого не обманывали, а ремонтировали, как говорится, по совести, и, когда они приезжали в Липцы, то желающих было хоть отбавляй. Но в селе есть такая традиция - любой ремонт заканчивается бутылкой.

Отец Фёдора был очень трудолюбивым человеком, но сказать, что он был деловым человеком, особенно если это касалось интересов семьи, было нельзя. Денег всегда не хватало, нужно было выплачивать бестолку потраченный кредит. Впрочем, жили плохо. Мать, напротив, была очень деловым и инициативным человеком и этим восполняла недостатки отца. Матери очень хотелось, и это трудно было не заметить, чтобы Фёдор вырос сильным и инициативным мужчиной, чтобы и он сам и его семья не владели нищенское существование на грани постоянной нужды. И мать всячески поощряли в нем всякую инициативу. Но вопрос в семье никогда не стоял так, что при этом нужно заниматься дежачеством и идти на сделки с собственной совестью. Наоборот, и своими делами и словами родители всегда давали понять, как отвратительно быть негодяем, ловкачем и проходимцем, и что не все методы хороши для достижения даже самой высокой цели.

Да, ремонт телевизоров и бутылка были в селе неотделимыми понятиями, так было принято, да и сам Фёдор тоже считал, что какой же это мужик, если не может одним залпом стакан водки выпить. Но, с другой стороны, он видел, что это очень удручает родителей, поэтому всегда старался придти после этого домой поздно и лечь незаметно спать, или шел ночевать к Виктору.

Мельница

Фёдор очень любил спорт. Уже к концу школы он был накачанным и крепким парнем, и иногда, когда приходил на речку купаться, даже замечал, что девушки на него поглядывают. В секцию спортивной гимнастики он поступил сразу же после поступления в университет, тем более что это освобождало от посещения обязательных занятий по физкультуре. Уже на первом же занятии в секции он решил всех удивить. Конечно, никто из новичков солнце на перекладине крутить не умел, и Фёдор решил показать класс. На перекладине он начал одевать страховочные петли.

— Еще раз увижу, выгоню! — услышал он голос за спиной.

Фёдор оглянулся, сзади стоял тренер.

— Не хватало мне, чтобы ты голову себе свернул. Еще раз увижу — выгоню, — членораздельно повторил тот. По серьезности лица тренера он понял, что тот не шутит. С

тех пор он запомнил, что тренер это тот человек, указания которого нужно неукоснительно выполнять.

У Фёдора было много литературы по радиолюбительству, и он регулярно посещал магазин технической книги, чтобы посмотреть или купить какую-нибудь новинку. Как всегда книги продавали не только с витрины, но и с лотков, которые располагались в самом магазине. Однажды, проходя мимо одного из них, он обратил внимание на одну из книг. На обложке был изображен борец, который вот- вот собирался бросить на пол своего противника, который в почти перевернутом состоянии находился у него на плечах. На обложке было написано «Борьба самбо». Фёдор начал листать книгу. В предисловии было сказано, что борьба самбо это самооборона без оружия и далее описывались различные приемы этой борьбы. Он, конечно, не мог не купить эту книгу. С тех пор и он, и Виктор увлеклись этим видом спорта. Они методически, шаг за шагом, оттачивали различные приемы, тем более что в книге очень доходчиво и понятно было написано, как их осуществлять где и при каких обстоятельствах применять. В книге очень настоятельно подчеркивалось, что приемы самбо нужно применять только в случае вынужденной обороны, но ни в коем случае не для нападения.

Из всех описанных приемов и Виктору, и Фёдору особенно нравился прием мельница, он то и был изображен на обложке книги. Это был действительно очень эффективный прием, когда противник практически мгновенно оказывался безоружным, а тот, кто такого приема не знал, оказывался в совершенно беспомощном положении на плечах у противника да еще практически вверх ногами. Конец такого поединка тоже был неизбежным. Нападающий, падая с большой высоты, оказывался на полу, и защищающийся мог сделать с ним все что угодно. Именно этот прием у друзей был отточен до автоматизма. Со стороны он выглядел тоже очень эффектно. Когда, где-нибудь на пляже, Фёдор и Виктор хотели произвести особое впечатление, они начинали бороться друг с другом, причем каждый уже хорошо знал, когда и какой прием нужно применять, кто его применяет, когда нужно нападать, а когда нужно поддаваться. Непосвященному казалось, что два парня действительно серьезно дерутся, их накачанные тела буквально летали в воздухе, приемы следовали один за другим, на каждый прием находился контрприем. Да, это производило впечатление и на их сверстников и на их сверстниц.

Увлечение борьбой, все эти тренировки и набитые синяки пригодились Фёдору в жизни всего два раза, но тогда-то он и понял, что настоящая драка это не тот спектакль, который можно разыграть очень красиво, а это тот случай, когда на кон поставлена твоя честь, а может быть и жизнь. Но именно эти случаи дали возможность Фёдору хорошо понять, что даже ради только одного такого случая в жизни не жаль потраченных ни времени, ни сил.

Первым делом, первым делом парашюты!

Вскоре появилось еще одно спортивное увлечение. Набирали в секцию парашютистов. Фёдор записался и туда. Начались занятия, но руководителю секции его сразу не взлюбил, толи потому, что за словом в карман Фёдор не лез, то ли по какой-то другой причине, их взаимную антипатию было видно даже со стороны. Но, несмотря на все притеснения, Фёдор упорно ходил на занятия: «Хоть раз прыгну, — думал он, — а там видно будет». Дни летели быстро, наконец, инструктор объявил, что на следующей неделе группа поедет на аэродром.

Выехали рано утром, сутра был небольшой туман, но, пока доехали до аэродрома, он рассеялся, выглянуло солнце. Одели парашюты, сзади основной, спереди запасной.



Инструктор провел последний инструктаж, подробно еще раз рассказал, как действовать, если основной парашют не раскроется. Погрузились в самолет. Фёдор до этого никогда не летал в самолете, и когда самолет начал взлет у него засосало под ложечкой, он посмотрел на товарищей, лица у них были напряженные. Самолет быстро набирал высоту. Волнение мало помалу начало проходить, все начали шутить. Инструктор встал со своего места и велел приготовиться, затем открыл боковую дверь и свежий ветер ворвался в кабину. Фёдор прыгал четвертым.

Первое впечатление было необычным. Фёдору показалось, что он стоит на месте, а самолёт начал делать вокруг него оборот. Только потом он узнал, что в состоянии невесомости, в котором некоторое время находится падающий человек, у него нет понятия верха и низа, а он сам является той системой отсчёта, относительно которой и ощущает своё положение в пространстве. Когда парашют раскрылся, Фёдор увидел вокруг себя картину,

которую запомнил на всю жизнь. Где-то далеко внизу виднелись ровные, как будто нарисованные, линии лесополос и четкие квадраты полей. Аэродромные постройки казались совсем крохотными, но больше всего Фёдора поразило ощущение окружающего его пространства, казалось, что он является какой-то маленькой мошкой, а кругом пустота, пустота. Он огляделся вокруг, где-то совсем недалеко, но немного ниже на парашютах болталось еще несколько таких мошек.

Конечно, о своих впечатлениях от первого прыжка Фёдор подробно рассказал Виктору.

— А ты знаешь, ведь у нас в центральном парке есть парашютная вышка, — сказал он Фёдору, — пойдем как-нибудь с нее попрыгаем.

Но оказалось, что прыгать с парашютной вышки гораздо страшнее, чем с самолета, земля то совсем рядом.

Галина

Заканчивался второй курс. На дворе было замечательное время, когда все кругом цветет и благоухает. Впереди лето, каникулы, но впереди и сессия! Как-то Фёдор на выходные приехал в Липцы, и мать послала его в магазин за хлебом. Купив хлеб, он направился обратно. Нужно было идти через мост по узкой пешеходной дорожке. Он о чем-то задумался и механически шагал по мосту, навстречу кто-то шел. Фёдор поднял голову и чуть не уронил хлеб, перед ним стояла милая очаровательная девчонка: губки бантиком, курносый носик, чуть раскосые глазки. Много девушек мы встречаем в жизни: бывают не очень красивые, бывают красивые, бываю очень красивые. Бывают лица запоминающиеся, бываю не очень, бывают оригинальные, бывают, как у всех. Но то, что увидел Фёдор, не поддавалось никакому описанию, какое-то неземное существо стояло перед ним. Конечно, все молодые парни иногда склонны воспринимать все слишком возвышенно, особенно если это касается молодых девушек, но в данном случае это было не так. Фёдор действительно воспринял облик этой девушки так точно, как воспринимали ее и все остальные.

Фёдор что-то пробормотал, вроде того, что очень извиняется, девушка мило улыбнулась и прошла мимо. «Ну, и идиот же я! — выругал себя Фёдор, — такая замечательная девчонка, а я как олух царя небесного. Вот мудак!»

Придя домой, он отдал хлеб матери и пошел к Виктору.

— Ты знаешь, Виктор, какую я сегодня в центре девчонку встретил! — и Фёдор начал рассказывать.

Не дослушав до конца, Виктор перебил его.

— Известное дело. Это Галя Залогина, в прошлом году школу закончила, сейчас на швейной фабрике работает.

— Ну и девчонка!

— Да, тут по ней все Липцы сохнут. Но боюсь, что это задача не из простых, ведь ты знаешь в селе свои законы и нарушать их не безопасно.

— Да что мы драться не умеем?

— Да драться то мы умеем, — немного задумавшись ответил Виктор.

Вечером они пошли в клуб на танцы. Поскольку Фёдор заканчивал школу в другом селе, то он не слишком хорошо знал местных ребят, плохо знал он и местных девушек, и для них по сути дела был чужаком. Купив билеты, они вошли в зал. Тогда еще не танцевали так, как танцуют сейчас - каждый сам по себе. Нужно было подойти и пригласить девушку на танец. Девушка могла согласиться или нет, и в случае несогласия приглашающий оказывался в дурацкой ситуации.

Танцы были в разгаре. Вальс сменялся фокстротом, фокстрот - танго. Но девушки, которую Фёдор встретил на мосту, не было.

— Виктор, что-то не видно этой девчѐнки, — пожаловался он.

— Говорят у нее мать строгая, и на танцы не пускает, а из клуба и, когда ночью домой с фабрики идет, так встречать ходит.

— Этого еще не хватало! — возмутился Фёдор, и в этот же самый момент в дверях увидел Галину. Вместе с ней шла невысокая миловидная девушка, по всей видимости ее подруга.

— А вот и она, — весело улыбаясь, сказал Виктор, и Фёдор решил, что если он упустит этот шанс, то его уже может не быть никогда.

Тем временем девушки вошли в зал и скромно стали у окна. Заиграла музыка, и Фёдор смело шагнул вперед. Казалось, что земля проваливается под ним, сердце бешено билось.

— Разрешите пригласить, — сказал он, чуть заикаясь.

Девушка опять мило улыбнулась и сделала шаг вперед.

— Разрешаю, — так же мило улыбаясь, ответила она.

Фёдор взял ее за талию и вдруг почувствовал легкую дрожь.

Протанцевали они весь вечер вместе.

К концу танцев к Фёдору подошел Виктор.

— С тобой хотят поговорить, — сказал он и кивнул в сторону двери. Там стояли двое, один из них был богатырского телосложения, другой поменьше. Фёдор подошел к ним.

— Слыш паря, — сказал тот, что постарше, — это девка не для тебя, я тебя предупредил!

Фёдор молча кивнул головой, круто повернулся и пошел к Галине. Танцы заканчивались. Вышли на улицу.

— Можно вас проводить, — смело спросил Фёдор.

Девушка опять мило улыбнулась, давая понять, что согласна.

— Я буду на страховке, — тихо сказал Виктор, отозвав его в сторону.

Фёдор проводил Галину домой, но ни матери, ни супостатов они не встретили, а, когда попрощался и начал идти домой, услышал голос Виктора.

— Все хорошо, что хорошо кончается, но думаю, что нам повезло.

Тиф

Фёдор опять уехал в город. Впереди была сессия, он встреча с Галиной не выходила из головы, и он твердо решил, что плох тот солдат, который не станет генералом.

Как ни странно, хоть Фёдор на лекции практически и не ходил, но сессию он сдал на все четверки, получив только одну тройку. Была хорошая память, и, что особенно удивительно, но до сих пор сказывалась хорошая школьная подготовка. С физикой вообще проблем не было никаких, задачи он решал лучше всех в группе. Особые проблемы были с английским, т. к. в школе учили немецкий, а с языками у него всегда были нелады.

Отметить окончание сессии решили всей группой и гурьбой поехали на пригородное водохранилище купаться. Жара стояла невероятная, на пляже не было, куда яйцу упасть. Вода была мутная и грязная. Жара и водка вещи плохо совместимые, но чего не бывало в молодости. К концу дня многие уже лыка не вязали, изрядно выпивши был и Фёдор, но сельская закалка и встречи под фикусом сделали свое дело, да и физически он был намного крепче других. Напоследок решили искупаться все вместе, и пьяная гурьба бросилась в воду. Фёдор споткнулся и ничком упал в воду, сзади на него навалилось еще несколько человек. Вдоволь нахлебавшись грязной воды, он с трудом вылез на берег.

После сессии Фёдор еще на несколько дней задержался в городе, и совсем уже собирался ехать домой, как почувствовал себя очень плохо. Поднялась температура и самочувствие было ужасное, но, несмотря на это, он все-таки решил ехать домой. С большим трудом он добрался до автовокзала, его трясло, как в лихорадке. Асфальтированной дороги до Липец не было, а

ходили обычные грузовые такси крытые брезентом. Приехал он домой в полубессознательном состоянии.

— Что с тобой, — с тревогой спросила мать.

— Да, сам не пойму, всего трясет и ломает, как будто меня в молотилке молотили.

Померяли температуру.

— Да у тебя же под сорок, — с ужасом сказала мать.

Несколько дней Фёдор метался в бреду, но температура не падала. Местная врач только разводила руками, и ничего конкретного сказать не могла. Диагноза не было. Наконец, вызвали консультанта из города, но тот тоже ничего конкретного сказать не смог.

Через неделю сильно начал болеть живот, и подозрение упало на дизентерию, но диагноз не подтвердился, хотя его и забрали в местное инфекционное отделение. Каких только ему лекарств не давали, но ничто не помогало. Больше месяца провалялся он в постели, но живот продолжал болеть. Наконец, его отправили в городскую инфекционную больницу, отделением руководил известный инфекционист профессор Кричевский.

— Вам делали анализ на тиф? — спросил он у Фёдора при осмотре.

— По-моему нет, а что есть подозрение?

— Сделаем анализ, увидим.

Через два дня во время обхода он задал вопрос профессору.

— У вас молодой человек тиф и два паратифа, благодарите судьбу, что при том, как вас раньше лечили, вы богу душу не отдали.

Фёдора перевели в отдельный бокс и начали лечить. В боксе вместе с ним лежал еще больной, у которого кроме основного заболевания была еще и инфезема легких, он часто начинал кашлять и задыхался, и по всему было видно, что жить ему осталось недолго. Больной производил какое-то странное впечатление и практически все время молчал. Фёдор тоже к нему особо в душу не лез, но, видя, что его сопалатник плохо себя чувствует, пытался его всячески подбодрить. Это пошло на пользу их общению, они начали чаще разговаривать, и сосед немного повеселел. И уже где-то на пятый или шестой день он начал рассказывать о своей жизни. То, что он говорил, было похоже на исповедь но исповедь особую, не было в этой исповеди ни раскаяния, ни сожаления, хотя вещи он рассказывал страшные, и поведал он Фёдору эту историю только как строжайшую тайну. Но от того, что он рассказывал, мурашки ползли по коже. Оказалось, что Рябинин, такая была у него фамилия, служил в органах НКВД в сталинские времена и занимался перевозкой заключенных с пересыльной тюрьмы в Харькове в лагеря, он также был исполнителем по приведению в исполнение смертных приговоров. И вот тут-то Фёдор понял, что не зря опасались сталинского строя и отец и мать, и что не зря они говорили, что страной управляют палачи.

Оказалось, что сам процесс перевозки заключенных тщательно спланированное мероприятие и основной задачей его начального этапа было запугать и деморализовать перевозимых. На подготовительном этапе заключенных избивали, издевались над ними, а при погрузке нередко правили собаками и затем до отказа набивали заключенными товарные вагоны. В лютые сибирские холода и в невыносимый зной составы шли и шли в

Сибирь и не было им конца. Сколько десятков тысяч заключенных перевез в лагерь Рябинин, он даже приблизительно сказать не мог.

Но даже в таких условиях находились смельчаки, которые разбирали пол в вагонах и выбрасывались на железнодорожное полотно. Шансы остаться в живых при этом были практически нулевые, т.к. даже, если, выбрасываясь на шпалы, заключенный и оставался живым, то его все равно расстреливали из пулемета, который стоял на платформе заднего вагона. Но, зная все это, люди все равно решались на такие поступки. Чтобы максимально уменьшить такие случаи, за заключенными велась постоянная слежка при помощи осведомителей, которых подбирали из самих же заключенных, предварительно просмотрев их личные дела. Подходящего кандидата выводили из вагона и якобы за какую-то провинность несколько раз избивали на глазах у всех. Это делалось для того, чтобы никто не мог заподозрить, что это будущий тихарь. Затем били его еще в вагоне, где ехал сопровождающий персонал. Одни соглашались сотрудничать сразу, других били до тех пор, пока соглашались. Провал вербовки считался наиболее тяжелой служебной провинностью, поэтому это дело всегда доводили до конца. Как-то Фёдор спросил, приходилось ли Рябинину стрелять в беглецов.

— Еще и как приходилось, я ведь был лучшим стрелком в отряде, я любого даже на расстоянии в двести метров уложу, — не без гордости ответил собеседник.

— Ну, и много же ты за свою жизнь людей расстрелял, — опять спросил Фёдор.

— Очень много, — не колеблясь ответил Рябинин, — ведь я еще приводил в исполнение и смертные приговоры. За это очень хорошо платили и поручалось это лучшим бойцам, а я всегда был на очень хорошем счету.

— Ну, а какая же провинность считалась самой тяжелой?

— Самой тяжелой провинностью конвоира считался удавшийся побег заключенного. У нас был случай, когда убежала беременная женщина, мало того, что конвоира понизили в звании, так еще и на каждом собрании вспоминали, что мол есть у нас такие чекисты, от которых беременные бабы убегают.

Все эти рассказы очень подействовали на Фёдора. Ничего подобного он до сих пор не слышал. Рядом в одной палате с ним лежал человек, который собственноручно расстреливал людей, и самое главное, что говорил этот человек об этом совершенно спокойно, как о чем-то обычном. «А сколько еще таких? — думал Фёдор, — а сколько еще палачей безнаказанно ходит по свету?»

По ночам Фёдору снились кошмары, ему то самому казалось, что его на мушку берет конвоир Рябинин, то снилось, что он пришел арестовывать родителей. «Сколько же

мук и издевательств перенес этот несчастный народ, сколько страхов и лишений пришлось пережить родителям», — думал он.

Но однажды ночью Фёдор проснулся от душераздирающего кашля. Его сосед хрипел и из его рта текла кровавая пена. Фёдор бросился за дежурной сестрой, прибежал дежурный врач. Рябинин умирал. На какое-то время он перестал хрипеть посмотрел на Фёдора и тихо прошептал: «Прости меня Господи». К утру его не стало.

Когда Фёдор вышел из больницы, здоровым он себя все равно не чувствовал, живот продолжал болеть. Летние каникулы и лето заканчивались. Виктор закончил ПТУ, и его направили работать на сборочный конвейер на Харьковский тракторный завод. Но, несмотря на тяжелую и изнурительную работу, он часто навещал Фёдора и когда тот лежал в больнице, и когда был дома.

— Как там моя Галина, — однажды с грустью спросил Фёдор.

— Да я, ведь, в клубе практически и не бываю. С тех пор, как мы тогда были с тобой, ее и не видел.

— А работа как?

— Работа не говори, если с собой кусок сала не возьму, так до конца смены могу и не выдержать.

И Фёдор увидел в глазах Виктора и тоску, и грусть, и полную безисходность. И ему страшно жалко стало друга. Вот он сам студент превилигированного вуза, у него есть будущее, он станет инженером, а какое, кроме изнурительной работы на конвейере, есть будущее у Виктора?

— Виктор, тебе тоже нужно поступать учиться, я в этом уверен.

— Но как?

— А вот так, терпение и труд все перетрут, не будешь хотеть, не будешь стремиться, так и не поступишь, а захочешь, поставишь перед собой цель так и поступишь.

Виктор радостно заулыбался.

— Неужели это возможно?

— Все возможно, если захотим, вот выйду из больницы, начнем физику и математику долбить, бороться же мы научились.

— Так то ж бороться, — опять недоверчиво ответил Виктор.

Бывает не до шуток!

Оставалась последняя неделя каникул, а Фёдор так до сих пор ни разу и не встретил Галину. Силы мало по-малу начали возвращаться, но, конечно, он был не в такой спортивной форме, как раньше. Несколько раз он ходил в клуб, но она там не появлялась. Только потом он узнал, что мать у неё была действительно очень строгая и в клуб отпускала не часто. Наконец, он решил встретиться с ней около фабрики и пошел туда к началу второй смены. Было непонятно, на какой смене работает Галина, и он пошел заранее. Ждать пришлось не долго. Женщины начали сходиться на вторую смену, и вдруг он увидел её. Фёдора охватило какое-то странное чувство, чувство восторга и радости. Он широко открыл глаза и смотрел, смотрел и смотрел.

— Здравствуй, Галя, — тихо сказал он, когда Галина была почти рядом.

— Здравствуй, Фёдор, — ответила она также тихо, немного смутившись, — где это ты так долго пропадал?

— Болел.

— А я за тобой скучала, — совершенно искренне ответила она. И Фёдор вдруг почувствовал, что у него вырастают крылья.

— Я тоже за тобой очень скучал, — выпалил он, давай встретимся.

— Давай, а где?

— Приходи в воскресенье на танцы.

— Хорошо.

И она пошла к проходной.

Фёдор летел домой на крыльях: «Неужели, неужели я ей действительно понравился. Нет, этого не может быть, такая девушка. Наверное шутит».

До этого он с девушками практически не встречался. Конечно, ходили они с Виктором на танцы и в городской парк и в студенческое общежитие, но девушки, с которой бы постоянно встречался Фёдор, у него не было. Слишком он много внимания уделял радиолюбительству, и слишком мало веры у него было в том, что он кому-нибудь из них может понравиться.

Время текло медленно, а воскресенье не приходило. Чтобы как-то подогнать время, Фёдор начал делать шасси к новому телевизору, который собирался собрать самостоятельно. Вот, наконец, и желанный день. Он вычистил и выгладил свою скромную одежду и по пути зашел к Виктору, но оказалось, что он не приехал.

Возле клуба и в фойе было много молодежи, но Галины не было. Фёдор купил билет на танцы, зашел в зал. Галины там тоже не было. «Наверное пошутила», — подумал он, но

почти одновременно со своими мыслями он посмотрел на входные двери и увидел ее. Была она с той же подружкой. Но не успели они войти в зал, как к ней подошел уже знакомый ему верзила, и по всему было видно, что приглашает ее танцевать, а она отказывается. Фёдор понял, что сейчас решается все, или да или никогда. Он подошел и спокойно сказал:

— Этот танец она уже пообещала мне, — и протянул ей руку. Она ответила тем же.

Фёдору казалось, что более счастливого вечера у него не было в жизни. Галина отвечала взаимностью. Ее подружка, а называла она ее Крапочкой, тоже была очень приветливой девушкой.

Танцы близились к концу.

— Можно проводить тебя домой? — спросил Фёдор, когда танцы закончились.

— Можно, — смеясь, ответила Галина. — Только не меня, а нас двоих, мы рядом живем.

Фёдор был веселым и общительным парнем, и, если хотел, то вокруг никому не было скучно. Пока шли домой много смеялись. Подружка жила немного ближе, и дальше они пошли вдвоем. Фёдор обнял Галину за талию, та немного смутилась, но не возражала. Подошли к дому. Наступило неловкое молчание. И вдруг Фёдор, сам того не понимая, сказал: «Можно я тебя поцелую». Галина очень смутилась и опустила глаза. Он обнял ее и поцеловал, губы ее дрожали.

Возвращался Фёдор домой уже за полночь, с неба струился лунный свет, над головой было бездонное небо.

— Я тебе предупреждав, — вдруг услышал он. На его пути стояли два уже знакомых ему парня.

Мысли молнией пронеслись в голове. Он прекрасно понимал, что его сейчас избьют до полусмерти. «До самого последнего момента не считай положение потерянным», снова резануло по мозгам. Нужно было нападать первым, это был единственный шанс. В такие моменты человек обычно не думает, а все происходит само собой. Фёдор на какое-то мгновение подался вперед и присел, делая вид, что тянется к шнуркам ботинок, а затем разгибаясь как пружина молниеносно ударил носком ботинка в коленную чашечку стоящего справа. Тот взвыл от боли, но в то же самое мгновение второй всей своей тяжестью навалился на него. Они барахтались на земле, пытаясь завладеть инициативой, а рядом тоже барахтался и выл от боли напарник.

— Ногу відбив, ногу відбив, — истошно кричал он.

Но силы были неравные. Фёдор недавно перенес тяжелую болезнь и был еще очень слаб, чтобы справиться с таким исполином. Силы Фёдора начали покидать, и тут он понял, что если не поймает противника на какой-нибудь прием, то его здесь и прикончат. Руки у

Фёдора были очень сильные, хотя по весовой категории он сильно уступал противнику. Есть такой прием, когда противника двумя руками захватывают снизу за запястье и выламывают руку вверх. Даже опытный боец, попавшийся на такой прием, никогда уже не вырвется, к тому же это очень болезненный прием. На этот прием и поймал, в конце концов, своего противника Фёдор. Тот взвыл от боли, а Фёдор все давил и давил.

— Пусты, — наконец взмолился верзила. Фёдор отпустил руку, встал и, не оглядываясь, пошел прочь. Его никто не догонял.

Крещение

Как же она рождается эта самая любовь. А рождается в молодости она очень просто, встретились двое молодых людей, очень понравились друг другу, а дальше для них уже ничего не существует, только они и больше ничего, сплошное восхищение и сплошная радость. И сколько бы они не встречались им все мало, и они ждут не дождутся, когда встретятся снова. Так случилось и с Фёдором, и с Галиной. У Галины закончились вторые смены и вечерами она была свободна, у Фёдора была еще целая неделя каникул. Каждый день они встречались в клубе и радовались, и с нетерпением ждали этих встреч. Спрашивают, бывает ли любовь с первого взгляда. На этот вопрос Фёдор ответить не смог бы, но вот, что она бывает после первых двух встреч, так это он уже точно знал. И непонятно как это так получается, что еще вчера незнакомый человек за такое короткое время становится таким родным и близким и очень часто на всю жизнь. Но видимо в природе действительно бывают чудеса и первым чудом является та жизнь, которая дана человеку, а вторым чудом является любовь.

Ребята, с которыми пришлось драться Фёдору в клубе не появлялись и уже очень скоро он и Галина поняли, что друг без друга они просто жить не могут. Конечно, обо всем этом Фёдор рассказывал Виктору, и ему даже показалось, что тот ему немного завидует.

Но все когда-то кончается. Наступило первое сентября, и Фёдор уехал на учебу. Тогда был только один выходной день – воскресенье, и он с большим нетерпением ждал этого дня, чтобы поехать в Липцы. Ездил он туда и в будние дни, и родители сразу поняли что происходит. В деревне секретов не бывает, тем более мать его работала в школе. Но Фёдору по этому поводу никто вопросов не задавал, хотя он и видел, что родителям все это не безразлично.

Время шло, но Фёдор по-прежнему никак не мог оправиться от перенесенной болезни, не переставал болеть живот. Он несколько раз ходил в студенческую поликлинику, но там только разводили руками. Диагноза опять не было. Все это очень тяготило Фёдора и в

первую очередь потому, что ему пришлось бросить спортивную гимнастику, а спорт он очень любил.

В поликлинике работала очень опытный хирург Ирина Васильевна Снига, она в свое время была военным хирургом, прошла всю войну, и скальпель в ее руках творил чудеса. К ней то на консультацию и попал Фёдор. Внимательно выслушав и осмотрев его, она, наконец, сказала:

— Кокой-то воспалительный процесс в брюшной полости, очень похоже на хронический аппендицит.

— Так вырежьте его, — обрадовался Фёдор.

— Нет, надо разобраться. Положим вас в клинику и обследуем.

Через день Фёдор лег в больницу. Палаты в студенческой поликлинике были большими, и в каждой лежало по пять, шесть, а то и более человек. В такую палату и его и определили.

Приближался обед и он пошел помыть руки. Посреди просторного умывальника стоял стул, и солидный парикмахер в белом халате сбивал усы какому-то студенту. Фёдор еще подумал: «Какой солидный мужчина, ну вылитый профессор». Когда он вернулся в палату, его сосед по койке сказал, что приходила сестра и велела сдать анализы мочи и пота. Фёдор сразу понял, что это розыгрыш, но виду не подал.

— А как же сдавать анализ пота? — серьезно спросил он.

— Мы тебя сейчас накроем одеялами, ты потей, а пот вымакивай ватой и отжимай его в эту банку.

— Ладно, — улыбаясь сказал Фёдор, понимая что его разыгрывают, — только сделаю я это немного позже. Ну, а мочу куда сдавать?

— А вон под кроватью пузырек стоит, — серьезно ответил сосед.

Фёдор посмотрел под кровать, там стоял пузырек из под одеколона, куда и воду спроста не нальешь.

Ладно, когда это нужно сделать? — Сказала срочно.

Фёдор лег на кровать и начал ждать, что будет дальше. Через некоторое время в палату заглянул кто-то из больных и сообщил, что сейчас будет профессорский обход. «Странно, — подумал Фёдор, — ведь обходы обычно сутра бывают».

Дверь открылась, и в белом халате важно вошел тот самый парикмахер, который в умывальнике брил студента.

— Профессор, — обратился к нему кто-то из сопалатников, — у нас новенький.

— Вижу, — невозмутимо ответил парикмахер и направился к кровати. Усевшись с важным видом на стул, он начал задавать вопросы.

— Расскажите, пожалуйста, свою биографию.

— А вы что по биографии лечите? — последовал невозмутимый ответ.

Парикмахер немного смутился и продолжал задавать вопросы уже по поводу болезни. Фёдор уже прекрасно понимал, что происходит, но решил играть до конца. Он серьезно отвечал на вопросы и ждал, что будет дальше. Наконец, парикмахер встал и серьезно сказал.

— Перед сдачей анализов нужно поставить клизму.

И тут вошла няня с клизмой в руках, и Фёдор понял, что дело приобретает серьезный оборот.

— Я думаю, что вам тут всем нужно поставить клизмы, чтобы мозги промыть, и не простые, а ведерные, — улыбаясь сказал он, вставая с кровати, — это что у вас школа молодого бойца?

Все засмеялись.

— Ты у нас первый, который это раскусил, а все остальные крещеные.

— Смотрите, чтобы такие кристины кому-то боком не вылезли.

Но на этом дело не кончилось. Когда вечером Фёдор лег спать и уже начал дремать, он вдруг почувствовал, что под ним что-то ползает. Ощущение было такое, что под простыней бегают какая-то живая тварь, было слышно даже, как она шуршит. Чтобы никого не разбудить, тихо встал с постели, шуршание прекратилось. Он снял одеяло и начал осматривать кровать, ничего, вызывающего подозрение, там не было. Он снова лег в постель, и только начал дремать, как под ним снова что-то зашевелилось. Фёдор вскочил и снова пересмотрел постель, сняв даже простыню. Опять ничего. Он лег и стал ждать, но все было спокойно. Так и не дождавшись пришествия незнакомого существа, он заснул.

Удивительно, но на следующий день, как только он начал дремать, под ним опять что-то зашевелилось.

— Нет, здесь что-то не так, — подумал Фёдор, — наверное, опять какой-то розыгрыш.

Встав с кровати, он обошел ее вокруг и вдруг наткнулся на нитку. Она шла от кровати сосед к его кровати и уходила под простыню. Он сразу все понял, со злостью разорвал нитку и улегся спать. Вредное существо его больше не посещало.

На следующий день, когда Фёдор вышел в коридор, он увидел, что на стене висит громадная стенгазета, оказалось, что она выходила почти каждую неделю. Там был нарисован парикмахер с большим помазком, а внизу было написано четверостишие:

Наш профессор-парикмахер с гигиеной не знаком,

Бреет щеки, бреет коки тем же самым помазком.

Рядом с парикмахером стояла няня с громадной клизмой. Далее были нарисованы две кровати, между которыми была натянута нитка, а по нитке бежали крысы. Еще дальше была нарисована кровать, возле которой стоял огромный пузырек из под одеколona, а на кровати лежал больной, укрытый одеялом, а из под одеяла шел пар.

Туберкулёз

На очередном обходе хирург долго щупала живот Фёдора.

— Ну, хоть убейте меня, это не аппендицит, — наконец заключила она.

— А что же тогда болит? Ведь не может же болеть просто так?

— Конечно, просто так болеть не может, скорее всего, это последствия тифа.

— Знаете что, — сказал Фёдор, — давайте действовать методом исключения, ведь когда разрежете, тогда и увидите, аппендицит, так аппендицит, а нет, так хоть узнаем что.

— Я подумаю, — немного поколебавшись ответила врач.

Через несколько дней на утреннем обходе хирург шутливо спросила:

— Ну так будем делать операцию?

— Мы же договорились, — тоже шутя ответил Фёдор.

— Тогда готовьтесь, операция завтра.

Фёдор знал, что аппендицит одна из простейших операций и поэтому особенно не переживал, но после операции у него долго болел весь живот и он никак не мог вычухаться.

Как-то во время обхода он пожаловался Ирине Васильевне.

— Видите ли, аппендицита у вас не оказалось, но впечатление такое, что у вас был перитонит и до сих пор железы на брызжейке очень увеличены. Пришлось взять две из них на анализ, с этим и связаны боли и то, что вы медленнее других выздоравливаете после операции. Железы ваши мы отправили на анализ в туберкулезный институт известному гистологу Марии Георгиевне Ивановой, и вам туда после выписки нужно будет поехать.

Не вызвали эти слова у Фёдора особой радости. Слово туберкулез нехорошее слово и по сути и по форме. В городе еще, куда ни шло, ведь образовательный уровень у людей выше, да и люди практически друг друга не знают. Другое дело в деревне, там все друг о друге все знают, а слово туберкулез воспринимается почти как проказа.

С тяжелым сердцем шел Фёдор в тубинститут к знаменитому гистологу, и ему от этой знаменитости было ни чуть не легче. Сделали реакцию манту, она оказалась архиположительной, вся рука распухла. Попытались уменьшить концентрацию вводимой сыворотки, и оказалось, что Фёдор реагирует на микроскопические разведения.

Мезаденит смешанной этиологии: туберкулез плюс кандидоз значилось в заключении. Так из одной клиники он сразу же попал в другую.

Эта больница очень отличалась по своему духу и составу больных от студенческой, очень много было людей из села, по возрасту также были большие различия. Но самое главное, и это Фёдор почувствовал сразу, чувствовалась какая-то обреченность. Процветало пьянство. В одной палате с Андреем лежал молодой парень, только что вернувшийся из заключения, он страшно кашлял, приступы кашля были ужасными. Парень отбывал наказание на севере и отморозил бронхи. Он был наркоманом и самого раннего утра начинал поиски кодеина, а кодеин тогда свободно продавался в аптеках, и, приняв соответствующую дозу, ходил довольный и радостный. Если не удавалось достать кодеин, варил себе чефир, высыпая пачку чая на литр воды. Попал он в тюрьму за изнасилование, и о тюрьме и о порядках там рассказывал страшные вещи. Тогда впервые Фёдор и узнал, что такое наркомания и гомосексуализм, что многие заключенные живут парами, что у паханов всегда есть «хозяйки» из мужского состава, которые их обслуживают. Звали парня Николай, у него было любимое четверостишие:

Тебе ли выступать,
Тебе ли быть душой актрисы,
Ведь ты же подлинная блядь,
А рвешься в майке за кулисы.

Повторял он его десятки раз в день по поводу и без всякого повода. Все его поведение сильно отличалось от поведения других.

В палате лежал еще один мужик из села, который подхватил туберкулез прямо-таки по дурочке. Сам он работал каменщиком, и решили они с другом где-то уже в начале декабря бреднем рыбу половить. Ловили часа два и страшно замерзли. Потом, конечно, выпили хорошенько, но и это не помогло. Кончилось все воспалением легких, затем плеврит и в итоге туберкулез.

Фёдор же никак не мог понять, откуда у него туберкулез, да еще в животе. Ведь был здоровым сильным парнем, ничем особенно не болел и вдруг на тебе. Разве что осложнение после тифа, но какое отношение имеет туберкулез к тифу. Уже, будучи взрослым и опытным человеком и имея большой опыт взаимодействия с врачами, зная их нравы и специфику работы, Фёдор понял, что умышленно или неумышленно они в то время совершили грубую ошибку, которая чуть не стоила Фёдору и будущего, и карьеры и его любимой девушки. Но в то время он был обычным сельским парнем, который, как и миллионы ему подобных, спотыкаясь и ошибаясь, пробивался сквозь запутанные и неизведанные дебри самостоятельной жизни.

Но как ни тяжело было вживаться в новую роль чяхоточного, не был приучен Фёдор падать духом или впадать в отчаяние. Самое ужасное для него заключалось в том, что, попав в такую ситуацию, он теряет Галину, потому как понимал, что никогда себе не позволит продолжать контакты с ней, прежде всего потому, что в неё же будут тыкать пальцем и говорить, что связалась с чяхоточным.

Пролежал он в клинике почти полтора месяца и все это время его усиленно лечили, но активность туберкулиновой пробы не снижалась. Моральное состояние Фёдора было ужасным, он все время думал о Галине и с каждым днем все больше понимал, как он ее любит. Но выхода не было. В конце концов, он принял решение просто больше не встречаться с ней. Но такое решение еще больше усугубило положение дел. Полнейшая апатия ко всему, что происходило вокруг давила на Фёдора все сильнее и сильнее. Он говорил себе, уговаривал себя, ругал себя – но чувство апатии нарастало.

Выписавшись из больницы, он вообще практически перестал ходить на лекции. Единственной отдушенной было или когда он напивался, или когда встречался с Виктором. Тот понимая, что дела плохи, всячески старался его утешить, и Фёдор чувствовал, что Виктор искренне ему сочувствует. Единственно с чем Виктор не был согласен, так это с тем, что Фёдор порвал с Галиной.

— В какое ты ее положение ставишь? она, что не человек? если любит, поймет, ведь ты же ни в чем не виноват.

— Я понимаю, что не виноват, но кто давал мне право испортить ей жизнь? Ведь ты же знаешь, что в селе означает слово туберкулез.

— Конечно, знаю, но не на сельских же предрассудках жизнь построена?

— Виктор, не трави душу, ты же меня знаешь, нет выхода.

Часто, когда Виктор приходил к нему, Фёдор говорил:

— Пойдем поседим под фикусом.

В Липцы Фёдор ездить практически перестал.

Приближалась зимняя сессия, и он понимал, что ее полностью провалит. Нужно было что-то решать.

Можно было взять академотпуск по болезни, но это означало ехать на всю зиму в Липцы, а там была Галина. Что он ей скажет, если придется встретиться, как он ей в глаза посмотрит, как объяснит все случившееся. Фёдору снились кошмары, по ночам он бредил, вскакивал, что-то кричал.

— Федюща, ты не заболел, — как-то спросила Мария Яковлевна.

— Ох, Мария Яковлевна, и не спрашивайте, — только и ответил Фёдор.

Но академотпуск взять все же пришлось.

Снова в деревне

Предстояла длинная и нудная зима в Липцах. Фёдор уже привык к веселой и бесшабашной студенческой жизни, привык к тому, что практически рядом с ним всегда был его хороший товарищ Виктор, привык к городской жизни. И это вдруг все оборвалось, и очень даже может быть, что навсегда. Какие-то смутные и тревожные мысли бродили в его голове, полная неопределенность. И не будь прожитой до этого времени жизни, не будь тех семейных дружеских отношений, не будь той хоть и небольшой жизненной школы, которую он уже прошел, сломался бы он, и не писал бы по прошествию очень многих лет эти печальные воспоминания. Да, до самого последнего момента не считай положение потерянным!

Фёдора поставили на учет в туберкулезном диспансере в Липцах, и он должен был туда время от времени ходить. Но самое ужасное заключалось в том, что сам диспансер располагался практически рядом с домом Галины. Фёдор прекрасно понимал, что так или иначе там он, в конце концов, ее встретит. Понимал он и то, что Галина уже знает о его болезни.

Около диспансера был колодец, где все брали воду. Путь туда и обратно проходил мимо него. Фёдор вышел из диспансера и вдруг увидел, что около колодца с ведром стоит Галина. Кровь ударила в виски, и все внутри оборвалось: «Только не остановиться, только не остановиться звенело в ушах». Дистанция сокращалась, они практически поравнялись. Фёдор с трудом поднял голову, на него ласково смотрели глаза Галины.

— Федюша, почему ты меня избегаешь, — ласково спросила она.

Фёдор чуть не провалился на месте, такого смятения он не испытывал никогда в жизни. Прямая в роде того, что никого не избегает, он прошел мимо не оглядываясь. Земля под ним горела, слезы катились по щекам. «Галочка, родная моя» — прошептал он.

«Так дальше нельзя, — окончательно сказал себе он, — нужно что-то делать». Но где искать выход. Что после всего случившегося думает о нем Галина, ох как не безразличен для него был этот вопрос. Он понимал, что безгранично ее любит, но и о том, чтобы попытаться снова наладить с ней отношения тоже и речи быть не могло.

В селе ничего не бывает тайной, и нельзя сказать, что тот случай, когда ему пришлось выяснять отношения сразу с двумя его недоброжелателями, тоже прошел даром. Липецкая молодежь знала об этом, конечно знали и то, что он хороший спортсмен, что на перекладине крутит солнце, что владеет приемами самбо, другими словами его начали уважать и с ним считаться. И такое уважение не заставило себя ждать. Рядом была река, и Фёдор там часто

катался на коньках, он очень любил это занятие и хотя и был самоучкой, но умел делать довольно сложные упражнения и это тоже восхищало сельских ребят. Как-то к нему подъехал веснушчатый паренек, он был высокого роста, но очень плохо одет.

— Фёдор, научи меня, пожалуйста, кататься, как ты, — скромно обратился он к Фёдору.

Звали парня Анатолием, в последствии Фёдор узнал, что он сирота и живет у бабушки. На парне были обычные бурки, а коньки были привязаны обычными веревками. У Фёдора сжалось сердце. Он сам ходил в школу в бурках, и ему очень хотелось иметь сапоги, но на сапоги в то время у родителей денег не было. Он, конечно, понимал, что при такой экипировке и думать нельзя о пируэтах, но, тем не менее, доброжелательно улыбнулся.

— Давай попробуем. У меня есть старые коньки с ботинками, я тебе их дам на время.

Они очень быстро сдружился. Это был очень простой и доброжелательный паренек, и Фёдор был для него непререкаемым авторитетом. Вскоре к ним присоединился и друг Анатолия Виктор. Все были увлечены и горели спортом. Вскоре к конькам присоединились лижи. Если осваивать какое-то дело с душой и желанием, то будут и результаты. Очень скоро в умении делать виражи на горных спусках или крутить пируэты на льду в Липцах им не было равных. Конечно, это не был уровень городских горнолыжников, да и какие горы были в Чипцах, это, конечно, был и не уровень городских фигуристов, но все-таки это был уже и не сельский уровень. На то, как они катаются на коньках, или делают виражи при спуске с гор с восхищением смотрели их сверстники.

— Фёдор, — однажды задал ему вопрос Анатолий, — говорят, что ты и солнце на перекладине крутишь и приемы самбо знаешь, это правда ?

— Да, вроде, правда.

— Так и нас научи.

— Но где? Ведь для этого спортивный зал нужен.

— Так в школе же есть, ведь он там практически всегда пустует. Мы договоримся.

Фёдор с волнением подошел к перекладине, давно он не чувствовал в руках ее холодного металла. Натер руки мелом и начал одевать страховочные ремни. На тех людей, которые никогда не видели, как крутят большие обороты, это упражнение производит неизгладимое впечатление. Так было и с ним, когда он впервые увидел, как крутит солнце Александр Иванович. Фёдор сделал мощную отмашку назад, почти став на перекладине на вытянутых руках. Еще мгновение и его тело, прогибая перекладину, понеслось вниз. Сделав несколько оборотов, Фёдор соскочил с перекладины. Анатолий и Виктор стояли как замороженные, на их лицах было восхищение.

— Ну как? — спросил Фёдор, — хотите научиться? — и тут почувствовал сильную боль в ладонях. При постоянных тренировках на перекладине кожа на ладонях около пальцев грубеет и превращается в мозоли, и эти мозоли нельзя уже сорвать вместе с кожей. Если же таких мозолей нет, то кожу можно сорвать. Так и случилось, кожа около пальцев на правой ладони была сорвана.

— Вот видите, ребята, прежде, чем крутить большие обороты, нужно на руках мозоли нарастить.

В клуб Фёдор не ходил, не хотелось опять где-нибудь встретиться с Галиной. Постоянные занятия спортом отвлекали его от грустных мыслей, и ему стало немного легче, хотя, конечно, в его памяти очень часто появлялся ее образ.

Как-то вечером к нему зашел Анатолий и сказал:

— У меня есть предложение заняться еще и гирями.

— А не слишком ли много будет?

— Спорта никогда много не бывает.

— Но где же мы возьмем гири?

— По этой причине я и пришел к тебе. Около стадиона живет женщина, и у нее во дворе лежит двухпудовая гиря, ну зачем она ей, а мы тренироваться будем.

— С кем тренироваться, с женщиной, — пошутил Фёдор.

— Можно и с женщиной, — ответил тоже шуткой Анатолий.

— Ну, так что пойдём? — только там во дворе собака, так что возьми чего-нибудь, чтобы ей бросить.

— Ох, Анатолий, я уже когда-то огурцы воровал!

— Так то же огурцы, их есть можно, а это гиря! Ну зачем она женщине? Да она ещё и хромая.

— Ну ладно, уговорил!

Когда собака начала лаять Анатолий бросил ей кусок хлеба, и собака успокоилась. Они мигом перемахнули через ворота и схватили гирю. Но тут на крыльце вспыхнула электрическая лампочка и собака, бросив хлеб, бросилась на них. Они кинулись к забору, но собака схватила Фёдора за штанину брюк. Щелкнула щеколда входной двери, Фёдор рванул ногу, и они мигом перескочили через забор. Очнулись они с гирей в руках уже только на другом конце стадиона. Штанина на правой ноге была разорвана.

Переправа, переправа, берег левый, берег правый!

Но на этом злоключения не закончились. Пришла весна, в те времена еще не было водохранилища вверх по течению реки, и она сильно весной разливалась. Случалось даже так, что то место, где жил Фёдор превращалось в остров. Но даже, если это и не случалось, то все равно вода заливала обширные территории. Для того, чтобы попасть в другое село, куда когда-то ходил в школу Фёдор и где жил его новый друг Виктор, нужно было обходить несколько километров, в то время как через затапливаемые луга напрямую было всего минут десять ходу.

Весна была очень ранняя и река сильно разлилась. Как-то к нему пришли Виктор и Анатолий.

— Ты знаешь, Виктору срочно нужно домой, а обходить ему знаешь сколько?

— Да знаю, но чем же я могу помочь?

— Дай лодку, мы туда сюда мигом.

— Э нет, ребята, вы ведь на ней плавать не умеете, мигом перевернетесь.

— Да ты что? Разве мы не спортсмены?

— Если вы и спортсмены, так это совсем не означает, что вы на лодке плавать умеете.

— Не хочешь дать так и скажи.

— Да вы что, ребята!?! — не на шутку рассердился Фёдор.

— Понимаешь, ну позарез нужно.

— Ну, раз позарез, берите, только смотрите, точно выкупаетесь.

Ребята браво сели в лодку и начали грести, и Фёдор сразу понял, что ничего хорошего то плавание не предвещает. Уже где-то на середине Фёдор увидел, как лодка бортом черпнула воду, а еще спустя несколько минут, Анатолий и Виктор, размахивая руками, вплавь добирались до противоположного берега. Плыть в фуфайках совсем непросто, но, тем не менее, уже минут через десять оба пловца выбежали на другой берег. Лодка же осталась посреди плавней.

На следующий день, когда Фёдор вышел посмотреть, где лодка, он увидел, что ее ветром пригнало к противоположному берегу. Нужно было идти ее вытаскивать.

Он взял с собой Ивана, надел охотничьи сапоги и они отправились обходным путем выручать лодку. Издали казалось, что лодка находится около самого берега, но когда они пришли на место, то оказалось, что ее прибило ко льду, который своей кромкой уходит под воду, причем лодка стояла метров за двадцать от берега. Делать было нечего, и Фёдор побрел по скользкому льду к лодке. Где-то уже почти около самой лодки лед уходил под воду, и он вдруг почувствовал, что плавно скользит по скользкому льду и остановиться не

может. Скорость скольжения нарастала, и он все глубже и глубже погружался в воду. Около самой лодки лед вдруг оборвался, и Фёдор мигом оказался по пояс в воде. Лодку никак не удавалось вытащить на берег, мешала кромка льда. В конце концов, мокрый с ног до головы он все-таки вытащил ее на берег.

— Ну, что будем делать, — покатывался от смеха Иван.

— Да что, домой нужно опять вокруг идти, — со злостью сказал Фёдор.

— А ты знаешь, тут недалеко брод есть, я его знаю, так километра два и сократим.

— Ну, веди.

Иван бодро шагал впереди, время от времени ощупывал палкой дно и все время подшучивал над Фёдором.

До конца брода оставалось совсем немного, как вдруг Иван споткнулся и с головой окунулся в воду.

— Проклятая копанка, я про нее совсем забыл, — бурчал он всю оставшуюся дорогу.

Опять тубинститут

Близилось лето, Фёдора опять вызвали в тубинститут и положили на лечение. Он не понимал, что у самих врачей нет никакой уверенности в том, что это туберкулез, ведь сейчас, когда многие люди страдают самыми разнообразными аллергиями, у многих из них положительная реакция Манту, но его интенсивно лечили, по сути дела производя над ним эксперименты.

К больничной атмосфере он быстро привык, люди, оказывается, очень быстро ко всему привыкают. Подобралась команда преферансистов, и это как-то скрашивало жизнь. Было уже совсем тепло и в карты играли за столиком прямо во дворе. Партнеры подобрались опытные, и ничего не составляло прилично проиграть, тем более что сам он особым опытом пока не обладал. Пару раз его прилично накрыли, и Фёдор понял, что когда играешь с неизвестными партнерами, то нужно быть очень осторожным, и никогда не рисковать. Конечно, при такой игре особо не выиграешь, но, если и проиграешь, то немного. Придерживаясь такой тактики, он достаточно быстро подтянулся до уровня партнеров и далее играл с ними на равных.

Но в картах как и в любой другой игре иногда везет, как говорится идет карта. Карта шла, и он чувствовал, что сегодня он точно прилично выиграет, чувствовали это и партнеры. Фёдора кто-то тронул за плечё, он обернулся и увидел улыбающееся лицо Галины.

— Ты, наверное, думал, что от меня здесь спрятался, — продолжая улыбаться, сказала она.

— Был уверен!

— Ну, вот видишь, не вышло, — сказала Галина, и они дружно рассмеялись.

— Ребята я пас, не возражаете?

— Да разве при такой девчёнке можно возражать, — заулыбались партнеры.

— Я ведь теперь тоже живу в Харькове, и работаю на фабрике мороженого.

— Как же ты меня нашла?

— Это военная тайна.

— Но ты хоть знаешь, как называется то учреждение, в котором сейчас находишься?

— Понятия не имею, потому и пришла.

— Ну, ты смелая девчёнка, — пошутил Фёдор.

— У тебя учусь, с хитринкой ответила Галина, — Я, ведь, тоже некоторые приемчики знаю.

И они опять дружно рассмеялись.

— А давай махнем в кино, — предложил Фёдор.

— Давай.

Вернулся Фёдор в тот день поздно. Лег на больничную койку. Рядом на койках мирно спали такие же ребята как он, скольким из них эти койки испортили все: и будущее, и любовь, и жизнь. Фёдор долго не мог заснуть, чувства переполняли его, все это казалось ему каким-то несбыточным сном. Галина, его любимая Галина! Он вдруг широко открыл глаза. «Да это же сон, с ужасом подумал он», — ощупал кровать, встал и посмотрел в окно. На кроватях мирно посапывали ребята, и только теперь он понял, какой он счастливый. Заснул он, когда уже начало светать.

— На уколы! — вдруг сквозь сон услышал Фёдор.

— Менде, сегодня в одиннадцать часов пойдете на консультацию к профессору, — дружелюбно сказала сестра.

— К какому профессору? — удивился Фёдор.

— Консультант из Москвы приехал, — делая важный вид, сказала сестра.

Профессор долго спрашивал о болезни, как и при каких обстоятельствах он заболел, как и чем его лечили, имел ли дело с ядовитыми веществами. И когда Фёдор сказал ему, что практически с детства занимается радиолобительством, и очень много в своей жизни паял, профессор улыбнулся и сказал:

— В этом и кроется ответ. По анализам вы абсолютно здоровый человек, а вот чрезвычайно высокая чувствительность к туберкулину, может быть связана с вашим увлечением. Свинец, который вы постоянно вдыхаете во время пайки, сильный яд и может

вызвать различные аллергические реакции. Особенно это опасно в молодом возрасте, а, тем более, в детстве.

— Так что, и туберкулеза у меня нет? — не выдержал Фёдор, — а железы, которые из меня вырезали?

— Моя точка зрения сводится к тому, что у вас просто сильная аллергия, и в частности на туберкулин, ведь это тоже сильный яд. Что же касается желез, так гистология показывает, что у вас просто в прошлом был сильный воспалительный процесс в брюшной полости. А скажите, нет ли у вас аллергии, например, на какие-нибудь запахи.

— Я не переношу запаха свежих газет, у меня сразу же начинается жечь во рту.

— Ну, вот видите, типографская печать тоже содержит свинец.

— Так что, я столько препаратов переглotal, и все напрасно?

— Думаю, что это только усугубило вашу аллергию, ведь практически все препараты от туберкулеза тоже ядовиты. Мой вам совет, забудьте о своём туберкулезе, живите нормальной жизнью и вообще поменьше лечитесь. Вы крепкий нормальный парень, а то ведь, знаете, и залечить могут, — и на лице профессора появилась лукавая улыбка. — Конечно, то, что я сказал, по понятным причинам я не могу записать в вашу карточку. Считайте, что это просто мой дружеский совет.

На крыльях вылетел из кабинета Фёдор, а еще через два дня выписался из тубинститута. О том, что сказал ему профессор, Галине он решил не рассказывать. „Подумает еще, что оправдываюсь”, — а оправдываться не хотелось.

Электромuзыка

Зайдя как-то в книжный магазин, Фёдор увидел на прилавке брошюру «Электромuзыкальные инструменты». Бегло просмотрев ее содержание, он с удивлением узнал, что при помощи электроники можно создавать самые разнообразные музыкальные инструменты. Он никогда не верил в какую-то телепатию или в еще какие-либо другие «загадочные» явления типа передачи мыслей на расстояние, но как он потом узнал в этом же магазине купил эту же книгу и декан его факультета. Да, дело случая вещь очень интересная, и если на этот вопрос посмотреть немного глубже, то можно заметить, что этот самый господин случай часто руководит не только крупными событиями и делами, но и постоянно вмешивается в нашу повседневную жизнь. Приходит домой пьяный муж, жена, конечно,

спрашивает, где напился. Оказывается, случайно встретил старого друга. Казалось бы мелочь, а приятно. Правда, кому приятно, а кому и не очень.

Покупка этой небольшой брошюры, казалось бы такая небольшая мелочь, существенным образом повлияла на творческие интересы Фёдора. Как-то на очередном собрании, а нужно отдать должное, декан часто выступал на таких собраниях, он настоятельно посоветовал студентам старших курсов начинать работать на профильных кафедрах. Конечно, это был очень правильный подход, так как интерес к какому-либо вопросу это та главная пружина, которая заставляет нас интенсивно работать, а воспитание и поощрение этого интереса и есть работа на кафедрах.

На следующий день Фёдор пошел на кафедру СВЧ, и там его очень радушно встретили. На любой кафедре всегда есть масса черновой работы и ее кому-то нужно делать. Он прекрасно понимал это и с усердием взялся за порученное ему дело. Работа заключалась в том, чтобы привести в порядок лабораторные работы, которые студенты отрабатывали на кафедре. И тут ему сразу же очень пригодились радиолюбительские навыки. Фёдор очень быстро находил неисправности в аппаратуре, все то, что нуждалось в ремонте, быстро ремонтировал. Он очень быстро сдружился с лаборантами и руководителями лабораторных работ и скоро на кафедре уже был своим. Конечно, его уже никто не заставлял отрабатывать лабораторные работы на кафедре, а ставили зачеты автоматом. С тех пор Фёдор хорошо понял, что если ты делаешь порученную тебе работу лучше, чем от тебя ожидают, тебя быстро заметят.

Как-то он ремонтировал неисправные шнуры на одной из лабораторных работ, сзади к нему кто-то подошел. Фёдор оглянулся. Позади стоял декан.

— Фёдор Фёдорович, сотрудники нашей кафедры очень похвально отзываются о вас.

Прошло несколько дней. Как-то он наткнулся на купленную брошюру и начал ее читать. Не отрываясь, он прочел ее от корки до корки и твердо решил, что в самом скором будущем у него будет электромзыкальный инструмент. Но где взять деньги, ведь для создания такого инструмента требовалось очень много деталей. Раздумий не было, взял рюкзак и в тот же день уехал в Липцы. Вечером в воскресенье он встретился с Галиной и рассказал обо всем случившемся. Галина всегда с интересом слушала его нехитрые рассказы о студенческой жизни, и он всегда ей с удовольствием обо всем рассказывал. Пробыл Фёдор в Липцах почти месяц.

— А тебя из университета не выгонят? — как-то спросила Галина, приехав на выходной в Липцы, — ведь ты уже целый месяц на занятия не ходишь.

— Пойдем ко мне, я тебе что-то покажу.

На столе в светлом лакированном футляре стояло небольшое настольное пианино, на его передней крышке красовались две тисненые буквы ЗГ. Фёдор коснулся пальцами

клавишей и нежные вибрирующие звуки, похожие на пение гавайской гитары, заполнили комнату.

— Что это? — изумленно спросила Галина.

— Электромузыкальный инструмент.

Но все когда-то кончается, нужно было опять ехать на учебу.

— Тебя вызывают в деканат, — сказал Фёдору староста группы, когда он пришел на занятия, — ты ведь больше месяца отсутствовал, все уже тут всполошились, где ты подевался.

— Вас хотел видеть декан, — сказала секретарша, когда Фёдор пришел в деканат.

— Где вы подевались? — строго спросил декан, — ведь мы уже не знали, что и думать.

Фёдор всё честно рассказал.

— То, что вы увлеченный человек, это похвально, но ведь занятия для вас тоже никто не отменял.

— Алексей Иванович, я все наверстаю.

— Не сомневаюсь, но, впрочем, брошюра, о которой вы говорите, есть и меня, и я ее с удовольствием прочел. Я, ведь немного играю на пианино, но вот что-то мало веритья, чтобы электромузыкальный инструмент может конкурировать с роялем.

— Я не музыкант, и насколько прибор совершенен судить не могу, но звуки он издает изумительные.

— А не могли бы вы привезти его на кафедру и продемонстрировать нам.

— С удовольствием, — радостно ответил Фёдор.

Студенческая научная конференция

Приближалась ежегодная общеуниверситетская студенческая научная конференция. Радиофизический факультет выдвинул на нее две работы: электромузыкальный инструмент и кибернетическую черепаху. Конечно сейчас, когда кибернетика делает такие громадные успехи, такой черепахой никого не удивишь, но тогда это было в диковину. Двигалась эта самая черепаха на колесиках, приводимых в движение электромотором. Но самым удивительным её свойством было то, что у неё была система обратной связи, она могла самостоятельно объезжать встречающиеся на ее пути препятствия. Делала она это очень просто. Когда на пути встречалось препятствие, она отъезжала немного назад, ее передние колесики немного поворачивались, и она снова двигалась вперед. Если не удавалось

объехать препятствие с первого раза, то она повторяла этот маневр несколько раз. Если в комнате на пол клали много всяких препятствий, то черепаха как сумасшедшая металась между ними последовательно объезжая одно препятствие за другим, и это вызывало восторг у наблюдающих.

Перед докладом Фёдор очень волновался, на итоговой конференции присутствовали деканы всех факультетов во главе с ректором университета Буланкиным. Сам ректор был биологом и возглавлял биологический факультет. То было время, когда кибернетика еще не получила прав гражданства и, впрочем как и генетику, ее считали лженаукой.

Фёдор заметил, что волнуется не только он, но и декан, но никак не мог понять, почему. Фёдор сам не умел играть на пианино и поэтому продемонстрировать игру его инструмента декан пригласил его же сокурсника Игоря Янсона. Игорь закончил музыкальную школу и прекрасно играл на пианино.

Фёдор очень гордился тем, что его работа выдвинута на итоговую студенческую научную конференцию, и попросил разрешения у декана пригласить на нее отца.

Доклады от факультета в программе значились в самом конце. Все с нескрываемым интересом следили за тем, как черепаха героически расправляется с препятствиями на ее пути, а когда сразу вслед за этим раздались поющие звуки гавайской гитары, все зааплодировали. Затем Фёдор подробно рассказал, как инструмент работает и сказал, что у этого направление большое будущее. Казалось, что успех докладом был обеспечен, однако не тут-то было. После окончания докладов слово взял ректор университета. Похвально оценив работу студенческого научного общества и отметив ряд докладов, ректор особо остановился на работах радиофизического факультета. И тут Фёдор понял, почему так волновался декан. Слова ректора звучали угрожающе, он говорил, что некоторые лжеученые питаются смоделировать живых существ при помощи каких-то черепах, а другие забыли заветы Мичюрина и учение Лысенко. А когда он спросил у Янсона, какое у него впечатление от «электроинструмента», и тот ответил, что, конечно, это не пианино, декан помрачнел.

Выходили после конференции с тяжелым сердцем.

— Да, музыканта мы из вас вырастили, а вот радиофизика пока нет, — хмуро сказал декан Янсону.

— Не грусти, дружок, — сказал отец Фёдору, похлопав его по плечу, — за одного битого двух небитых дают, и то не берут. И все рассмеялись.

На следующий день декан вызвал Фёдора.

— Я принял решение добиваться создания лаборатории электромзыкальных инструментов при кафедре СВЧ. В городе не только мы занимаемся этим, я вас скоро

познакомлю еще с одним человеком, который тоже сделал очень хороший электромузыкальный инструмент, и мы объединим наши усилия.

Но демонстрации электромузыкального инструмента на этом не закончились. Вскоре начали снимать фильм об университете, и Фёдор вместе с Янсоном попали в кадры этого фильма.

15 суток!

Близилось лето. Фёдор был дружелюбным парнем, но особенно он сдружился с Леней Махиной и Володей Емцом. Вместе с друзьями, особенно часто с Володей, он часто бывал в Чипцах. Уже начался купальный сезон, и друзья приезжали, чтобы покупаться и отдохнуть. Родители были очень гостеприимными людьми и всегда радушно встречали его друзей. Уже сформировалась веселая компания, и её любимым местом сбора была река, и когда в воскресные дни они собирались все вместе, то всем было всегда очень весело. Купались, загорали, ходили в клуб на танцы, не дураки были выпить, и победокурить, жили весело и дружно.

В один из таких приездов, когда на реке было очень много народа, кому-то пришла в голову мысль бросать девченок в реку. Все начали мазать друг друга грязью и бросать в воду. Визг и хохот разносились далеко вокруг. Вволю накупавшись и насмеявшись все вечером пошли в клуб. Когда уже ночью Володя и Фёдор вернулись домой, родители по непонятным причинам не спали, по их виду Фёдор понял, что произошло что-то очень серьезное.

— Вы что там сегодня на речке натворили, — хмуро спросила мать.

— А что?

— А то, что приезжала милиция, чтобы вас арестовать.

— Еще чего? А за что?

— Как за что? Вы же дочь Яворовского в платье и в часах в речку вбросили.

Фёдор недоумевающе посмотрел на Володю, тот смущенно моргал глазами.

— Так я же думал, что она тоже из нашей компании.

— Думал, думал, а ты не заметил, что ей уже за тридцать.

— Знаешь, когда я ее уже вбросил, так тогда вроде почувствовал, что ошибся.

— А вы знаете, что недавно вышло постановление о наказании за мелкое хулиганство, но если заберут на 15 суток, так и из университета исключат.

— Ну и ну, — только и сказал Фёдор.

— Вот наше решение с отцом, идите сейчас куда хотите, но чтобы до утра вас и завтра целый день дома не было, потому что если заберут, то пути назад не будет. У меня в вечерней школе учится сотрудник милиции, может он поможет.

— Не сердись, мать, осечка вышла, но, как видишь, не по нашей вине. Мы будем у Виктора.

На следующий день где-то к обеду мать зашла за ними.

— Ну, герои, идите к Яворовским и просите у женщины прощение, если простит, акт о ваших проделках анулируют.

Фёдор и Владимир не возражали, но ноги просто не слушались. На их стук в калитку вышел отец и хмуро посмотрел на них. Язык тоже не слушался и Фёдор с трудом выдавил: «Мы хотим попросить прощение у вашей дочери».

Этот позор Фёдор тоже запомнил на всю жизнь. К счастью женщина оказалась очень доброжелательной, и сказала, что была против вызова милиции, но отец настоял.

Придя домой, он сказал, что конфликт улажен, и мать опять ушла в милицию. Возвратилась она скоро, на её лице была улыбка.

Экзамен

Уже в течение года Фёдор с Виктором вели интенсивную подготовку к вступительным экзаменам, но Фёдор понимал, что у Виктора не очень много шансов, чтобы выдержать конкурс. Но все-таки они решили попробовать. Камнем преткновения все-таки была математика, которую нужно было сдавать письменно. Фёдор выработал план, но Виктору пока о нём ничего не говорил. Известно было, что экзамен будет проходить в старом корпусе в той самой Бекетовской аудитории, в которой он когда-то сдавал вступительный экзамен по физике. Она была выполнена в виде амфитеатра и даже центральная секция парт была полукруглой, так что проход между сидением парты и столом насквозь не просматривался.

Правила были такими, что абитуриенты занимали места в аудитории еще до прихода экзаменационной комиссии, а выпускали только по предъявлению экзаменационного листа. План был простой, зайти в аудиторию вместе с Виктором, помочь решить ему задачи, а потом спрятаться под парту и дожидаться, пока комиссия уйдет. На недоумевающий вопрос Виктора, почему он идет с ним в аудиторию, Фёдор только хмыкнул. Понятно было, что открой Виктору он свой план, так Виктор никогда бы не согласился.

Фёдор сказал ему, что лучше всего сидеть по центру средней секции и они заняли места. На вопрос, почему он садится с ним, он ответил: «Узнаешь потом».

Вошла экзаменационная комиссия, входную дверь закрыли, и Фёдор с ужасом увидел, что в составе комиссии преподаватель, который вел у них на курсе практические занятия по матанализу. Время на раздумья не было, нужно было или вставать и уходить, ну, подумаешь криминал, вовремя не успел выйти. Или нужно было прятаться под парту. И Фёдор сделал последнее.

Разные мысли приходили в голову Фёдора, пока он в полумраке под партой решал задачи, которые ему подавали. Но, конечно, главная из них говорила ему, что, если уж на этот раз поймают, так из университета точно выгонят.

Экзамен подходил к концу, аудитория начала пустеть.

— Что же делать? — наклонившись к нему, в растерянности спросил Виктор.

— Спокойно уходи из аудитории, — ответил Фёдор.

Он отчетливо слышал, как ушел последний абитуриент, как члены комиссии начали собирать документы. И вдруг кто-то из ее членов спросил: «А чернильницы будем собирать?» В то время авторучки были еще мало распространены, и обязательным условием проведения экзаменов было наличие на партах чернильниц. Кровь ударила в виски. «Конец» — подумал Фёдор. Но, немного посоветовавшись, комиссия решила, что это дело уборщицы.

Хлопнула выходная дверь, в аудитории наступила тишина. Еще немного подождяв, Фёдор выглянул из под парты. В аудитории никого не было, Он быстро спустился по ступенькам и приоткрыл дверь, в коридоре тоже никого.

Людмила и Тамара

Сбылась давняя мечта Виктора, он стал студентом. Впереди было лето. Настроение у ребят было отличное, они победили, победила дружба.

Виктор уехал в Липцы, а Фёдор остался в городе, чтобы доделать некоторые дела. Через несколько дней он вернулся на прекрасном гоночном велосипеде. Этот велосипед дал ему во временное пользование Леня Махиня. Леня был мастером спорта по велосипедному спорту и велосипед получил на лето в секции, в которой тренировался, а поскольку у него дома был свой собственный велосипед, то полученный он отдал на все лето Фёдору.

— Фёдор, ты знаешь, пока тебя не было, я познакомился с очень хорошей девушкой.

— Она из Липец?

— Нет, она не местная, она из Стерлитамака. Здесь гостит у бабушки. Сегодня пойдем в клуб, я тебя с ней познакомлю.

Фёдору Людмила сразу не понравилась, было в ней что-то неестественное и наигранное, казалось, что она не живет, а играет роль, но была чертовски красива. Конечно,

о своих впечатлениях Фёдор ничего Виктору не сказал и решил, что самый хороший судья время.

Отпуск, который Виктор брал для сдачи вступительных экзаменов, заканчивался, и ему нужно было возвращаться на работу, так как зачислен он был на вечерний факультет.

— Ты тут ее в обиду не давай, — пошутил Виктор, уезжая на работу.

— Э, Виктор, в Липцах и в памяти уже ни у кого нет, что наших протеже обижать можно, — пошутил Фёдор.

Тамара жила недалеко от него и в клуб они ходили вместе. И тут он почувствовал, что он в буквальном смысле слова к нему ластиться. «Ну и стерва!», — подумал Фёдор.

Ласковые знаки продолжались, но он и виду не подавал, а делал вид, что воспринимает это все как искреннюю дружбу. Но этим не закончилось. Как-то раз, когда они шли из клуба, она была особенно ласкова, и когда пришло время прощаться, прижалась к Фёдору.

— Поцелуй меня, — тихо сказала она, почти касаясь его губ своими.

Каждый парень знает, как трудно устоять перед таким предложением молодой красивой девушки. Фёдор обнял ее, чуть приподнял и несколько раз добродушно встряхнул.

— Ты замечательная девчёнка, но ведь ты знаешь, что у меня есть Галина и я люблю её.

Людмила немного смутилась, а потом тихо сказала: «Как я ей завидую».

Дни бежали быстро. Тогда был только один выходной, но на воскресенье Виктор всегда приезжал в Липцы. У них здесь уже было много друзей, и Фёдор среди местных ребят уже был крупным авторитетом. Была футбольная команда, и многие из ее членов были его друзьями. Как-то после очередной игры, празднуя победу, напились так, что Фёдор всю ночь рвал, и мать его на несколько дней выгнала из дома и сказала, что ее глаза его видеть не хотят. Впрочем, жить было весело и интересно.

Не дружил Фёдор только с капитаном команды Касимовым, но это был номинальный капитан, и был им только потому, что являлся сыном директором местной швейной фабрики, где работала когда-то и Галина.

В один прекрасный день, когда Фёдор с Людмилой возвращались домой, она вроде мимоходом сказала, что ей нравится капитан футбольной команды. Она уже, конечно, довольно хорошо знала ситуацию и понимала, что через его точку зрения по этому вопросу в Липцах никто не переступит.

Фёдор просто пропустил это признание мимо ушей, но решил на этом вопросе поставить точку. Конечно, будь это другая девушка, Фёдор, никаких мер не предпринимал бы, но поскольку он понимал, что имеет дело с прожженной стервой, решил действовать. В

клуб Фёдор с Людмилой ходили вместе, и он решил провести один показательный эксперимент. У капитана команды, как у сына состоятельных родителей, был мотоцикл, и приезжал он в клуб обычно на нем с особым шиком, ставил мотоцикл напротив клуба, а после окончания танцев отвозил домой свою протезе.

Перед клубом была площадка, на которой всегда перед танцами собиралось много молодежи, здесь- то и поджидал капитана команды Фёдор. Он весело делился интересными последствиями предыдущей футбольной победы, после празднования которой, как оказалось, не все даже домой добрались. У всех от хохота болели животы, смеялась и Людмила. Подъехал мотоцикл.

— Я на секунду, — обратился Фёдор к ней и пошел к мотоциклу.

— Я тебе советую не трогать Людмилу, тебе что, других мало? — глядя в упор, сурово сказал Фёдор.

— А ты, что запретить мне можешь, мы с ней уже встречались, не очень уверенно ответил тот.

— Ты же знаешь, что могу.

— А если я не послушаюсь? — последовал вызывающий ответ.

— Да куда ты денешься! — при этих словах Фёдор со всей силы толкнул капитана и тот кубарем перелетел через мотоцикл.

Не оборачиваясь Фёдор подошел к Людмиле.

— Пойдем, потанцуем.

Больше никаких комментариев по поводу капитана футбольной команды он от неё не слышал.

Дубы

Хоть о проделках Людмилы Виктору Фёдор и не рассказывал, но он очень быстро сам понял, что она из себя представляет и порвал с ней. Вскоре у него появилась новая знакомая, и звали её Тамарой. Тамара училась на математическом факультете и, хоть особой красотой и не отличалась, но была очень доброжелательной и обаятельной девушкой. Все вместе быстро сдружились и она очень скоро влилась в их дружную компанию.

У Галины тоже начался отпуск и она приехала в Липцы, и теперь они каждый день встречались. Встречались они не только в клубе. В доме Галины Фёдора уже хорошо знали, и он часто ездил к ней на велосипеде. В велосипед он был просто влюблен, это была на то время совершенная машина, одних только скоростей у нее было восемь.

Как-то, возвращаясь домой уже довольно поздно, Фёдор крутил педали, но мысли его летали где-то совсем далеко. Дорогу он знал на память. Луны не было, но пешеходная дорожка, по которой он ехал, была хорошо видна и только шуршала под колесами велосипеда. Фёдор очнулся от сильного удара в переднее колесо, и в тот же момент упал на какие-то бревна животом вниз, и в довершение всего сверху на него упал и велосипед. Ничего не понимая, он попытался встать, но ноги были пристегнуты к педалям. Когда он, в конце концов, отстегнул педали и встал, то все понял. Пока он был у Галины, кто-то ночью привез бревна и вывалил их прямо на дорожку «Ах ты, сукин сын, — подумал Фёдор, — а если бы кто-нибудь ехал на мотоцикле? Ну ладно, я тебе покажу!».

Неудобно было будить Анатолия в такое время, но он всё-таки решился на это. За пол часа они перетаскивали бревна, которые с трудом поднимали вдвоем, на другую сторону улицы к дому соседа напротив.

На следующий день события развивались стремительно. Когда сосед, у которого около дома лежали бревна, утром открыл калитку, то от неожиданности оторопел. Но, немного поразмыслив, решил, что сосед, который жил напротив, хочет использовать площадку перед его домом для хранения ворованных бревен, и, страшно матерясь, направился к нему. Когда же сосед, которому принадлежали бревна, вышел на улицу, то он тоже оторопел, но потом решил, что таким образом сосед хочет присвоить его бревна. Все бы кончилось мирно, но они, как это часто бывает между соседями в селе, уже давно были в очень натянутых отношениях. Сосед, которому принадлежали бревна, кричал: „Це дубки мої!” А другой, понимая, что бревна ворованные и что документов у соседа нет, кричал: „А чога це вони твої, як біля мого двору лежать?” Владелец бревен кричал: „Я у міліцію піду!” А другой отвечал: „Йди, тільки з документами!”

В конце концов, кончилось все тем, что бревна так и остались лежать на новом месте, а соседи стали врагами на всю жизнь.

А вывод простой, если украл, то не клади украденное на пешеходной дорожке.

Маша

— Фёдор, у нас радостная новость, — сказала мать, — к нам в гости на лето приезжает твоя двоюродная сестра из Ленинграда.

— Маша? с радостью спросил он.

Машу Фёдор никогда не видел, но семьи часто переписывались, и Фёдору очень хотелось повидать сестру. Боялся только он того, что непривычная сельская действительность не понравится ей.

Маша оказалась очень красивой, воспитанной и интеллигентной девушкой. Фёдор даже первое время чувствовал себя при ней несколько стесненно, но рисоваться он не умел и не хотел и решил, что какой есть, такой и есть. Они очень быстро сдружились, и Фёдор всячески старался, чтобы ей не было скучно. Но какие развлечения в деревне кроме клуба? Он прекрасно понимал, что вскоре ему придется повести ее туда, но как она воспримет его сельских друзей, как воспримет Галину?

Пришла суббота, и они заранее договорились, что в этот день пойдут в клуб, тем более что и Галина тоже обещала прийти.

У Фёдора был красивый светлый пиджак и светлокоричневые китайские брюки, белая рубашка и модный галстук. Выглядел он очень прилично. Маша тоже надела нарядное платье, и от того стала еще красивее.

— Какая у тебя красивая попутчица, — улыбаясь сказала мать.

— Знай наших, — тоже весело ответил Фёдор.

Чтобы попасть в клуб, нужно было перейти через мост, которому предшествовала высокая насыпь с крутыми склонами. Не доходя метров тридцать до моста, Фёдор почувствовал, что их кто-то догоняет, и оглянулся. Оказалось, что это тот самый верзила, с которым у него уже были когда-то разборки. Фёдор сразу почувствовал недоброе.

— Куди це ти йдеш? — ехидно спроси верзила, поравнявшись с ними.

Фёдор молчал.

— А що це за краля з тобою, шось я такої в Липцях не бачив.

И тут последовал отборный мат. Фёдору показалось, что под ним проваливается земля, он чувствовал, как кровь бешено бьет в виски. Он начал медленно снимать пиджак, медленно снял галстук и подал их Маше. Верзила с недоумением смотрел на происходящее. Фёдор прекрасно понимал, что против мельницы трудно устоять, еще мгновение и обидчик был уже у него на плечах. Но вес противника был слишком большим, Фёдор оступился, и они кубарем полетели вниз по крутому откосу. Еще минут десять они барахтались в пыли и грязи, но силы были практически равны. И опять спасло самбо. Фёдору, в конце концов, удалось поймать голову противника в замок под правую руку. Тот захрипел и как бешенный зверь начал метаться, чтобы сбросить противника, но Фёдор все давил и давил. Наконец, противник начал изнемогать, но Фёдор продолжал давить.

— Пусты, — наконец прохрипел верзила. Фёдор отпустил замок, встал и начал медленно взбираться на насыпь. Верзила так и остался лежать внизу. С тех пор Фёдор его никогда в жизни не видел и не встречал.

На Маше не было лица.

— Не грусти, сестренка, это село, здесь все бывает, — с напускным спокойствием сказал он. — Пойдем я тебя с Галиной познакомлю.

— Чего ты такой грязный? — с недоумением спросила Галина.

— Да, с дамбы сдуру свалился.

Говорят, что снаряд в одну и ту же воронку никогда второй раз не попадает, так нет же! Уже идя домой, они повернув в переулочек, Фёдор заметил, что навстречу идет мужчина с велосипедом. Поравнявшись, он со всей силы ударил передним колесом его в ногу и взбешенный Фёдор со всей мощью своей правой врезал ему в скулу. Но к удивлению мужик только чуть пошатнулся и остался стоять на ногах.

— Ты шо, здурів? Я ж з одробщини йду!

И только тогда Фёдор увидел, что мужик сильно пьян.

— Ты что боксер? — с недоумением спросил он.

— Эге ж, колись був перший розряд, — промямлил мужик.

Ну и ну! — вырвалось у Фёдора.

С этим самым перворазрядником в будущем Фёдор подружился и даже сделал ему телевизор, но Машу с тех пор никак не мог уговорить пойти еще раз в клуб.

Американские шпионы

Утром отец уехал в город, а уже к обеду вернулся. На нем не было лица.

— Что с тобой? — с беспокойством спросила мать.

— Я встретил в Харькове нашу хорошую знакомую из Двуречной Лидию Петровну, она бросилась ко мне, плачет. Я ее спрашиваю, в чем дело, а она говорит, что прошел слух, что мы были американскими шпионами и нас с тобой расстреляли, а детей исключили из университета, что в наших ульях была спрятана рация и мы поддерживали радиосвязь с американской разведкой.

— Ну, у меня сердце как чувствовало, что межа на стадионе в Двуречной тебе даром не пройдет.

— Да, она мне сказала, ведь в деревне секретов не бывает, что слухи эти исходят из райкома партии.

— Вот видишь, значит, я права.

— Конечно, но что делать, что подумают люди, которые нас знали и уважали, ведь все они знали, что мы честные люди. Нужно подать в суд на райком партии.

— Судится с райкомом партии в наше время? Это уже что-то из области фантастики, нет, это ничего не даст, запачкают еще больше.

— Но, что же делать, молчать?

— Отец, — вмешался в разговор Фёдор, — мы этот миф одной левой сделаем.

Федор Фёдорович с недоумением посмотрел на сына.

— Но как?

— Завтра в шесть утра еду в Двуречную, причем на велосипеде, у тебя есть карта области?

Отец широко открыл глаза.

— А зачем на велосипеде?

— Да навещу всех наших знакомых, и, если будут вопросы, отвечу на них.

— Но по проселочным дорогам 150 километров! — всплеснула руками мать.

— Э, мать, забыла ты, как по реке вместе на лодке катались?

— Нет, сынок, не забыла, — и на глазах матери появились слезы, — защитник ты наш.

— Прорвемся, мать, прорвемся, — весело сказал Фёдор. — Давай, отец, карту, ты ведь по этому пути уже ходил.

В шесть утра Фёдор выехал из Липец. Гоночный велосипед это совсем не то, что дорожный. Ноги пристегнуты, все время согнутая спина, он при всех этих неудобствах он, конечно в ходу гораздо легче, чем дорожный. Есть и еще одна особенность, о которой Фёдор просто не знал. У гоночной машины нет покрышек и камер, есть только одна так называемая трубка, которая одновременно является и камерой и крышкой. Эта особенность сильно облегчает велосипед, но у такой конструкции есть очень большой недостаток. Трубка просто одевается на обод колеса, а чтобы она не соскочила, внешняя часть обода покрывается смолой, к которой и прилипает трубка. Этой-то особенности, отправляясь в путь, он и не учел.

Над горизонтом начало подниматься желтое солнце, становилось все жарче и жарче, а Фёдор гнал и гнал велосипед. Помогало то, что и он, и Виктор летом практически не пользовались услугами транспорта, а ездили в Харьков на велосипедах. Эта постоянная тренировка и помогала ему сейчас. Развивать по проселочной дороге такую скорость как на шоссе нельзя, но преимуществом является то, что проселочная дорога и не накаляется так, как асфальт. По расчетам Фёдора, даже с учетом перерыва на обед, где-то к обеду он должен был быть в Двуречной. Становилось все жарче и жарче, и он решил поесть и отдохнуть.

В лесополосе было прохладно, и вдруг он увидел небольшую землянку. «Наверное, мальчишки смастерили», — подумал Фёдор, — «А, может быть, в такой же землянке, где-то здесь, ждал своей участи и его отец, когда шел за нами в Золочев?» Сердце Фёдора сжалось. «Сколько же горя и бед пришлось пережить родителям. Да никакой памятник не в состоянии

отразить их мужество и героизм. Впрочем, нет, неправда, такой памятник есть, он в душах, он в сердцах, он в делах детей». И защищать этот памятник ехал он сейчас.

Он уже проехал Купянск и по его расчетам оставалось каких-нибудь 15 - 20 километров. Вдруг переднее колесо наскочило на кочку, трубка слетела с обода, и он, перелетев через руль, упал на дорогу. Это была катастрофа, сколько он потом не пытался поставить трубку на место, она слетала и слетала. К забитой грязью смоле трубка не прилипала. В то время автомобильный транспорт был развит слабо, и встретить на проселочной сельской дороге грузовой автомобиль была большая редкость. Оставался только один выход. Фёдор взвалил на плечи велосипед, благо он был гораздо легче обычного, и пошел. Пришел он в Двуречную, когда уже вечерело.

Насилие около памятника вождю пролетариата

Был ясный тихий летний вечер, который бывает только в деревне. Днем прошел небольшой дождь, и дневной зной сменила легкая прохлада. Громадные звезды висели совсем рядом, и казалось их можно достать рукой, и тишина, сельская тишина просо звенела вокруг. К Виктору приехала в гости Тамара, и, хоть и был понедельник, все вместе решили встретиться около клуба. Галина тоже обещала прийти.

В понедельник в клуб никто не ходил, вся молодежь отдыхает после бурных выходных, когда танцевали и дурачились до упада. Около клуба стояли несколько человек, которым, как и им, тоже делать было нечего. Постояли, поговорили, кто-то рассказал анекдот, посмеялись, но все равно было скучно.

— Давай пройдемся к школе, там и Галину встретим.

Шли медленно не торопясь, но никого из друзей не встретили. Напротив школы стоял памятник Ленину, а около него стояла лавочка.

— Может, присядем, — предложил Фёдор.

Просидели где-то минут десять.

— Ты смотри, кто идет! — вдруг воскликнул Виктор.

По дорожке топала Галина.

— Галя, а мы тут тебя уже ждем.

— А я и не сомневалась, — тоже весело ответила она, все рассмеялись, и уселась между ними.

— Это надо отметить, — многозначительно кашлянув, сказал Фёдор.

— Обязательно, — кашлянув громче, ответил Виктор.

Так они, стараясь перекашлять друг друга, кашляли и кашляли и все громче и громче. Порой это кашляние походило на какое-то гикание, и от смеха у всех начали болеть животы. И когда они уже от кашля охрипли, перед ними, как из-под земли, появился милиционер.

— Ах, ви ж паразіти, це ви тут гикаете?

Все оторопели.

— Да мы не очень, — попытался оправдаться Виктор.

— Не очень? Ви знаете де міліція? аж біля клубу. Прибіга мужик і кричить, що на горі коло Вітінарного когось насилують. Я туди, не пойму де кричать, луна по всьому селі йде. Біжу сюді, невже думаю біля пам'ятника Леніну насилують. Аж здригнувся.

— Да, неужели, так слышно? — удивился Фёдор.

— Я ж кажу, луна по усіх Чипцях йде!

— Та чи це ти, Галю?

— Я.

— А що це ти тут з цими хуліганами робиш?

— Та це не хулігани, це мої друзі.

— Ой-йойой-йойой, отакі в тебе друзі, біля пам'ятника Леніну насилієм заімаютьця. І оце, Галю, ти з таким хуліганами водишся? Стривай, стривай, а це не вони свою сусідку було не втопили?

Все молчали.

— Як би мати не прийшла, та якби наш Микола в неї не вчився, так точно 15 суток у міліції двір замітали.

При этих словах Фёдор почувствовал облегчение, раз знает, что их сотрудник учится у матери, значит не заберет. И, действительно, пожурив их еще некоторое время, и прочитав им лекцию о недопустимости таких поступков около памятника Ленину, милиционер удалился.

— Ну, и погуляли, — добродушно сказала Галина.

— На всю катушку, — не очень весело ответил Виктор.

— Да, Витя, нас с Володькой Емцом уже совсем недавно чуть не замели на 15 суток, и на тебе! Расскажу вам один анекдот. Два мужика решили быка убить, один схватил за рога, другой молот и быку между рог, а бык стоит, тот его еще раз, а бык стоит. Только замахнулся в третий раз, а тот что быка держал и кричит: „Ну, якщо, Миколо, мене третій раз у лоба влучіш, то, я, мабуть, бугая вже не вдержу”. Так и здесь, попадемся еще раз, точно заметут.

Лавочка

И надо же такому случиться, что, где-то дня через два после происшествий около памятника Ленина, произошел еще один случай, когда в одну и ту же воронку чуть в третий раз не попал снаряд.

Со многими ребятами в Липцах Фёдор поддерживал дружеские отношения. Особые дружеские чувства он испытывал к Анатолию. Толя, как мы уже говорили, был сиротой, жил у бабушки, всегда плохо одевался, но был на редкость добрым и честным парнем. Как и Фёдор, особой красотой не отличался и особой популярностью у девушек не пользовался. Во всех его трудностях Фёдору всегда хотелось ему помочь. Не будь этого, он, конечно, никогда бы не согласился воровать гирию, и такой поступок он совершил только потому, что не мог ему отказать.

Фёдор знал, что у Толи была зазноба, но она не отвечала ему особой взаимностью. В таких случаях парню обычно хочется сделать что-нибудь такое, чтобы девушка его заметила.

Когда Толя пришел к нему в гости, он сразу понял, что у Анатолия есть какая-то серьезная просьба.

— Фёдор, у меня к тебе есть большая просьба, — немного помявшись начал он.

— Ну, что значит большая? У нас все просьбы нормальные, помнишь, как мне собака штаны разорвала, и как вы на лодке плавали?

— Конечно, помню, — воодушевившись сказал Анатолий, — но просьба очень необычная.

— Все просьбы нормальные, валяй.

— Ты, конечно, Олю знаешь?

— Я подруг всех своих друзей знаю.

— Гуляли мы с ней вчера по парку около школы, а там ведь всего одна лавочка и та под фонарями около самого памятника Ленину, и поговорить по душам негде.

— Так там же есть алеи и потемнее, ходи по ним и говори по душам.

— Я так и сделал, но стоя долго не поговоришь, а ей так со мной на лавочке в этой алее посидеть хотелось.

— Что-то никак не пойму что ты буровишь.

— Пообещал я ей, что в алее завтра будет лавочка, а она сказала, что если это случиться, то меня поцелует.

— Ничего себе расценки, — рассмеялся Фёдор, — но где же мы возьмем эту золотую лавочку?

— Около комунхоза внизу внизу около дамбы есть лавочка, ну кому она там нужна?

— Ну, конечно, никому, — поддержал друга Фёдор, вспоминая, что около этой самой лавочки ему пришлось общаться с верзилай, когда они с Машей в клуб шли.

— Давай сегодня ночью и перенесем ее в парк.

— Толя, идея, конечно, замечательная, но, ты знаешь, в продолжение месяца я уже дважды чуть на 15 суток не загудел. Попадусь в третий раз - пропал.

Толя смутился и опустил глаза.

— Ну, ладно, в котором часу пойдем?

Лавочка с литыми чугунными боковинами была очень тяжелой. Тем более нести ее нужно было через мост, который хорошо освещался.

— Нет, Толя, нести ее через мост нельзя, а вдруг кто-то увидит, давай нести через реку, здесь ведь она неглубокая.

— Через реку так через реку.

Подтащили лавочку к реке. Раздевшись и привязав одежду к сидению лавочки, двинулись дальше. Дно оказалось илистым и они загрузали в грязи все больше и больше. Фёдор шел первым, а река становилась все глубже и глубже. Идя задом наперед, он тщательно ощупывал дно ногами, но вдруг нога куда-то провалилась, и он упал спиной назад, лавочка всей своей тяжестью навалилась на него. И тут Анатолий проявил в буквальном смысле слова героизм. Трудно понять, как ему удалось одному, да еще стоя по плечи в воде, поднять лавочку, но, не сделай он этого, не пришлось бы писать эти воспоминания.

Так или иначе, но товарищи все-таки вытащили лавочку на другой берег, правда, тащить ее дальше сил не было. Фёдор сильно наглотался воды, да и чугунная боковина при падении сильно ударила его в грудь.

— Вот дела, — с досадой сказал Фёдор.

— Скажи спасибо, что живой, — с беспокойством ответил Анатолий.

— Что же ты скажешь Оле?

— Да так и скажу, что чуть тебя не утопил.

— Нет, это не годится, столько трудов и все впустую. Давай все-таки что-нибудь придумаем, но такое, что бы об этом вся молодежь говорила. Оле скажешь, что это ты специально для нее сделал, но это глубочайшая тайна. Женщины всякие тайны очень любят, и, как ты знаешь, очень умеют их хранить, — и Фёдор рассмеялся, — через неделю все только о тебе и говорить будут, а женщины это любят. Помнишь, как целую машину бревен мы через улицу перетаскали.

— Так о том, кто это сделал, так никто и не узнал.

— Так то ж совсем другое дело, и морду набить могли. И правильно бы сделали. Лавочка это не то, она ничья.

Идея Анатолию очень понравилась.

— Это даже лучше, чем нести лавочку в парк, тем более что мы туда ее уже и не донесем, — заключил Анатолий, — но что же мы такого интересного придумаем?

Посоветовались и сначала решили затащить лавочку на крышу клуба, но опять, взявшись за нее, поняли, что это они не осият.

— Толя, вон видишь сломанный сук на дереве. Давай зацепим лавочку за него спинкой так, чтобы на лавочке там и сидеть можно было.

Сук был на высоте около двух метров. Лавочку поставили вертикально, подняли и зцепили за сук, а затем залезли на дерево и развернули ее так, что бы на ней можно было сидеть.

— Представляешь, пригласишь сюда Олю, возьмешь ее на руки, посадишь на лавочку, и будете болтать ногами и о жизни разговаривать.

Толя был в восторге. Он представил себе, как он будет усаживать ее на лавочку, как она скажет какой он молодец, а потом и поцелует его.

— Ну, ты гений, — сказал он Фёдору.

Грязный и мокрый с головы до ног вернулся в ту ночь домой Фёдор. Проснулся он поздно и решил поехать посмотреть, что происходит около клуба.

Там уже собралось много зевак, и они активно обсуждали происходящее. Никто никак не мог понять, как и зачем лавочка оказалась на дереве. Фёдор и сам не мог понять, как такая дурацкая мысль могла прийти им в голову. В то время около дерева трудились работники комунхоза. Они тоже недоумевали, как могла такая тяжелая лавочка оказаться на дереве, да ещё в таком положении. Принесли лестницу, они пытались ее снять, но у них ничего не получалось. «И как это мы умудрились ее вчера на дерево повесить, если пятеро мужиков снять не могут, Видать все-таки адреналин большая сила».

Тем временем работники продолжали пытаться снять лавочку, наконец, кто-то из них предложил принести пилу и распилить спинку. Лавочка рухнула на землю. Затем ее отнесли на старое место, а разрезанную спинку сбили доской. В таком виде она и простояла еще много лет.

Такие события в деревне очень быстро обрастают всякими слухами и домыслами. Толя ждал, когда Оля спросит его об этом. И когда она спросила, под большим секретом рассказал ей о том, что вместе с Фёдором хотели отнести ее в школьный парк в их любимую алею, что Фёдор при этом чуть не утонул, и что только это обстоятельство не позволило донести ее до алеи.

Через неделю уже вся местная молодежь знала, чьих это рук дело, и по этому поводу многие при встрече жали руку и многозначительно улыбались, а вскоре Анатолий сообщил Фёдору, что Оля его поцеловала.

— Вот видишь, как нужно побеждать женщин, — улыбаясь, сказал Фёдор.

Трамвай

В то время и Фёдор и Галина уже давно жили в городе, они часто встречались. Но он жил в центре, а Галина на окраине, и, естественно, он всегда провожал её домой. Возвращался, конечно, поздно, обычно последним трамваем. Ехать приходилось долго, и он уже начал дремать, как вдруг услышал шум. Во втором вагоне, в котором он ехал почти никого не было, в тамбуре три парня тискали девушку, она как могла сопротивлялась. Фёдор вскочил с места. По виду это были настоящие уголовники, один из них был пострижен под нулевку, его глаза были налиты кровью, все они были пьяные. Он схватил одного из них и отбросил к двери. В то время у трамваев не было автоматических дверей и двери представляли две створки, которые практически всегда были открыты. Фёдор хорошо знал много приемов самбо, в том числе и против удара ножом, но их можно применить, когда у противника нож и ты его видишь, но в действительности все происходит не так. Он только увидел, как сверкнул нож, и в то же мгновение почувствовал сильный удар в правую руку. То, что произошло дальше трудно было предвидеть. Фёдор озверел, в бешенстве отскочил назад и почти уже падая ударил головой в челюсть стоящего у двери, тот запрокинув голову на ходу вылетел в открытую дверь. Его партнеры оторопел, один из них бросился к открытой двери но Фёдор со всей силы ударил его в пах ногой, тот скрючился и Фёдор в прыжке обоими ногами ударил его в голову. Третий бросился наутек, но Фёдор догнал его, схватил за шиворот и со всего маху ударил головой в стекло и почувствовал, как обмякает его тело. Рядом была открытая дверь, и он вышвырнул в нее бандита. Фёдор оглянулся, бандитов в вагоне не было, девушка, закрыв лицо руками, рыдала, вся его рубашка была залита кровью. Он вышел на следующей остановке, разорвал рубаху и замотал рану.

С тех пор у него на теле сохранилось два шрама, один от немецкого осколка, другой - от ножа бандита.

Идиот

Жизнь устроена так, что в ней сплошные полосы, то белая полоса, то черная и опять черная, и опять такая же. Мы уже видели, к каким последствиям приводит баловство. Но

беда заключается в том, что молодые люди слишком беззаботны и бесшабашны и часто пренебрегают порой даже очень большой опасностью, которая сопутствует их поступкам. Так было и на этот раз. Фёдор решил навестить Галину, и они договорились пойти вместе на пляж. Когда он пришел к ней, то оказалось, что она с подружкой ушла на реку и сказала, что будет его ждать там.

Он отправился на речку и обнаружил их, сидящими на берегу, около самой воды. Они его не видели. И тут он решил удивить и свою возлюбленную и ее подружку. Он разогнался и длинным настильным прыжком, пролетев над ними, прыгнул в воду. То, что прыжок был и длинным и настильным спасло ему жизнь. Но даже при таком прыжке, упавши он в воду чуть правее или левее, смертельный исход был бы обеспечен. Во время прыжка он сильно ударился об воду животом и практически не вошел в воду, а когда начал вылезать из воды, оказалось, что глубина там не более, чем по колено. Но самое страшное заключалось в том, что справа и слева от того места, куда он прыгнул, практически в нескольких сантиметрах от поверхности воды находились два острых пня. Напорись он на один из них при такой силе прыжка, от шейного позвоночника ничего бы не осталось. Фёдор по своей натуре не был трусом, но, когда он осознал, что случилось, и понял, что смерть была практически рядом, ему стало страшно. Поняли это и сидящие, в глазах Галины он прочитал ужас.

С тех пор он никогда в жизни не прыгал вниз головой в воду в незнакомых местах.

Да, если бы молодость знала, а старость могла!

Клин

Практически все молодые пары часто ссорятся, особенно если они искренне относятся друг к другу. Ссоры эти происходят по самым различным поводам, и не потому, что они не любят друг друга, а, наоборот, чаще всего потому что очень любят. Только начинают рождаться их взаимоотношения и тут сталкиваются и различие во взглядах, и в воспитании, различное отношение к событиям и людям, даже то, что одна половина мужского пола, а другая - женского, является большим противоречием. Вобщем, единство и борьба противоположностей налицо. И эта борьба, которая в начальный период становления взаимоотношений между мужчиной и женщиной достаточно острая, и рождает в конце концов и единство взглядов, и единство целей, а в конечном итоге и настоящую любовь, и семью.

Ссорились, конечно, и они, причем чаще всего по каким-нибудь пустякам. После ссоры они достаточно быстро мирились, и вперди опять синели небеса.

Мелкие ссоры обычно ведут к сближению позиций и взглядов, а вот крупные, ведущие порой к полному разрыву, испытывают любовь на прочность. И, если любовь выдерживает такие испытания, значит она крепкая, значит на всю жизнь. Если боль утраты обоюдная, и если оба при этом понимают, что жить друг без друга не могут, рождается не только настоящая любовь, но и настоящая дружба, ибо без настоящей дружбы и любви настоящей не бывает. Не ссорятся только безразличные люди, но у таких и любовь какая-то не настоящая.

Выпало такое испытание и на их долю. И виноват в этом был Фёдор. Знакомы они были уже больше двух лет и, конечно, во всех отношениях были уже очень близкими людьми, но как-то малу помалу в их отношения начал вползать червь безразличия. Фёдор слишком уверовав в свои силы, и, думая, что Галина от него никуда не денется, начал относиться к ней несколько свысока. Ей это, конечно, не нравилось, и она всячески пыталась изменить такие отношения. Но однажды он все-таки сделал роковую ошибку.

— Да куда ты денешься! — сказал он ей как-то во время очередной ссоры.

Галина ничего не ответила, повернулась и ушла. «Подумаешь, — решил он, — все равно придет».

Прошла неделя, прошла вторая - Галина не появлялась. Фёдор подождал еще неделю, но Галины не было. Что делать? Фёдор долго колебался, но, в конце концов, решил пойти первым. Галина жила на квартире на окраине города, и на улице, по которой они часто ходили вместе, их знала даже детвора.

Дома Галину Фёдор не застал, но когда шел обратно к нему подбежал мальчишка: „А к вашей тете другой дядя ходит”, — закричал он. И вот только тогда Фёдор понял, что произошло. Слова мальчишки звучали и звучали в его ушах. В ту ночь заснуть не смог.

С каждым днем состояние становилось все тяжелее и тяжелее, угнетенное состояние нарастало, по ночам снились кошмары. Нужно, необходимо было искать какой-то выход. Сколько бы Фёдор отдал за то, чтобы вернуть все обратно, чтобы его любимая Галина была с ним. Навязчивый мотив: „От луны дорожка загляни в окошко боль и муки сердца заслони” все время вертелся в голове.. Фёдор чувствовал, что начинает сходить с ума.

Кто - то тихо постучал в дверь. Мария Яковлевна подошла к двери и открыла ее. На пороге стояла Галина.

— Моя родная, как я тебя ждал, — бросился к ней Фёдор.

— Я без тебя жить не могу! — ответила она.

— Федюша, что с тобой? — тихо спросила Мария Яковлевна, — ты всю ночь кричишь и вскакиваешь.

— Сон, Мария Яковлевна, несбыточный сон.

В эту ночь ему кошмары больше не снились. Наступило какое-то просветление. Фёдор вдруг отчетливо увидел старый суковатый ствол дерева, в который были вбиты острые клинья, видимо кто-то хотел его расколоть. „Постой, постой так ведь клин выбивается только клином,“ отчетливо прозвучали слова отца. „Да, клин можно выбить только клином.“

Теплоход Советский Союз

Наступили летние каникулы, Виктор уже к этому времени стал студентом стационара.

— В профкоме есть путевки на круиз по Днепру на теплоходе „Советский Союз.“
Такой красавец, в газете „Правда“ фотография есть.

— А дорого стоит путевка?

— Да, довольно дорого, две стипендии.

— А, где же такие деньги взять?

— Заработаем!

— Пока мы заработаем, так уже точно путевки сгорят.

— Но, есть же какой-то выход?

— Есть. Нужно одолжить у Марии Яковлевны, выкупить путевки, а до отъезда заработать деньги и отдать долг.

Денег нужно было много, и заработать их, ремонтируя телевизоры, за такой короткий срок было невозможно. Вот тут-то и пригодился Фёдору опыт грузчика. Разгрузить за день вдвоем пультман цемента в 40 тонн, тем более, если цемент не в мешках, а насыпью, дело не шуточное. В вагоне света белого не видно, никакие повязки не спасают от вездесущей пыли, пыль кругом: в глазах, в ушах, в носу, во рту. Но Фёдор и Виктор были уже закаленными бойцами. Железная дисциплина, никаких фикусов, только одна цель впереди. Все эмоции по поводу Галины исчезли, и они как гладиаторы шли напролом к своей цели. Очень скоро они завоевали авторитет не только у начальства, но и среди грузчиков станции.

Напоследок перед самым расчетом, в знак благодарности за хорошую работу, им поручили разгрузку вагона с водкой. При разгрузке товаров в стеклянной таре допускается определенный процент боя, и кроме денежной оплаты они получили ящик водки.

И Виктор, и Фёдор умели и дружить, и любить, пить они тоже умели. Местные грузчики хорошо понимали, что эти два трудолюбивые парня хоть на время освободили их от каторжных работ по разгрузке пультманов с насыпным цементом. Расставание было трогательным. Выпили почти весь ящик, все клялись в вечной любви, и все вместе так и

остались ночевать в станционных бараках, так как дойти даже до трамвая для многих составляло неразрешимую проблему.

Вид ночного города над громадной рекой и сам ночной Днепр, и сказочный теплоход у причала поразили воображение ребят. Теплоход был изготовлен в Чехословакии и Фёдор, и Виктор поняли, что недаром эту страну называли европейской Америкой. Кругом чистота и блеск, все красиво и аккуратно. Даже каюты третьего класса на нижней палубе, которые соответствовали их путевкам, выглядели изумительно, хоть и не представляли отдельных номеров, а были построены по принципу плацкартного вагона. Но вот эти то каюты и были заполнены в основном такими же молодыми людьми, как и они, с таким же уровнем достатка, с такими же взглядами и с очень похожим прошлым.

Конечно, и Фёдор и Виктор привезли с собой не только вещи. Они заработали достаточно много денег для того, чтобы достойно провести время. В первый же вечер совместного проживания на теплоходе произошло братание, и весь третий класс на нижней палубе превратился в единую дружную команду, готовую к настоящему продуктивному отдыху.

Не обошлось в тот вечер и без недоразумений. Мы уже сказали, что планировка кают третьего класса была подобна планировке плацкартного вагона. Были верхние и нижние полки. Фёдору попала верхняя. Это было неудобно, так как у этой полки не было ящика для вещей. Но такой ящик был на нижней полке, где должен был спать Виктор. Вторым недостатком верхних полки оказалось то, что перегородка между двумя купе была слишком слабой и, когда на полку в соседнем купе кто-то залазил или спрыгивал с нее, партнера на другой стороне слегка подбрасывало.

К концу встречи все уже были в очень веселом настроении. Фёдор залез на полку и решил лечь спать. В это время его сосед по полке в соседнем купе тоже начал взбираться на полку, и Фёдора закачало, как на волнах. Когда сосед, в конце концов, лёг на полку, он подпрыгнул на своей. Соседа подбросило и он сделал то же самое. Тогда Фёдор подпрыгнул как можно выше. Раздался треск, петли, на которых висела полка, обломились, и он вместе с полкой рухнул на внизу лежащего Виктора. Дело кончилось легкими ушибами, но спать ему уже было негде.

Кое-как, скоротав ночь на полу около Виктора, а пьяным идти в техническую службу не хотелось, он пошел к боцману и начал возмущаться по поводу плохого качества петель. Тот заверил, что на корабле есть запасные части на все случаи жизни, но сколько не искали, необходимых запасных петель не оказалось. Видать не был готов этот замечательный теплоход к эксплуатации в советских условиях. Благо не все места в каютах третьего класса были заняты.

Теплоход медленно плыл вниз по Днепру, на несколько дней останавливаясь в каждом приднепровском городе. Но у теплохода была еще одна замечательная особенность, у него была очень мелкая посадка, и он мог пристать просто к берегу. Если это случалось, а о таком факте и времени стоянки всегда предупреждали заранее, то уже полностью подготовленное и в техническом и в ожидательном плане население теплохода вываливало на берег, расстилали скатерти, и начиналось всеобщее братание.

Во время одной из таких остановок, а перед этим теплоход проплыл мимо старинной разрушенной церкви, которая красовалась на высоком берегу, друзья, будучи уже немного навеселе, решили сходить туда на экскурсию.

Видно было, что это очень старая церковь, может даже времен запорожских казаков. Многие стены обрушились, часть пристроек рухнула. Фёдору и Виктору очень захотелось взобраться на церковь. Будь они в другом состоянии, им, наверное, хватило ума понять, что это очень опасная затея. Часть боковой кирпичной стены рухнула, а не обвалившаяся сторона почти вертикально поднималась вверх. По ней и решили наши герои взбираться наверх. Первым полез Фёдор, кирпичи обветшалой стены вываливались из под ног, и это сильно усложняло подъем. Когда он прошел примерно половину пути, подъем начал Виктор. Они оба никогда ранее не бывали на такой высоте и старались не смотреть вниз. Прыжки с парашютом ни в какое сравнение не шли со сложившейся ситуацией, когда ты в любую минуту можешь сорваться с обветшалой стены. Но, когда Фёдор достиг верхней точки, там к счастью оказалась небольшая круглая площадка. На площадке появился и Виктор, на нем тоже лица не было. Оба понимали, что положение очень серьезное и в таком состоянии спускаться вниз нельзя. Интересно, что хмель как рукой сняло.

Они уселись на площадке и начали вспоминать всякие истории.

— А помнишь, Витя, — говорил Фёдор и рассказывал какую-нибудь смешную историю из их жизни.

— А помнишь, Федя, — и далее следовал не менее смешной случай. Ребята смеялись и хохотали от души и опасность начала отступать.

— Ну, так что в путь?

— Конечно, там нас ждет фикус, расхохотался Виктор.

Фёдор начал спускаться первым, и, не поступи он так, там бы они и остались. Он понимал, что если у Виктора сдадут нервы, то, находясь внизу, он хоть как-то сможет ему помочь или подстраховать. Вслед за ним начал спуск Виктор. Фёдор старался быть почти рядом, так как камни, которые срывались из под ног Виктора, падали прямо ему на голову. Преодолели уже почти половину расстояния, когда большой камень вывалился из под ноги Виктора и сильно ударил Фёдора по плечу. И тут случилось самое страшное. Виктор смертельно испугался, ему показалось, что он вот-вот сорвется вниз, и он мертвой хваткой

схватился обеими руками за стену, ноги же беспомощно висели, не находя опоры. Фёдор понимал, что еще несколько мгновений и его друг сорвется вниз. Он лихорадочно полез вверх.

— Держись, Викторка! Я рядом, — прохрипел Фёдор, — дотягиваясь до его ноги. — Это моя рука, обопрись на неё.

Так шаг за шагом, ощупывая стену, они находил место, куда Виктор мог поставить ногу.

Долго сидели молча. Наконец Виктор сказал:

— А ты знаешь, когда я там завис на стене, мне показалось, что вся моя жизнь промелькнула перед глазами, я думал, что конец.

— Идиоты, мало нас жизнь учит, — только и сказал Фёдор.

Днепрогес

Плавание на теплоходе имело большое познавательное значение. Особенно впечатляющим был процесс прохождения теплохода через шлюзы. Громадный корабль как по мановению палочки, переходя из одной шлюзовой камеры в другую, опускался все ниже и ниже и, наконец, оказался по другую сторону плотины. Все отдыхающие высыпали на палубу и с восторгом наблюдали это незабываемое действие, когда во время уменьшения уровня воды в шлюзовой камере теплоход как на лифте опускается вниз.

Днепрогес тоже поразил всех, с одной стороны плотины до воды рукой подать и море воды, а с другой пропасть, и даже страшно, а вдруг плотина обрушится. В машинном зале станции тоже было много интересного. Оказалось, что могучие генераторы вращаются совсем не так быстро, как думал Фёдор, и в машинном зале почти нет шума, и что эти генераторы без ремонта работают десятки лет, и что в качестве подшипников в них используется обычная резина. А когда экскурсовод сказал, что силовые трансформаторы на подстанциях Днепрогеса не менялись со времени их установки и пережили оккупацию, многие засомневались. Но на трансформаторах действительно были таблички с названием фирмы и с датой выпуска. Оказалось, что изготовила трансформаторы фирма General electric. И именно здесь Фёдор воочию начал понимать, как велик и могуч человеческий разум, и ему тоже захотелось сделать что-нибудь большое и значительное, но он прекрасно понимал, что для этого нужно очень много знать.

На Никопольском трубно заводе экскурсантам показали, как делают трубы, и они с удивлением узнали, что для того, чтобы пробить первичное отверстие в болванке, из которой в последствии будут делать цельнотянутую трубу, в нее стреляют из пушки.

Снова Новая Каховка

Впереди была Новая Каховка, которая чуть не вмешалась в жизнь Фёдора самым существенным образом. Теплоход пристал к пристани чуть выше городского парка, и все отправились туда. Ранее он уже бывал здесь, когда со своими однокурсниками ездил за патефоном. Парк у такой громадной реки, что может быть прекраснее, тем бодем, в ночное время, когда с реки доносятся гудки теплоходов, а в парке звучит музыка.

Вечером все братство третьего класса отправилось в парк на танцплощадку. Весело кружились пары, вальс сменялся фокстротом, фокстрот - танго. Фёдор стал в стороне и начал наблюдать. И вдруг он увидел необычную пару, очень милая молоденькая девушка танцевала с каким-то босяком. Видно было что девушка не хочет танцевать с партнером, а тот, причем будучи гораздо старше, чуть ли не демонстративно делает замысловатые пируэты и замысловатые па. „Ну и ну! — подумал Фёдор. — Наверное местный авторитет”.

Фёдор в принципе не терпел насилия, он хорошо помнил, как ему приходилось бороться за Галину, и он решил защитить девушку. Конечно, он понимал, что местные кланы дело не шуточное, но он понимал и то, что на площадке несколько десятков жителей нижней палубы. Окончился танец. Фёдор вплотную приблизился к стоящей неподалеку необычной паре, и, как только заиграла музыка, он подошел и пригласил девушку танцевать. Она буквально бросилась к нему, а стоящий рябом авторитет, схватил девушку за талию: „Ты же милая мне обещала!” „Я тебе все обещалки поотбиваю милый,” — нагло ответил Фёдор и со всей сили толкнул его. Тот за что-то перецепился и упал. Девушка вся дрожала.

— Ты знаешь, кто это такой, тебя же убить могут.

— Так то же будет после танцев, а сейчас давайте познакомимся, — улыбаясь сказал Фёдор.

— Меня зовут Федюша, а вас?

— А меня — Элла.

Рядом с ними с какой-то девушкой танцевал Виктор, он все понимал.

— Собирай наших в том углу, — кивнул ему Фёдор.

После окончания танца он нарочито медленно шел с Эллой к указанному месту. Там уже стояло человек восемь своих ребят.

— Моя знакомая, зовут ее Элла, прошу любить и жаловать, — представил он девушку собравшимся. — Мы ее в обиду не дадим, — нарочито громко, обращаясь к ребятам, продолжал Фёдор. И ребята, он даже такой реакции не ожидал, дружно рывкнули: «Не дадим!»

— Вот видишь, какие у нас защитники, а ты боялась.

Вечер удался на славу, ребята быстро находили себе партнерш, некоторые имели их уже на корабле, и вскоре весёлая гурьба была главным действующим лицом на танцплощадке. Но он понимал, что главное еще впереди. Нужно было провожать Эллу домой.

Закончились танцы. На предложение проводить домой он получил положительный ответ, и они пошли. Фёдор никого ни о чем не просил, но прекрасно понимал, что плечо друга не подведет. Это замечательное чувство солидарности, которое с возрастом, к сожалению, притупляется, и есть юность. К счастью, все закончилось благополучно, никто Фёдора, ни когда он провожал Эллу, ни когда шел обратно, не встретил.

Элла Мятникова была ученицей десятого класса. Жила она вместе с сестрой и матерью, отец ее, военный хирург, умер два года назад от рака. Фёдор и Элла начали переписываться.

Приближались октябрьские торжества, и он решил на несколько дней съездить в Новую Каховку. Там его очень радушно приняли, правда мать сказала всем знакомым, что Фёдор двоюродный брат Эллы, но это и понятно, так как она была еще школьницей.

Это любовь

Что же происходило за все это время с Галиной. Она действительно начала встречаться с новым парнем. Но чем больше проходило времени, тем больше она начинала понимать, что любит только Фёдора. И все те ужасные муки, которые чуть не погубили его, только с некоторым запозданием, настигли и её. Наконец, она рассказала об этом своему новому знакомому. Тот долго упрашивал ее, но она была непоколебима. Не зная, удастся ли помириться с Фёдором, она все-таки решила порвать с ним.

Где-то в конце ноября на воскресенье Фёдор с Виктором приехали в Липцы. Когда уже начало темнеть, пришел Виктор, он был очень взволнован.

— Ко мне пришла Галина, она очень хочет с тобой поговорить.

— Но, ведь ты знаешь, мои отношения с Эллой, — колебался Фёдор.

— Ты веришь мне?

— Верю.

— То ведь дружба, а это любовь.

Комок подступил к горлу.

— Да ты прав, — наконец сказал Фёдор, — это любовь.

Второго декабря Фёдор и Галина поженились. У них не было ни пышной свадьбы, ни богатого приданного, хотя мать Галины, отказывая себе во всем, и постаралась сделать все возможное. Но у них было главное, они любили друг друга, и им не нужны были никакие золотые горы в обмен на это ничем неоценимое сокровище.

Год пролетел быстро, родилась дочь, и ее по настоянию Фёдора назвали Галей. Он окончил университет и получил направление на работу. Прошла юность «исчезли юные забавы, как сон, как утренний туман», начиналась тяжелая трудовая жизнь.

Конечно, Фёдор написал большое обстоятельное письмо Элле, где попытался объяснить все происшедшее, и они некоторое время еще переписывались, и Галина против этого не возражала. Наконец, он получил письмо, в котором она сообщала, что вышла замуж. На этом переписка оборвалась.

МАЛЕНЬКАЯ ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПОВЕСТЬ О БОЛЬШОЙ НАУКЕ

ЧАСТЬ II

Упорной работы соха не сносила,
Ломалась и в поле другая ходила,
Стиралось железо, тупился сошник,
И только выдерживал пахарь-мужик

И. С. Никитин

НИИЭЛЕКТРО

Работая на кафедре, возглавляемой деканом факультета, и, будучи с ним в хороших отношениях, Фёдор при распределении мог получить любое желаемое направление. Его выбор пал на научно-исследовательский институт НИИЭЛЕКТРО, расположенный на территории Харьковского электромеханического завода. Это был молодой институт, в задачи которого входило метрологического обеспечения электротехнических предприятий. Выбор был не случаен. В это время сестра Ирина, тоже окончившая радиофизический факультет, уже работала в аналогичном НИИ в Краматорске и ей работа нравилась, это и сыграло решающую роль в выборе будущего места работы. Декан, узнав о таком выборе, очень удивился, но когда Фёдор объяснил ему причины такого выбора, только пожал плечами.

Когда Фёдор явился на работу, ему там очень обрадовались. Молодого специалиста такого профиля институт ждал уже несколько лет, так как специальность радиофизика и электроника в то время была очень дефицитной. Он с усердием взялся за дело, и уже через два месяца сделал прибор для исследования переходных процессов на щётках электрогенераторов.

У Фёдора был такой характер, что если ему человек нравился, то он всегда быстро находил с ним общий язык, при этом достаточно быстро устанавливались и дружеские отношения. Так он подружился с Сеней Дворником, и очень скоро они стали друзьями. Это был очень порядочный, доброжелательный и интеллигентный человек.

В то время в стране проводилась дискриминационная политика по отношению к

евреям. Были целые отрасли, особенно касающиеся оборонных вопросов, куда, будучи евреем, попасть было практически невозможно. Поэтому на радиофаке никто не стеснялся рассказывать анекдоты на еврейские темы, и все их воспринимали как должное. Эту привычку унаследовал и Фёдор, её он перенес и на новый коллектив. Сеня при этом всегда дружелюбно улыбался, но большинство слушателей воспринимали их без особого энтузиазма. Как-то, после очередного анекдота, Сеня отозвал его в сторону и добродушно сказал: «Фёдор, у тебя могут быть неприятности, ведь здесь очень много евреев».

— Ты знаешь, Сеня, я никогда не был антисемитом и вообще считаю, что дискриминация людей по национальному признаку это преступление, но я учился на факультете, где евреев просто не было, поэтому и распознавать их не умею. Не вина этих людей, что они евреи, политика государства преступна. Если бы я знал, что их здесь много, то, конечно, никогда бы этого не допустил.

Впоследствии Фёдор узнал, что Сеня тоже еврей. Что он мог поделать в такой ситуации. И уже после ухода из НИИ они еще длительное время дружил с этим хорошим парнем, но чувство вины перед ним так и осталось на всю жизнь.

Многие задаются вопросом, что же развалило Советский Союз. Есть различные версии и предположения. Но сейчас, имея уже достаточный жизненный опыт, Фёдор с уверенностью может сказать, что развалил Союз именно национализм. Оставь большевики Россию губернской, и не создай национальные анклавов, не развалилось бы это могучее государство, а был бы эволюционный путь, подобный китайскому, и были бы мы сейчас впереди планеты всей. Пока национальные анклавов были связаны колючей проволокой диктатуры, все это как-то держалось вместе, но чуть Горбачев попустил, развалилось все, как картонный домик. А кому от этого польза, народу? Ведь не даром умная Европа объединяется, а мы наоборот, и в угоду кому? Конечно, каждый удельный князь хочет быть удельным и делать со своими вассалами, что ему заблагорассудится. Нет, несомненно, национализм, а тем более шовинизм, это чума и не только нашего века. Но это чуму Запад ох как ловко использует, организуя различные цветные революции под прикрытием демократии. И лучшим примером «демократических» устремлений этого самого «демократического» Запада явилась Югославия, когда многонациональное государство разбомбили и разодрали буквально на куски опять же под прикрытием демократических лозунгов. А Ирак, а Ливия, а Египет, а Сирия..., теперь очередь и до Украины дошла.

Жить в коллективе, где тебя не любят, даже если хорошо работаешь, очень трудно. И тучи начали сгущаться. На работу должно ходить хотеться, а если идешь туда и думаешь, как бы скорей уйти домой, то это уже не работа. Очень скоро Фёдор начал понимать, что работать ему здесь не придется, но и уйти он тоже не мог. Молодой специалист, поступив на работу по направлению, пользовался целым рядом льгот, но и уйти по собственному

желанию не мог, а должен был отработать на этом месте три года. Что было делать? И тут Фёдор вспомнил о своем туберкулезе. Расчет был простой: «Полежу пару месяцев в тубинституте, а вернусь и уволюсь по состоянию здоровья». Так он и сделал, но, вернувшись на работу и подав заявление об увольнении, понял, что его никто отпускать не собирается. Наоборот, его вызвали в профком и сказали, что специально для него добились хорошей путевки, и что администрация согласна отпустить его в отпуск даже раньше положенного срока. Что было делать? Брать путевку и ехать отдыхать? Нет, он не мог так поступить. «Я все равно буду уходить», — сказал он в отделе кадров. «Но как?» — спросила инспектор. «Ведь мы по закону не имеем права вас уволить, так как вы молодой специалист». Тогда Фёдор решил вообще на работу не ходить, в расчете на то, что его уволят за прогулы.

— Что ты делаешь? — сказал ему отец, — ведь еще совсем недавно за прогулы судили, а, тем более, за самовольный уход с работы. Но Фёдор был непреклонен.

— Все равно я там работать не хочу.

— Ты знаешь, в какой стране живешь, испачкают биографию, до конца дней не отмоешься.

— То было при Сталине, а сейчас Хрущев.

— Ох, сын, сын! Хрен редьки не слаще.

— Все равно не пойду.

Отец прекрасно понимал, что если Фёдор уперся, то переубедить его практически невозможно. Но он, зная повадки системы, прекрасно понимал, чем это грозит.

Месяц спустя Фёдор пошел в НИИ.

— Мы уже по поводу вас направили запрос в областной отдел по распределению молодых специалистов, вам следует поехать туда, — сказали ему в отделе кадров.

В областном отделе его подробно спросили об обстоятельствах прогулов. Но могли Фёдор сказать правду об истинных причинах такого поступка? В конце концов, ему сказали, чтобы он подыскал новое место работы, и что его туда направят как молодого специалиста по переводу. Но, уже ощутив на себе, как трудно уходить с работы, будучи молодым специалистом, он от этого предложения отказался. Инспектор задумался.

— Ладно, поскольку у вас проблемы со здоровьем, я напишу письмо в НИИ, чтобы вас уволили по собственному желанию, но только в этом случае вы потеряете все права молодого специалиста.

— А какие это права?

— Наиболее важным из них является возможность внеочередного получения жилья.

— Нет, не хочу!

— Ну, как знаете!

До самого последнего момента...

Нельзя сказать, чтобы тот месяц, когда Фёдор не ходил на работу, он сидел сложа руки. Он уже был квалифицированным специалистом по ремонту телевизоров и начал сам собирать их на продажу. В Липцах его считали телевизионным мастером высокой квалификации, и заказчики понимали, что купи у него даже телевизор ручной сборки, он будет всегда обеспечен квалифицированным ремонтом. Конечно, он мог безбедно жить, ремонтируя телевизоры, но это было не для Фёдора, и он начал искать работу. И тогда стало понятно, что отказ от прав молодого специалиста, был роковой ошибкой. Его не прописывали в городе, а без прописки нигде не брали на работу. Оставалось только одно, вернуться на прежнее место и восстановить права молодого специалиста. Но не такой был у Фёдора характер. Конечно, он мог прописаться в Липцах у родителей, но это означало навсегда потерять возможность работы по специальности. Он продолжал и продолжал искать работу. «До самого последнего момента не считай положение потерянным» звучали слова отца. Сколько раз в жизни эти слова уже помогли.

Однажды, проходя мимо Харьковской консерватории, он увидел вывеску, на небольшой табличке было написано «Физико-технический институт низких температур АН УССР». На третьем этаже была такая же вывеска, он постучал. Дверь никто не открывал, он постучал сильнее. Дверь отворилась, на пороге стоял приветливый молодой человек и вопросительно смотрел на него.

— Вы к кому?

Фёдор смутился.

— Да вот я вашу вывеску прочитал, хочу на работу устроиться.

— Ну, это в отдел кадров, — и он провел его в маленькую комнату, там сидел всего лишь один человек.

— Это к вам, Владимир Васильевич, — также приветливо сказал молодой человек.

— По какому вопросу к нам?

— Да, вот, хочу на работу устроиться.

— Это похвально, но я должен знать кто вы и откуда.

Фёдор начал рассказывать, и чем больше они говорили, тем больше он проникался доверием к этому худощавому уже немолодому приветливому человеку. Начальник отдела кадров рассказал ему, что институт лишь недавно создан и что у него большое будущее. Но когда Фёдор сказал, что он уже не молодой специалист и что у него нет прописки, собеседник нахмурился.

— Это вопрос непростой, мне нужно поговорить с директором, зайдите через пару дней.

Фёдор подумал, что это вежливая отговорка, но все же через два дня пришел

опять.

— Мы вас можем взять на работу, — услышал он неожиданный ответ.

— Заполняйте анкеты. Вы будете направлены в отдел, который занимается ультразвуковыми исследованиями при низких температурах.

Фёдору уже совершенно все равно было, где и чем заниматься в этом институте. Ему хотелось работать, и он почувствовал, что где-то вдали заблестел огонек надежды.

Новый начальник

Когда Фёдор принес анкеты, руководителя отдела, куда его направляли на работу, не было. Начальник отдела кадров опять попросил его прийти на следующий день. «Вежливый отказ», — с грустью подумал он. Вместе они вышли за дверь. В это время по лестнице навстречу поднимался молодой человек. На вид ему было лет тридцать.

— Игорь, тебе нужен радиофизик? — спросил начальник отдела кадров.

Так Фёдор познакомился со своим новым начальником. Он ехал как раз в лабораторию, и они поехали вместе. По дороге Игорь Михайлович Дмитриенко, так его звали, рассказал о том, чем занимается и какие задачи решает его лаборатория, и Фёдору этот рассказ очень понравился. Но вот сам будущий начальник, в отличие от начальника отдела кадров, понравился не очень. Чувствовалось в нем какое-то высокомерие, но Фёдору было не до того, чтобы оценивать все за и против в сложившейся ситуации.

Молодой институт только начинал строиться, своих помещений не имел и поэтому арендовал их в различных частях города. Лаборатория криогенной электроники располагалась в подвальном помещении жилого дома на Павловом поле и состояла всего из двух комнат: одну комнату занимала мастерская, в другой комнате работали инженеры.

Каково же было удивление Фёдора, когда среди них он увидел сразу четырех своих однокурсников, пятым был тоже выпускник радиофака, но закончил он университет на два года раньше, звали его Виталий Михайлович Дмитриев. Он и руководил группой, которая состояла из однокурсников Жени Христенко, Юры Бородавко, Юры Чурилова и уже известного нам Игоря Янсона. В эту группу и был зачислен Фёдор, встретили его как старого друга, и он понял, что попал к своим.

Фёдору представилась еще одна возможность увидеть, как велика роль случая в жизни человека. Не уйди он из этого злополучного НИИ, не увидь он эту табличку на консерватории, наконец, будь на месте тот начальник отдела, куда его первоначально определили, не был бы он сейчас среди своих друзей. Наконец, не встретить он тогда на мосту Галину! Правду говорят, что в жизни нужно уметь оказаться в нужном месте в нужный

момент, да еще с полными карманами денег. Мы, конечно, шутим. Денег у Фёдора тогда было очень мало, он был простым советским инженером с окладом всего в девяносто рублей в месяц. По тем временам это была очень низкая зарплата.

Нет, в жизни нет места провидению, и сам человек себе и господин и хозяин, но, что не говори, какое-то провидение: то злое, то коварное, то даже жестокое, но, все равно, в сухом остатке доброе, как ему уже неоднократно приходилось убеждаться, вело Фёдора по жизни.

Что касается работы, то жизнь входила в нормальное русло, работа ему нравилась. Но в семейной жизни были громадные проблемы. Квартиру для семьи в городе найти было очень трудно, тем более в паспортах и у него и у Галины не было постоянной прописки. Галина с дочерью жила в Липцах у его родителей, а он жил у Марии Яковлевны без прописки. Выходной день был только в воскресенье, и он, не взирая ни на какую погоду, всегда в этот день приезжал домой. Случалось, что в связи с бездорожьем грузовые такси не ходили, и тогда он садился на автобус, который следовал по белгородской трассе, проходившей в двенадцати километрах от Липец, а дальше уже пешком по бездорожью добирался домой. Но как светились глаза Галины, когда он грязный и усталый появлялся на пороге дома.

Когда родилась дочь Галя, а родилась она в родильном отделении липецкой больницы, ни Фёдор, ни Галина не знали, что резус фактор у них разный, и это представляет большую опасность для будущего ребенка. Но, несмотря на это обстоятельство, девочка хорошо развивалась, и каких-либо нежелательных симптомов у нее не наблюдалось. Однако, обычно перед сном, она почему-то начинала плакать, единственным, кто мог ее при этом убаюкать, был дедушка. Он брал ее на руки, ходил по комнате и пел песенку: «Гулежан, гулежан по зелёной травка, мы торгуем баклажан, свой имеем лавка». Почему Зайчику, а так ее называли дома, так нравился этот гулежан никто не знал, но уже через пять-десять минут она крепко засыпал.

Дом всегда есть дом, и Фёдору никак не хотелось возвращаться обратно, но пролетало воскресенье, и нужно было уезжать. Единственным преимуществом такого положения дел было то, что он мог практически круглые сутки находиться на работе. И он работал, работал и работал.

Выехать из Липец рано утром в понедельник, да еще так, чтобы не опоздать к восьми часам на работу, представляло громадную трудность. Народу скапливалось видимо невидимо, и все хотели попасть на первую машину, которая приходила из города. Грузовое такси брали штурмом, и Фёдор все-таки умудрялся сесть на первый рейс. Галина всегда провожала его на этот штурм. Однажды такси пришло с большим опозданием, и народу собралось большое множество. Когда начался штурм, он не смог взобраться в будку такси,

пробиться сквозь толпу мешал рюкзак. Фёдор только успел схватиться одной рукой за поручень открытой двери. Машина тронулась и выдернула его из толпы желающих. Скорость нарастала, а он все волочился и волочился за машиной. Ценой громадных усилий он все-таки схватился за поручень второй рукой и, наконец, стал на ступеньку откидной лестницы. Оглянувшись, он увидел Галину, она стояла, закрыв лицо руками, и плакала.

В тот день Фёдор на работу опоздал. Когда он вошел в лабораторию, его встретил недовольный Дмитренко.

— Вы сегодня почти на час опоздали, — сказал он холодно, — пишите Объяснительную записку. Фёдор возражать не стал и взял лист бумаги. Указав дату, он коротко написал: «Опоздал по семейным обстоятельствам». С тех пор и началась личная неприязнь между ними, которая и сохранилась на многие годы.

Точечные лампочки

Кроме группы, в которую входили выпускники радиофака, в лаборатории была ещё одна группа, которая вела хоздоговорную тему по созданию широкополосного термометра. Сроки были уже на исходе, а работа еще была далека от завершения. Тематика отдела часто обсуждалась на семинарах, и Фёдор неоднократно критиковал выбранное направление работ. Его замечания сводилась к тому, что усилители постоянного тока, которые использовались в приборе, имеют большой дрейф нуля-пункта, и этот дрейф может давать значительные погрешности при измерении температуры. Так оно в конечном итоге и получилось. Провал был неизбежен, и однажды на очередном семинаре, когда он уже в который раз усомнился в правильности подхода, Дмитренко не без ехидства вдруг сказал:

— Менде часто критиковал и до этого этот метод измерения. Может быть, он знает лучший и возьмется выручить отдел?

Да, это был удар ниже пояса, до окончания договора оставалось два месяца, в то время как на весь договор было выделено два года. Фёдор колебался.

— Ну, так что, Менде, вы же смелый человек?

Это было уже слишком. Ответ был короткий.

— Я согласен!

Предстояла схватка не на жизнь, а на смерть, схватка со временем. Нужно было, во что бы то ни стало, обогнать его. И Фёдор начал схватку. Он умел работать и верил в то, что победит, но в данный вопрос вмешался одно непредвиденное обстоятельство, которое чуть не заставило его уйти из лаборатории.

Дмитренко для каких-то целей приобрел точечные лампочки. Но в один прекрасный момент перед самым Новым годом, практически после известного семинара, он

обнаружил, что лампочки со склада исчезли. Причем на складе перед этим был Фёдор. Дмитренко вызвал его:

— Вы взяли со склада точечные лампочки, если не хотите скандала, положите их на место.

— Лампочки я не брал, поэтому и класть мне на место нечего, — последовал короткий ответ.

На следующий день об инциденте знали уже все сотрудники лаборатории. Выход был только один, или найти вора, или уйти с работы. Но он даже предположить не мог, кто их мог взять, а, тем более, и речи быть не могло, чтобы их найти. И здесь сработал принцип „Не имей сто рублей, а имей сто друзей”. Он всегда дружил с механиками, сам часто работал на станках, и всегда с уважением относился к их работе. Среди них был один прощальга по фамилии Поготовко. У Фёдора по поводу этого механика как раз и были подозрения, но доказать он ничего не мог.

Все это происходило в канун Нового года. К нему подошел Володя Коршенко, с ним Фёдор особенно дружил:

— Не беспокойся, мы тебя выручим.

— Но как?

— Это пока военная тайна.

Оказывается, украл лампочки этот самый механик, сделал из них гирлянду и повесил на елку. Несколько механиков во главе с Володей явились к нему домой вечером 31-го числа и забрали гирлянду.

Когда после Нового года Дмитренко появился на работе, а на работу он всегда приходил с опозданием, у него на столе лежала гирлянда из точечных лампочек, рядом лежала записка. В ней было написано: „Лампочки украл не Фёдор, мы знаем, кто это сделал. С уважением. Ваши сотрудники”.

Все с нетерпением ждали прихода шефа, всем хотелось посмотреть на его реакцию. Наличие на столе лампочек его озадачило, он несколько раз внимательно прочел записку. Потом сложил гирлянду в портфель и ушел.

— Я бы на его месте хоть извинился, — заметил Володя.

— Не приучен он в таких случаях извиняться, — съязвил кто-то из механиков.

В конце февраля Фёдор подошел к Дмитренко.

— Я свое обещание выполнил, тема готова к сдаче.

Директор института

Институт строился быстрыми темпами, его строили заключенные, и часть сотрудников в готовых корпусах работала тоже в зоне. Чтобы попасть на работу, нужно было пройти КПП. Та же часть сотрудников, которая работала в арендуемых в городе помещениях, тоже имела отметки в пропусках и могла при необходимости попасть в зону. У Фёдора в пропуске тоже была соответствующая отметка. За все время работы ему не приходилось встречаться с директором института, но по наслышке он знал, что это человек крутого нрава.

Когда однажды Фёдор пришел на работу, Дмитренко попросил его сходить в криогенный корпус и взять там какую-то инструкцию. Это было интересно, так как он никогда не видел, как получают жидкие газы, а такое оборудование там уже работало. Пройдя через КПП, он решил сначала выполнить поручение, а потом уже сходить на экскурсию в криогенный корпус.

В комнате, где он должен был её получить, было несколько человек. Грузный мужчина со смуглым крупным лицом распекал сразу двоих человек за то, что они не выполнили какое-то его поручение. Фёдор стал в сторонку и начал ждать. Не обращая никакого внимания на него, грузный мужчина продолжал довольно грубо вычитывать подчинённых. Длилось это минут десять. Наконец он закончил и обратился к нему:

— А вы чего сюда явились? — грубо спросил он.

Фёдор начал объяснять, зачем пришел, но тот не дослушав обратился к стоящему рядом:

— Выведите этого бездельника из зоны и заберите пропуск. В рабочее время нужно работать, а не шляться по городу.

— Кто это? — спросил у сопровождающего Фёдор, когда тот вел его на КПП.

— Это наш директор Борис Иеремиевич Веркин, — улыбаясь ответил тот.

— Опять вожжа под хвост попала, — грубо сказал Дмитренко, когда Фёдор рассказал ему о случившемся. — У него это бывает. Завтра я ваш пропуск привезу.

Опять вместе

В один из очередных его приездов в Липцы Г алина сказала, что не хочет больше сидеть дома, а поедет с ним в город.

— Но, где мы там жить будем?

— Спала же я иногда на сундучке у Марии Яковлевны, попросим ее, посплю еще.

— А как быть с дочкой?

— Я с мамой договорилась, она её будет нянчить пока квартиру не найдем. Да и работу мне пора искать.

Фёдор понимал, что спорить с ней бесполезно, да ему и самому хотелось, чтобы жена была рядом. На том и порешили. Вскоре и с квартирой появился просвет. Муж подруги дал адрес знакомой, которая сдавала жилье в наём. Татьяна, а так звали хозяйку, оказалась добродушной и приветливой женщиной, работала она кондуктором трамвая. На вопрос, сможет ли она прописать их в своем доме, она на удивление сказала, что попробует.

Так Фёдор и Галина начали совместную жизнь в Харькове. Жилье, которое они занимали, состояло из небольшой комнатки, в которой помещались кровать и столик. Рядом была комната хозяев, которая по своим размерам примерно в два раза была больше их комнаты. Дверей между комнатами не было, а висела занавеска. Была еще одна комната с отдельным входом. Её снимала проститутка, к которой постоянно ходили курсанты из военной академии. Гражданского мужа Татьяны звали Евбасар, он был узбеком, и приехал в Харьков на заработки и был значительно моложе её. Евбасара все называли Юрой. Он работал грузчиком на железнодорожной станции, на той самой, где когда-то зарабатывали деньги на круиз Фёдор и Виктор. Юра часто приходил домой выпивши и нередко случалось, что они с Татьяной начинали драться. Тогда Галина хватала и держала Юру, а Фёдор - Татьяну. Но, несмотря на эти мелочи, жили в квартире все дружно.

У Юры и Татьяны не было детей, но им обоим очень хотелось их иметь. Каждый новый месяц начинался с разговоров Татьяны о том, что она забеременела, но проходило время, оказывалось, что это не так, и разговоры возобновлялись. Таня была добрым, но немного подозрительным человеком. В то время хороший приемник представлял большую ценность, у них он был, но его никогда не включали, скорее он выполнял символические, а не потребительские функции. Конечно, ни Фёдор, ни, тем более, Галина приемник тоже никогда не включали. Но разговоры по поводу приемника происходили почти каждый месяц, и велись они всегда практически по одному сценарию. Обычно, когда Фёдора дома не было, Татьяна спрашивала у Галины:

— І яка це блядь приємник крутила? Я не крутила, Юрщ вш теж до сраки.

— Ну, раз ты не крутила и Юра не крутил, значит это или я, или Фёдор.

— Ні, я не кажу шо це ти, 4і вш, ну якась блядь приемник крутила.

Сначала после таких разговоров Галина сильно расстраивалась, но потом, как и к разговорам о беременности, просто привыкла.

По своей натуре хозяева были очень добродушными и добрыми людьми. Видя, как плохо живут и Фёдор и Галина, они часто приглашали их поужинать вместе, при этом Юра

доставал бутылку и жизнь становилась прекрасной.

Оглядываясь назад, Фёдор до сих пор не может понять, как можно было жить вдвоем на 90 рублей, отдавая при этом 30 рублей за квартиру. Мяса не покупали никогда, если случалось купить банку сметаны к постному борщу, это был уже праздник. Одежды не было, Галина даже зимой ходила в резиновых сапогах, летние изношенные туфли Фёдор не снимал ни летом, ни зимой и со страхом думал, что они когда-то порвутся. И самое страшное, впереди никакой перспективы: зарплата уже второй год 90 рублей, отношения с начальником плохие и нет никаких перспектив на их улучшение, прописки нет, а значит и никаких надежд на получение квартиры в обозримом будущем. Как они с Галиной мечтали, что когда-то смогут вволю есть, что они будут хорошо и красиво одеваться, что у них будет своя уютная и теплая квартира, в которой они все вместе будут жить. Нет, это были мечты, под которыми не было никакой почвы, но когда они об этом мечтали, им становилось хоть чуточку легче. Знал ли Фёдор тогда, мог ли предположить, что уже через четыре года он будет начальником одного из самых крупных отделов института, который будет потрясать всех своими успехами. Нет, конечно, он этого не знал, единственно, что он делал, он боролся, как в ту ночь, когда плыл по ночному ледоходу на станцию за сестрой. Мог ли он предположить, что уже через год у него будет своя собственная квартира. Да, такое могло присниться только в несбыточном сне.

Сверхпроводящий ускоритель

Когда Фёдор пришел на работу, руководитель группы Виталий сказал, что их вызывают к директору. Все ломали голову, к чему бы это. К тому времени уже был построен главный лабораторный корпус, оснащенный по последнему слову техники. Лаборатория Дмитренко, преобразованная в отдел, переехала в просторные помещения нового корпуса. Ни у кого уже не возникало сомнения, для каких целей и для решения каких задач строится этот современный институт. Но административный корпус со всеми необходимыми службами, с громадным конференцзалом только строился. Кабинет директора находился на пятом этаже лабораторного корпуса в небольшой комнате.

В назначенное время группа явилась к директору, там было полно народа, и обсуждались вопросы дальнейшего строительства. Когда ребята вошли в кабинет, директор с ними поздоровался и усадил на диван, который стоял у стены перед его столом. Еще немного посоветовавшись, он сказал всем, что у него важный разговор, и выпроводил присутствующих. Все ждали, что будет дальше.

Начал директор издалека. Разговор длился почти час. Мы не будем передавать его содержание в подробностях, но суть предложения директора сводилась к тому, чтобы

создать ускоритель электронов со сверхпроводящей ускоряющей структурой. Конечно, колоссальные преимущества такого ускорителя очевидны даже мало посвященному специалисту. Ведь основные потери энергии всегда имеют место в высокочастотной ускоряющей структуре, причем это очень большие потери, и в связи с этим коэффициент полезного действия ускорителя составляет очень малые доли процента. В ускоряющей структуре, выполненной из сверхпроводника, потери снижаются в десятки тысяч раз, отсюда и все выгоды. Да, директор умел убеждать. В заключение он сказал:

— Ребята, решите проблему, Нобелевская премия вам обеспечена. Воодушевленными вышли из кабинета директора друзья.

Конечно, сейчас, будучи крупным специалистом в области физики низких температур и криогенной техники, Фёдор с полной уверенностью может сказать, что то была величайшая авантюра. Громадные научные коллективы работали в последующем над этой заманчивой проблемой не один год. Но кто мог знать об этом тогда, кто мог знать, что проблема столь же трудна, сколь и заманчива. Да, не попробовать тогда решить её, как говориться с маху, было бы просо преступлением, и, директор, который часто смотрел далеко вперед, был прав. Самое главное заключалось в том, что он сумел воодушевить ребят и зажечь в них желание победить. Без такого энтузиазма невозможны великие дела. Стоит себе только представить, а вдруг бы получилось.

Итак, секундомер был запущен и время пошло. В тот же день распределили обязанности, Фёдору, как всегда, досталось самое сложное: криостат с ускоряющей структурой и электронная пушка. Кроме этого необходимо было запустить источник питания на 200 киловольт, магнетронный генератор и анализатор энергии ускоренного пучка. Этот участок работ выполняли Женя Христенко и Юра Чурилов. За расчет ускоряющей системы взялся Юра Бородавко.

Можно себе представить, что все это означало, ведь не было даже аргонодуговой сварки, и криостат просто паяли, не было и гелиевого течеискателя, и течи искали при помощи мыльного раствора.

Но не только группа Дмитриева штурмовала неприступные крепости, рядом тоже трудились не менее трудолюбивые выпускники университета. Особенно среди них выделялся Игорь Янсон, он вместе со своим помощником Володей Свистуновым трудился над обнаружением нестационарного эффекта Джозефсона. Это новое явление никак не поддавалось экспериментальному обнаружению, и трудности здесь были очень большие. Но, в конце концов, им удалось это сделать. Все понимали, что это очень значительное событие в физике, понимал это и Дмитренко. Но к нему Янсон относился примерно так, как и Фёдор, и когда дело дошло до публикации, никак не хотел его включать в соавторы. Все видели, как и шеф и Янсон отсчитывают шаги по коридору и что-то обсуждают, все

понимали, о чем идет речь. В конце концов, Янсон все-таки уступил, но включил его в соавторы на унижительных условиях не в алфавитном порядке, а последним вслед за Свистуновым. Но это в будущем никакого значения не имело, так как, благодаря своей пронырливости при наличии такой публикации, Дмитренко и член-корреспондентом и академиком стал гораздо раньше, чем первооткрыватели этого эффекта.

Все в отделе понимали, что шеф, по меньшей мере, дилетант во всех вопросах, которыми занимается отдел и что он умеет только пускать пыль в глаза, но подделать ничего не могли и скрепя сердце включали соавтором в свои работы. И вот этот-то порочный круг и решил разорвать Фёдор. Но кто он тогда был? Обычный инженер, который за все время работы ни разу не повышался ни в должности, ни в окладе!

Шли один за другим каторжные дни. Криостат не держал вакуум, и его приходилось десятки раз перепаяивать. Но пайка нержавеющей стали при помощи горелки, это трудное и опасное дело, пайка ведется в присутствии кипящей ортофосфорной кислоты, пары которой обжигают и бронхи, и легкие. Чуть перегрел поверхность и припой уже не ложиться, нужно все снова зачищать и перепаяивать, и так десятки раз. У Фёдора и до этого была сильная аллергия, а она, как известно, часто является предвестником астмы, а тут еще ортофосфорная кислота. По ночам он страшно кашлял, начиналась астма. Утром он с трудом откашливался, в груди жгло. Изнурительная работа и постоянное недоедание делали свое дело.

Институт рос как на дрожжах, одновременно рядом с институтом строились и жилые дома, но чтобы стать на жилищную очередь нужна была прописка. Фёдор несколько раз напоминал Татьяне о договоренности по поводу прописки, но та отнекивалась. Но однажды, когда он пришел с работы, Татьяна сказала, что в милиции вышел на работу ее знакомый, и она может попробовать их прописать. Каково же было его удивление, когда через несколько дней Татьяна отдала ему паспорта и там стояли штампы о постоянной прописке. Нет, есть все-таки провидение!

От бутылки вина, не болит голова!

Зайдя однажды в мастерскую, Фёдор стал невольным свидетелем спора. Володя Коршенко утверждал, что никто из присутствующих не удержит в течение 20-ти минут на вытянутой руке плоскогубцы, и что он готов по этому поводу держать пари на бутылку спирта. Многие утверждали, что удержат, но заключать пари боялись. „Почему бы не выиграть бутылку?“ — подумал Фёдор, зная что руки то у него всегда были сильные.

— Можно мне попробовать? — сказал он, беря плоскогубцы в правую руку.

Прошло пять минут, но усталости в руке не было. Прошло десять минут и он начал

чувствовать, что плоскогубцы становятся все тяжелее и тяжелее, жизнь впроголодь и каторжная работа сделали своё дело. К пятнадцатой минуте ему уже казалось, что в руке у него не плоскогубцы, а пудовая гиря, а на восемнадцатой минуте никакие силы не могли уже удержать руку на весу.

— Ну ты даешь, — с восхищением сказал Володя, — я думал ты и десяти минут не продержишь. Конечно, здорово, но все равно ты проиграл, гони бутылку.

Фёдор очутился в дурацкой ситуации, ведь бутылки спирта у него не было. Он извинился, сказал, что бутылки у него сейчас нет, но что долг он непременно отдаст. Единственно непонятно было, где взять эту злополучную бутылку. Спирт отдел получал, хранился он у шефа.

Но случай не заставил себя ждать. Уже спаян был криостат, и Фёдор приступил к изготовлению электронной пушки. Но была одна проблема, которую никто не знал, как решить. Во избежание пробоя, а катод пушки находилась под напряжением в 200 киловольт, он размещался в толстостенном керамическом изоляторе. Но в самом изоляторе отверстие было малого диаметра, и высоковольтный кабель в него не влазил. Нужно было расточить отверстие, но за это механики не брались, говоря, что расточить отверстие в керамике невозможно.

Придя в мастерскую, Фёдор заявил, что берется расточить отверстие за бутылку спирта. Володи в это время в мастерской не было. Никто из присутствующих в это не поверил, но ради хохмы пошли и сказали шефу, что, мол, Менде берется расточить изолятор но требует за это бутылку спирта.. Тот тоже не поверил, что это возможно, и сказал: „Раз берется, пускай точит, за бутылкой дело не станет”. Фёдор понял, что крючок все проглотили. Задача решалась элементарно, только до этого никто не додумался. Он взял медный стержень, зажал его в токарный станок, нанес на него растворенный в масле абразивный порошок и одел на стержень изолятор. Держа изолятор в руках, он на небольших оборотах просто прижимал его к стержню и медленно вращал. Через час отверстие было готово.

— Ну что, ребята, гоните бутылку, — сказал он, снимая изолятор со стержня.

В конце рабочего дня Фёдор подошел к Володе.

— Говорят, долг платежом красен, — сказал он, вынимая бутылку из кармана.

— Так давай и твою и мою победу отметим, говорят, шеф наших механиков мудаками обозвал, да еще и обматерил вдобавок, так ему было бутылку отдавать жалко.

Не учел только Фёдор, что форма у него уже не та, что была в студенческие годы, ведь бутылка спирта это две с половиной бутылки водки. Он не помнил, как добрался домой. Запомнилось ему только то, что когда лег на кровать и оттуда упал на пол, то Г алина спряталась за кровать и оттуда выглядывает.

Сторожевой пёс

Работы над ускорителем шли с переменным успехом. Все работали не покладая рук. Фёдор жил далеко от института и часто даже ночевать домой не ездил, так и оставался спать около установки. Галина, как могла, поддерживала его. Наступало лето, дочку забрали у бабушки, в семействе сильно добавилось хлопот. И постирать, и сварить, и с ребенком погулять - все эти заботы легли на плечи Галины, тем более, что не было элементарных бытовых условий, даже холодильника не было. Фёдора она видела только утром, в воскресенье он тоже работал.

Дочурка был очень непоседливым ребенком, и заботливая мама много тратила времени, чтобы хоть как-то держать ее в поле зрения. Вечно она делала какую-то шкоду, то крупу рассыплет, то ведро перевернет, то к собаке лезет. Этого Галина особенно боялась, так как около своей будки всегда сидел громадный злющий пес, который признавал только свою хозяйку.

И вот однажды, когда Фёдор уже собрался на работу, вдруг обнаружилось, что исчезла дочь, сначала он этому значения не придавал, но, видя большое беспокойство Галины, решил помочь ее искать. Обыскали все, перевернули все вверх дном - ребенка нигде нет. Отчаяние было написано на лице и Галины, и Фёдора, когда вернулась с ночной смены Татьяна. Все вместе продолжили поиск. Безрезультатно.

Галина рыдала. И тут Татьяну осенило:

— А може вона у собачш будц?

Пес в это время сидел около будки и спокойно наблюдал за происходящим. Татьяна подошла к нему, но он начал на неё рычать. И только тогда, когда она принесла ему еду, он неохотно отошел от будки. В будке спокойно сидела Галя младшая и играла куклой.

Есть пучок!

Наступил самый ответственный этап сборки и настройки ускорителя. В связи с сильным рентгеновским излучением все элементы, через которые проходил электронный пучок, были закрыты свинцовой обшивкой, но даже в этих условиях при включенном пучке непосредственно около ускорителя за несколько часов на персональных дозиметрах набегала почти суточная доза.

Все с нетерпением ждали момента запуска. Но протянуть пучок через ускоряющую

структуру и все соединительные трансмиссии, попасть в изогнутый канал анализатора и зарегистрировать его на выходе - дело чрезвычайной сложности. Шли дни, а пучок на выходе анализатора не появлялся. Все с надеждой смотрели на Фёдора.

На практике юстировка происходила следующим образом. Нужно было выключить ускоритель, снять всю свинцовую защиту и покрутить один из котировочных винтов. Затем опять снова одеть защиту, включить все системы ускорителя, дождаться пока все они выйдут на режим и только после этого включить пучок. Если на выходе анализатора пучка нет, то все нужно повторять сначала. Фёдор понимал, что на эту процедуру могли уйти месяцы. Практически при круглосуточной работе он успевал за день сделать всего несколько циклов, но пучок не появлялся. Прошла неделя - пучка не было.

Было уже за полночь, утомленный Фёдор сел на стул и задумался. Он вспоминал свою жизнь, все те горечи и страхи, которые пришлось пережить, вспоминал родителей и сестру, вспоминал Галину и дочь. Затем он решительно встал и подошел к установке, защита на ней была снята, включил высокое, посмотрел на дозиметр и засек время. Прошло пять минут, он опять посмотрел на дозиметр, там была почти суточная доза. Он посмотрел на вольтметр, на электронной пушке, которая без всякой защиты стояла перед ним, 200 тысяч вольт, высоковольтный кабель входил в неё через тот самый изолятор, за который он получил бутылку спирта. Фёдор немного помедлил. Он протянул руки к пушке и почувствовал, что смерть прямо смотрит в глаза. В случае пробоя кабеля это была верная смерть. Положив локти на заземленную плиту, на которой стояла пушка, и понимая, что в случае пробоя высоковольтный разряд пройдет только через руки. Фёдор только прошептал: «Ну, дружок не подведи», и начал откручивать котировочные винты. Теперь пучку можно было вручную свободно двигать во всех направлениях. Сколько рентген получил он за ту ночь, было известно одному только богу.

Когда утром ребята пришли на работу, около собранного ускорителя сидел обессиленный Фёдор. На вопрос товарищей, что случилось, он устало улыбнулся,

— Есть пучок. — и продолжил. — Запускать ускоритель будем вечером, а сейчас я еду спать.

Спал Фёдор весь день мертвым сном, а когда вечером пришел на работу, то увидел, что в комнате кроме сотрудников группы находится и Дмитренко. Всем было понятно, зачем он здесь, все прекрасно помнили, как он стал соавтором в работе Янсона.

Фёдор включил ускоритель. Все напряженно вглядывались в показания приборов. Включил высокое напряжение, на анализаторе замигала сигнальная лампочка, и появился пучок. Все зааплодировали.

— Ну, поздравляю, — снисходительно улыбаясь, сказал Дмитренко. Фёдор не ответил.

Напряжение нарастало, чтобы получить ускорение пучка, нужно было включить

магнетрон. Фёдор щёлкнул тумблер, пучок исчез и все закричали ура. Исчезновение пучка означало, что есть эффект ускорения. Чтобы узнать величину ускорения, достаточно было включить напряжение анализа и добиться появления пучка. Оказалось, что эффект составляет всего лишь несколько киловольт. Все то, что произошло, ему было заранее известно, так как он ночью все эти процедуры он уже отработал.

Он знал, что освободиться сегодня рано, конечно, обо всем знала и Галина, и они договорились хоть раз за год сходить в кино. Галина ждала его на проходной.

Фёдор выключил ускоритель и хмуро сказал:

— Игорь Михайлович, мы хотели бы с вами поговорить. Вы можете принять нас в своем кабинете?

Дмитренко почувал недоброе.

— Так, может быть, ребята, поговорим здесь?

— Нет, мы хотим поговорить с вами без нашего руководителя. Дмитриев, не понимая, что происходит, молчал.

— Ну, пойдемте.

В кабинете он важно сел за стол.

— Ну, выкладывайте?! — последовал пренебрежительный не то вопрос, не то приказ.

— Игорь Михайлович, мы вам не Янсон, и как вы стали его соавтором мы хорошо знаем. Простите, но так поступают только подлецы. Не думайте, что мы так же легко согласимся на ваше соавторство в нашей работе. Не дав Дмитренко опомниться, Фёдор встал и вышел из кабинета. Через несколько минут вернулись и остальные.

— Ну, ты и врзал, он так оторопел, что дар речи потерял, мы так и ушли.

— Правильно, — сказал Дмитриев, — недоучка несчастный.

— Надо бы это отметить, — предложил Юра Бородавко.

— Ребята, ей богу не могу, жена на проходной ждет, в кино раз в год сходить решили.

Галина стояла неподалеку от проходной и улыбалась.

— Тут недавно из проходной ваш шеф выскочил, весь красный, как ошпаренный, всё платком утирался, а потом плюнул и ушел. Фёдор расхохотался.

— Получил свое за всё, и за лампочки точечные в том числе!

Совершенно ясно, что означал для Фёдора этот разговор, ведь он был всего-навсего простым инженером.

Первая квартира

Сразу же после получения постоянной прописки Фёдор подал заявление на получение жилья. Его никто и не спрашивал молодой он специалист или нет. Всем казалось это само собой разумеющимся. Очередь молодых специалистов двигалась быстро, и уже к концу лета он должен был получить квартиру. О такой возможности он Галине не говорил, так как не хотел ее разочаровывать в случае неудачи. Он то хорошо понимал, что стоит в этой очереди незаконно. Близился сентябрь, очередной дом сдали под заселение, и жилищная комиссия поехала в райисполком утверждать кандидатов на получение квартир. Но его не утвердили и потребовали подтверждение того, что он молодой специалист. И вот тут-то Фёдор и вспомнил опять, что говорил ему отец. Птица счастья опять над ним только покружилась.

Естественно он рассказал об этом Дмитриеву, идти к шефу по этому вопросу было бесполезно. Виталий сказал, что сам пойдет к директору. Опять где-то далеко впереди забрезжил огонек надежды. Сколько бы Фёдор дал сейчас за положительное решение этого вопроса. Но на поверку оказалось, что своим трудом он все эти вопросы уже давно предрешил. Директор был хорошо осведомлен о результатах работ по ускорителю, и, хоть они были не очень утешительны, но в печать была направлена статья с его соавторством и он понимал какой героический поступок совершили ребята.

Когда Виталий вернулся от директора, лицо его сияло.

— Директор подпишет письмо в райисполком, что ты молодой специалистом.

Через неделю Фёдор получил ключи от однокомнатной квартиры. В тот день он пришел поздно, Галина уже спала, он тихо тронул ее за плечо.

— Какой замечательный сон, — не открывая глаза, сказала она. — Мне приснилось, что мы живём в своей квартире.

Фёдор обнял её.

— Это не сон, моё солнышко, мы действительно её получили.

Гуси-лебеди!

Сколько было радости, они понимали, что судьба, наконец, улыбнулась им широкой доброй улыбкой. Вскоре они получили место в садике, и Галина начала искать работу. Эпопея с ускорителем закончилась, и группа под руководством Дмитриева начала разрабатывать новое перспективное направление по исследованию сверхпроводящих резонаторов.

Утром, как обычно, Фёдор уезжал на работу, а Галина на ее поиски. Однажды, когда он пришел домой, она радостно сказала:

— На центральном телеграфе набирают на курсы механиков по обслуживанию телеграфного оборудования.

Фёдору давно хотелось приобщить жену к какой-нибудь технической специальности, ведь все-таки, если она будет разбираться с техникой, то и его понимать будет лучше. И он очень обрадовался такой возможности. Так Галина поступила на Харьковский центральный телеграф. Поначалу ей, конечно, было очень трудно, ведь с настоящей техникой она никогда до этого не сталкивалась. Но она была очень трудолюбивым человеком, и дела начали налаживаться, тем более у нее был неплохой консультант.

У Фёдора тоже были хорошие новости. Дмитренко, наконец, понял, что он не та фигура, с кем можно обращаться подобным образом и повысил его в должности, причем с должности инженера перевел сразу на должность ведущего инженера.

Вскоре у Фёдора появились печатные работы, и авторские свидетельства на изобретения, он предложил новый тип генератора, который давал возможность генерировать частоты высокой стабильности. Еще через несколько месяцев Фёдор уже был главным инженером отдела.

Но время не заставило себя ждать, и вскоре группа Дмитриева была преобразована в отдел, Фёдор получил в свое распоряжение целую комнату и стал руководителем группы. Институт бурно рос и развивался. Новые задачи, стоящие перед новым отделом, и новая тематика требовали расширения научно - технических контактов, и ведущие сотрудники отдела часто бывали в командировках в Киеве, Москве, Ленинграде. Не обходилось в этих командировках и без курьезов.

В то время с продуктами питания было очень плохо. Купить в магазине курицу или гуся было невозможно по той простой причине, что там их просто не продавали, а на базаре они стоили бешеные деньги. Обычно, когда ездили в командировки в столичные города, то привозили оттуда и продукты, и одежду, и обувь, так как снабжение там было гораздо лучше.

Однажды группа ветеранов отдела Дмитриева во главе с ним самим перед самым Новым годом по служебным делам отправилась в Киев, и, конечно, каждый рассчитывал, что к празднику что-нибудь из командировки привезет. И куры, и гуси в гастрономах в продаже были, но кругом стояли громадные очереди. Уже перед самым отъездом все-таки решили попытать счастья.

В гастрономе на Крещатике стояла громадная очередь, продавали гусей. До поезда оставалось около часа, и было понятно, что уедут они домой ни с чем, но все-таки решили в

магазин зайти и купить хоть чего-нибудь к праздничному столу. В торговом зале, где продавали гусей, стояли две очереди: одна большая, где взвешивали гусей, а другая поменьше в общую кассу. При взвешивании, на завернутом в бумагу гусе, продавец проставлял цену, а покупатель, простояв еще определенное время в кассу, оплачивал покупку и с чеком шел получать своего гуся. И тут Фёдора осенила мысль.

— Ребята, сильно они тут зажрались эти киевляне, пускай с нами немного поделятся, у нас ведь тоже люди живут!

Все вопросительно посмотрели на него.

— Становитесь в очередь в кассу и ждите моих указаний, — не раскрывая своих замыслов, сказал он.

Конечно, такая операция была достаточно рискованной, но, кто, как говорится, не рискует, тот не ест гусятины. Ребята дружно стали в очередь, а Фёдор пошел к прилавку, где взвешивали гусей. Продавец, взвешивая очередного гуся, громко называл цену, которую и писал на обертке. Фёдор записал на бумажке цены на четыре очередные покупки, и, разорвав бумажку на четыре части, пошел к кассе. Ребята стояли уже почти у кассового окна.

— Платите в кассу что написано, — сказал он, раздавая бумажки, — и делайте как я.

Он первым сделал оплату, и, получив чек, пошел получать гуся. Его примеру последовали и остальные. Все степенно вышли из магазин, у каждого подмышкой был гусь. Многие киевляне, наверное, помнят как они оглядывались, не понимая, что происходит, когда по Крещатику в сторону станции метро, хохоча, бежали четыре парня, держа в руках по гуся. Наверное, помнят и те, кто требовал от продавцов своих гусей, а те не могли их найти. И сейчас, по прошествию многих лет, мы, хотим принести свои искренние извинения перед ними, и попросить у киевлян прощение за тот, хоть и вынужденный, но очень плохой поступок.

Был еще один случай, который чуть не стоил Фёдору всей карьеры. В то время экспериментальным отделам для технологических целей выдавали большое количество пищевого спирта. Совершенно ясно, что не весь он использовался для технологических целей.

Фёдор срочно был командирован в Ленинград, нужно было на заводе «Красный треугольник» достать вакуумную резину. Если срочно нужно было решить какой-то непростой вопрос, то обычно приходилось ехать ему. В такие командировки всегда он брал с собой спирт. Он выехал вечерним поездом в Москву, рассчитывая потом „Красной стрелой” добраться до пункта назначения. Но на поезд он опоздал и решил лететь самолетом. Купив на аэровокзале билет, он отправился в аэропорт и уже, когда объявили посадку, вспомнил, что у него в портфеле двухлитровая фляга со спиртом. Во время посадки

при досмотре вещей её, конечно, же обнаружили бы. Перевозить в самолетах, как и сейчас, взрывчатые и воспламеняющиеся вещества запрещалось. Фёдор решил сдать портфель в багаж, который в те времена не досматривался.

Спокойно долетев до Ленинграда, он пошел получать багаж. Его вывезли на тележке и начали выдавать. Но когда очередь дошла до его портфеля, оказалось, что из него течет спирт. Сдавая портфель в багаж, Фёдор не знал, что багаж грузят в негерметичный отсек, давление в котором при подъеме сильно падает. А поскольку пробка во фляге была не очень плотно завинчена, то при понижении давления спирт начало выдавливать в портфель.

— Откройте портфель, — строго сказал выдающий.

Делать было нечего.

— А вы знаете об уголовной ответственности за перевозку горючих и взрывчатых веществ в самолетах?

Фёдор молчал. После выдачи пассажирам багажа, он взял портфель, и велел следовать за ним.

Фёдор понимал, что если он срочно не найдет выход из сложившейся ситуации, то это конец, так как судимость перечеркивала и прошлое и будущее одним махом. И речи не могло быть в будущем о работе в секретном институте, разве только в какой-нибудь конторе рога и копыта.

— Послушай, парень, — обратился он к сопровождающему, — ведь ты ломаешь мне всю жизнь, да и рисковал я не ради себя, а ради дела. Ты же сам видишь, самолет не упал, а кто знает кроме тебя, что я вез спирт. Конечно, я сильно рисковал, но еще раз повторяю, ради дела, теперь давай рискнем вместе и поделим этот риск пополам.

— А как это? — спросил парень.

— Да очень просто, давай по братски поделим спирт пополам. Где ты сейчас можешь достать литр пищевого ректификата.

Сопровождающий помялся, а потом сказал:

— Давай.

С тех пор Фёдор никогда в жизни больше в самолете спирт не возил. Хотя, впрочем, нет, все-таки, был ещё один курьёзный случай.

Высокие визиты

Неожиданным для Фёдора и всей группы стал тот факт, что Юру Чюрилова посылают на стажировку в США. Никто никогда об этом в группе не говорил, и вдруг ни с того, ни с сего стажировка в Америке. Когда Фёдор спросил об этом Дмитриева, он тоже

развел руками. Юрий много не распространялся по поводу своей поездки, известно было только то, что он едет в Стенфорд.

Вскоре поползли слухи, что институт должен посетить президент Академии наук СССР Келдыш. В научном мире это была громадная величина. Уже по тому, как в институте начали все чистить и драить, было видно, что слухи эти имеют под собой почву. Говорили, что вместе с президентом приедет заместитель какого-то генерального конструктора Мишин. Никто не знал, что скрывается под названием генеральный конструктор, но всем было понятно, что если его заместитель прибывает вместе с президентом, то это величина не маленькая. Всем сотрудникам выдали белые халаты. Представительная комиссия во главе с директором осмотрела все помещения и дала соответствующие указания по наведению порядка.

Принимали гостей с помпой. Вначале их провели по лучшим отделам института, в число которых попал и отдел Дмитриева и Фёдор рассказал делегации о новом типе высокостабильного генератора со сверхпроводящим резонатором. Затем на пятом этаже был организован прием, и когда гости поднялись туда, там уже висел фотомонтаж об их посещении. За время, пока они ходили по институту, фотографы успели отпечатать фотографии. Конечно, тогда не было такой техники фотографирования, как сейчас, но, что можно быстро высушить и фотопленку, и фотоснимки при помощи спирта, тогда знали.

Атмосфера встречи была непринужденная и доброжелательная, и Президент, шутя, даже спросил директора, сколько клиник города пришлось раздеть, чтобы одеть всех сотрудников института в белые халаты.

Но посещения такого уровня никогда не бывают случайными, они обычно предшествуют каким-то важным событиям для посещаемой организации. На заключительном банкете Президент сказал, что институт ему очень понравился и что в ближайшее время будет рассмотрен вопрос о мерах по его дальнейшему развитию. Не обошел он стороной и ту идею, которую постоянно пропагандировал директор, о максимально быстром внедрении результатов фундаментальных исследований в практику.

В последующем последовали и другие важные визиты. Приехал в институт секретарь Харьковского обкома партии Ващенко и, наконец, приехал сам первый секретарь компартии Украины Шелест. Этот визит тоже не миновал Федора. СВЧ генераторы, разработанные его группой, были настолько чувствительны, что при использовании их в качестве виброметров, регистрировали малейшие вибрации здания. Демонстрируя эти качества генераторов Шелесту, Фёдор сказал:

— Вот видите, Петр Ефимович, вы вроде на вид и невысокого роста, а здание у нас вон какое громадное, но вы не знаете, что своим весом вы даже его можете расшатать.

Шелест удивился и сказал, что в это трудно поверить.

— Выйдите на середину комнаты и топните ногой!

И когда после этого генераторы нежно запели, регистрируя колебания пола, Шелест был в восторге, и сказал, что партия и его, и институт не забудет. И слово своё Шелест сдержал.

Фёдор тогда не очень понимал, почему происходит постоянное разделение фундаментальной и прикладной науки и вообще, где находится та грань, за которой кончается фундаментальная наука и начинается прикладная. Ему казалось, что, чем больше пользы принесла людям данная отрасль знаний, тем она фундаментальнее. На западе никто никогда такого деления не проводил. Например, в Англии в Королевском обществе, по сути дела Английской академии наук, в галерее выдающихся ученых наряду с такими учеными, как Ньютон, Фарадей, Максвелл, висят портеты изобретателя паровой машины Джеймса Уатта, и изобретателя микроскопа Антони ван Левенгука, который даже высшего образования не имел. Уже значительно позже, будучи искушенным человеком, хорошо понимающим внутренние рычаги научно-технического прогресса в СССР, Фёдор начал понимать, где собака зарыта.

Фёдор и Галина уже давно жили в своей квартире, Галина работала на центральном телеграфе. Они по тем временам получали приличную зарплату. Приближалось лето. Нужно было думать об отпуске. Родители Фёдора к тому времени временно переехали в небольшой посёлок Красногоровка, который был расположен на реке Псёл, где отец в сельскохозяйственном техникуме читал курс геодезии. Туда и решила отправиться на отдых семья. Автомобиля у них, естественно, не было, но оказалось, что в том же направлении на отдых на автомобилях едут и его непосредственный начальник Дмитриев и начальник мастерской отдела Дмитренко Геннадий Степаненко. Конечно, все хорошо друг друга знали, и решили ехать вместе.

Перед самым отъездом к Фёдору зашел Геннадий и попросил дать ему борную кислоту, использовал он ее, чтобы травить рыбу. У Фёдора было много различных химикатов, и он дал ему целую пачку.

Выехали на следующий день рано утром, погода была прекрасная. Только начались свежие помидоры, и по краям дороги то тут, то там стояли люди и продавали помидоры. Кто-то предложил попробовать их.

В передней машине за рулем ехал Геннадий, рядом с ним сидела его жена. На заднем сидении ехали Фёдор и Галина с дочерью. Купили помидоры. Геннадий решил попробовать их сразу, а Фёдор и Галина, чтобы не испачкать салон новой машины, решили отложить еду до остановки.

В одной руке Геннадий держал помидор, другой управлял машиной, а жена ему помидор солила.

— Ты чего мало солишь, — несколько раз сделал ей замечание Геннадий, — соли больше.

Съев один помидор, он взялся за второй.

— Я же тебе говорю, соли больше, — в очередной раз попросил Геннадий.

— Как больше? посмотри, весь помидор белый.

Геннадий оторвал глаза от дороги и посмотрел на помидор.

— А ты чем солишь, — подозрительно спросил он.

— Да, вот, — сказала жена, вытаскивая из бардачка пачку борной кислоты.

Заскрежетали тормоза, машина почти мгновенно остановилась, идущая сзади машина чуть не врезалась впереди идущую. Все повыскакивали из машин. Геннадий кричал, что жена его отравила, как сумасшедший бегал вокруг машины и, закладывая пальцы в рот, пытался рвать.

Фёдор начал всем объяснять, что для человека борная кислота в малых количествах абсолютно безвредна, но на всякий случай следует промыть желудок. Благо вода была под рукой.

Родители очень гостепреимно встретили гостей и тоже подтвердили, что борная кислота для человека не опасна. Геннадий, понимая, что не умер в дороге, и, получив подтверждение о безвредности кислоты, совсем успокоился. Приготовили хороший ужин, нашлась и бутылка, и не одна. Где-то к полночи все улеглись спать, кто на кроватях, кто просто на полу.

Ночью Фёдор проснулся и перепутал открытое окно с дверью. Понял он это только тогда, когда босые ноги коснулись сырой земли. «Ну, и погуляли», — подумал он.

Вождь краснокожих

Семья каждый год на летний отпуск ездили к родителям в Красногорову. Там была хорошая река, где ловилась большая рыба, был прекрасный песчаный пляж, и была забота родителей. Все очень любили Зайчика, бабушка в ней души не чаяла. Называла она ее вождь краснокожих, и не зря. В течение дня этот вождь куда-нибудь несколько раз исчезал. Памятуя собачью будку, все начинали ее искать, и находили в самых неожиданных местах.

— Ну, что мне с этим вождем делать, — как-то, задыхаясь от смеха, войдя в комнату, сказала бабушка.

— А что случилось?

— Да пошла я в погреб за помидорами, а она за мной идет. Я ее спрашиваю: «Куда ты деточка идешь». «Помогать тебе бабушка иду», — отвечает. Я ее хвалить, вот говорю

молодец, вот умница, вот помощница, кто бы еще бабушке помог. «Я всегда тебе буду помогать, вот увидишь, бабушка». Я от таких слов чуть не прослезилась. «Ты замечательная внучка, говорю. Дошли до погреба, я в погреб полезла, а она меня снаружи ждет. Взяла я банку с помидорами и начала из погреба вылезать, а она меня уже ждет: «Давай, — говорит, — поддержи банку». Я ей: «Уронишь, деточка». «Низачто не уроню, я же тебе помогать пришла, а ты не даешь». Ну, дала я ей банку, она ее в погреб и уронила.

— На войне не без убитого, — рассмеялись дети.

— Що робе дочка? Шие та сшвае. А шо робе мати? Поре та плаче. — тоже засмеялась бабушка.

Конечно, проводить большую часть дня у реки, купаться и ловить рыбу, что может быть лучше. Тем более, рыба действительно была, что называется. За утро Фёдору удавалось поймать три - четыре крупных леща, а иногда и больше. Их жарили, сушили, коптили, но лещи все прибывали и прибывали. Галина никогда рыбу не ловила, но по характеру была азартным человеком, и Фёдор решил заразить ее рыбной ловлей.

Лучшим способом в этом случае является дать возможность самостоятельно поймать крупную рыбу. Однажды он пригласил ее на сижу, закинул три удочки, поставив на них очень прочные лески, а сам поехал на лодке на другую сторону реки. Он точно знал, что скоро начнется клев, и сказал Галине, что если поплавок утонет, то нужно удочку вытаскивать.

Издали можно было наблюдать за ее действиями. Спустя минут десять он увидел, что Галина бежит по берегу и что в руках у нее крупная рыба. Затем он опять увидел, что она снова бежит по берегу, и в руках у нее опять крупная рыба. Когда он вернулся, то чуть не плача, на берегу сидела Галина и держала в руках живого леща колограмма на два, а рядом лежали еще два, но они почему-то не подавали признаков жизни.

— Что случилось?

— Не успел ты уехать, как на левой удочке утонул поплавок, я начала тянуть, а она не вытаскивается. Тогда я побежала на берег, таща за собой удочку. Когда оглянулась, так даже испугалась, там на крючке такая рыба была, что страх. Не успела я эту рыбу вытащить, как второй поплавок утонул, что было делать? Я схватила живую рыбу, представляешь живую, и головой об дерево. Не успела вытащить вторую рыбу, как опять на третьей поплавок утонул, так я и её убила. Вот теперь с третьей сижу и тебя жду.

Фёдор расхохотался.

— Да, тебе смешно, а я вот двух живых рыб убила, никогда больше на рыбалку не пойду.

Полковник КГБ

Не успел вернуться из заграничной командировки Юра Чурилов, как туда же уехал

Виталий Дмитриев. И опять почти внезапно. Как мы потом узнаем, через год туда же уедет и Женя Христенко. Вся бывшая группа побывает в Штатах, а он нет. Конечно, Фёдора это не могло не задевать, ведь работал он далеко не хуже других. Но вскоре он начал догадываться, в чем дело, и дальнейшие, не очень приятные события не заставили себя ждать.

Вскоре Фёдора назначили начальником отдела, и он получил в свое распоряжение не только прекрасный кабинет, но и третью часть производственных площадей всего пятого этажа лабораторного корпуса. В числе комнат, которые получил его отдел, была и комната, в которой когда-то располагался тот самый кабинет директора, в котором решался вопрос о создании сверхпроводящего ускорителя. Так была отмечена его хорошая работа.

У Фёдора в кабинете раздался звонок, говорил знакомый голос. Это был тот самый Владимир Васильевич Репка, который принимал его на работу, только теперь он был уже не начальником отдела кадров, а заместителем директора по режиму. Он был очень хороший человеком, и в его функции теперь входили не только вопросы охраны, но и вопросы режима секретности, и он всегда умел очень деликатно решать сложные вопросы своей службы.

— Фёдор Федорович, вы могли бы сейчас зайти ко мне, — вежливо спросил он.

— С удовольствием, — не подозревая ничего плохого, ответил Фёдор и пошел в административный корпус.

В кабинете рядом с Владимиром Васильевичем сидел незнакомый плотный мужчина лет пятидесяти. При виде Фёдора заместитель директора вдруг неожиданно встал и вышел. Фёдор даже не успел задать ему вопрос, по какому поводу он оставляет их в кабинете. Неловкое молчание прервал незнакомец.

— Я полковник Комитета государственной безопасности, моя фамилия Гончарко, — и он подал Фёдору удостоверение. — Нам известно, что вы хороший специалист и организатор, я также знаю, что у вас в отделе имеется закрытая тематика. Просьба моя заключается в том, чтобы вы написали на мое имя докладную записку, указав основные направления этой деятельности, а также основных специалистов, которые обеспечивают эту деятельность.

— Но я имею право писать секретные данные только в специальном блокноте в первом отделе, и я давал соответствующую подписку.

— Не беспокойтесь, этот вопрос согласован с соответствующими органами, ваш заместитель директора по режиму предупрежден. Сколько вам нужно времени, чтобы такую записку подготовить?

— Думаю, что к концу недели.

— Хорошо, я вам на следующей неделе позвоню.

Выйдя из кабинета, Фёдор понял, что его ловят на крючок, в случае каких-либо непредвиденных обстоятельств разглашение секретных данных налицо. Но делать было нечего.

В понедельник утром раздался звонок.

— Вы выполнили нашу договоренность?

— Да.

— Выйдите, пожалуйста, к центральному входу, я сейчас подъеду.

Минут через десять к центральному входу подъехала белая волга, и Фёдор отдал Гончарко докладную.

Он не понимал, чего от него хотят, к чему эти докладные записки, к чему эти почти детективные встречи с высокопоставленным чиновником КГБ, и эта неопределенность сильно его беспокоила. Он понимал, что шутить это ведомство не любит, и это тем более беспокоило Фёдора.

Но все эти тревоги и беспокойства, чуть не оборвались однажды навсегда. Мы уже писали, что Фёдор закончил Ворошиловскую среднюю школу. И вот однажды он получил письмо, в котором его приглашали приехать на встречу с будущими выпускниками. Отказать он в этом не мог, хотелось повидаться и со своими преподавателями. Особенно хотелось встретиться с преподавателем физики Александром Ивановичем Самковым. Было это зимой, в феврале месяце. Встреча закончилась около восьми часов и он полностью попал на автобус до Харькова, которые ходили до десяти часов вечера. Когда Фёдор вышел на улицу, то увидел, что начинается пурга, но значения этому не придал и пошел на остановку автобуса. Не знал только он, что по Харьковской области прошло штормовое предупреждение. Начинаясь знаменитый пыльный буран 1967 года, который унёс с полей Кубани почти десять сантиметров поверхности грунта.

На остановке никого не было, ветер крепчал. Будучи в одних ботинках, Фёдор начал замерзать и решил, чтобы согреться, идти по направлению Харькова, в расчёте на то, что его догонит и подберёт автобус. Ветер кпепчал, автобуса не было, а до Харькова было 30 километров. Сугробы становились всё больше, ботинки забивались снегом, ветер дул практически в лицо. Уже, пройдя половину пути, он начал понимать, что силы покидают его, но он продолжал идти. «До самого последнего момента не считай положение потерянным», шептал он слова отца. А ветер крепчал и крепчал, и буря превратилась в буран. Временами Фёдор падал, потом вставал и всё шел и шёл. Он уже не помнит, как добрался до Харькова, но жив остался.

Кандидатская

Страна развивалась быстрыми темпами. Государство тратило громадные средства на оборону и науку. Это хорошо было видно по тому, как быстро рос институт. После посещения Келдыша начали строить отдельный корпус для специального конструкторского бюро. Видно директору удалось убедить гостей в необходимости быстрее внедрения научных достижений в практику.

Вскоре Фёдор защитил кандидатскую диссертацию, он был одним из самых молодых диссертантов в институте, средний возраст сотрудников которого не превышал тридцати лет. Правда и тут не обошлось без курьезов.

Высшая аттестационная комиссия рассматривала кандидатские диссертации достаточно быстро, обычно на принятие решения уходило не более двух трех месяцев. Однако прошло уже почти пол года после отправки документов в ВАК, а ответа не было. Это сильно беспокоило Фёдора. В одну из очередных командировок в Москву он решил посетить ВАК. Куратор его направления, после того, как Фёдор назвал свою фамилию, рассмеялся и сказал, что секретаря Ученого совета института нужно выгнать с работы, и показал автореферат, который был приложен к его диссертации. Его автором значился некий Менабде, и название автореферата не соответствовало названию диссертации.

— В вашем институте, на каком-то другом совете защищался еще и Менабде, вот секретарь при отправке и перепутал ваши авторефераты.

— Что же мне делать?

— Я думаю, что при рассылке автореферат вы посылали его и в московские организации. Обратитесь к ним, и если вы привезете мне ваш автореферат сегодня, то мы вас завтра утвердим.

Из Москвы Фёдор уезжал уже кандидатом наук.

Конференция в СОАН

Масштабы капиталовложений в науку в то время можно себе представить хотя бы на том примере, что Сибирское отделение академии наук (СОАН), целый город под Новосибирском со своими институтами и со всей инфраструктурой был построен всего за несколько лет.

Конечно, это был в значительной степени пропагандистский шаг, направленный на то, чтобы показать всему миру могущество СССР, способного осуществлять такие масштабные проекты. Военные проекты по своему масштабу были и покрупнее, но все они были засекречены, и кричать о них на весь мир не было возможности. Зато здесь для

пропаганды было широчайшее поле деятельности. В СОАН на стажировку приглашались зарубежные специалисты, здесь с широким участием зарубежных ученых проводились конференции и съезды.

На русско-японскую конференцию по физике низких температур институт снарядил большую делегацию. У Фёдора тоже был доклад. Ехали до Новосибирска на поезде. Основное впечатление, которое осталось от этого путешествия так это нищета населения в глубинке, которая начала ощущаться сразу же после того, как поезд пересек границу между Украиной и Россией. На станциях никаких продуктов, и даже за пирожками с мясом выстраиваются длинные очереди.

Зато сама конференция была обставлена с шиком. Прилавки магазинов в акадегородке ломались от продуктов и дефинитных виноводочных изделий. Там, например, Фёдор впервые увидел красное вино «Бычья кровь». Но самое интересное было в конце конференции, когда наняли теплоход и повезли участников на пикник на какой-то остров. Там уже на скатертях, разостланных на траве, в обилии стояла и закуска и выпивка, мол, знай наших. И действительно японцы узнали наших. Непривыкшие к русским дозам, они так понапивались, что некоторых из них грузили потом на теплоход при помощи носилок. Но наша братва тоже в долгу не осталась, многие даже не помнили, как же им все-таки удалось вернуться в гостиницу. Юра Чурилов даже потерял брюки, которые привез из Америки, и домой добирался в спортивных штанах.

Но самое неприятное началось, когда на обратном пути все приехали в аэропорт. Он битком был набит народом, так как в связи с сильным туманом не принимал и не отправлял самолеты. Оставалось только ждать, причем прогноз погоды был неутешительным. У Фёдора были особые основания для беспокойства, через два дня у Галины был день рождения, и опаздывать на него никак не хотелось, тем более что на этот праздник к ним всегда приезжали Виктор и Тамара.

Прождали почти сутки, и вот, наконец, объявили, что аэропорт открывается, и что из Читы прибывает самолет Чита - Москва. Все вздохнули с облегчением, но нужно было еще много самолетов, чтобы разгрузить аэропорт.

Когда по погодным условиям происходят задержки рейсов то, чтобы скорее разгрузить аэропорт, все делается максимально быстро. Не успели пассажиры выйти с читинского рейса, как им снова объявили посадку, и Фёдор решил попытать счастья. Один из пассажиров рассказывал провожающему, что его дополнительно взяли на читинский рейс только по разрешению его друга, начальника аэропорта. Подойдя к турникету, он предъявил билет и показал отметку на билете, его пропустили. Фёдор отошел в сторону и поставил себе в билете такую точно отметку, подошел к турникету, предъявил билет, и сказал:

— Мне разрешил начальник аэропорта, вот отметка.

Проводница бегло глянула в билет и пропустила.

Когда в самолете все заняли свои места, стюардессы начали считать пассажиров, пересчитали раз, пересчитали второй, наконец, пересчитали третий раз.

— На борту лишний, — наконец сказала одна из них, — признавайтесь кто.

Конечно, Фёдор и не думал признаваться. Стюардесса пошла в кабину к пилотам. Вышел пилот.

— Кто заяц, признавайтесь.

Все молчали. В это время из кабины вышел второй пилот и сказал, что дали добро на взлет.

— У нас посадка в Свердловске, мы этого сукиного сына там выловим, — сказал пилот и удалился.

У Фёдора отлегло от сердца: «Долетим до Свердловска, а там видно будет»,

— подумал он.

Когда самолет совершил посадку, то, как это всегда бывает, пассажиры начали вставать со своих мест, снимать вещи с полок, и о проверке билетов не могло быть и речи.

— Мы зайца при посадке выловим, — сказала стюардесса.

Но на свой самолет Фёдор уже не пошел, а пошел к начальнику аэропорта и сказал, что отстал от читинского рейса. На очередном самолете, прибывшем в аэропорт, он уже летел в Москву, и в тот же день был уже дома.

Не забыли!

Ну, а что же Комитет госбезопасности? Что там так и забыли про него? Нет, в этой организации никогда и ничего не забывали.

Не прошло и недели после возвращения из Новосибирска, как в кабинете снова раздался телефонный звонок.

— Вас беспокоит полковник Гончарко, — услышал он вежливый голос.

— Не могли бы мы с вами встретиться?

— Где, и во сколько? — спросил Фёдор, понимая, что выбирать не приходится. Он до настоящего времени так и не понимал, что же от него хотят.

— Приезжайте сегодня к пяти часам в гостиницу Харьков, я буду ждать вас в холле.

Все это начинало напоминать какой-то детектив. Фёдор приехал к назначенному времени, но полковника не было. Побродив по холлу и купив на прилавке киоска

брошюру о достопримечательностях города, он начал ее машинально листать. В брошюре была информация и об институте и даже была фотография заместителя директора Маслова. Не успел он досмотреть брошюру, как за спиной раздался знакомый голос:

— Город изучаете?

— Да, вот даже про наш институт написано, вот посмотрите.

— Хороший у вас институт и хороший заместитель директора, — улыбаясь сказал полковник.

— Ничего себе, — подумал Фёдор, — даже заместителя директора в лицо знает.

— Давайте поднимемся на второй этаж, — дружелюбно сказал Гончарко.

Достав из кармана ключ, он открыл номер, и они вошли.

— Садитесь, — указывая на стул, тем же дружелюбным голосом сказал он.

— Фёдор Федорович, теперь я должен вам сказать о главной цели нашей встречи. Нам вас характеризовали и как квалифицированного специалиста, и как опытного руководителя, но мы бы хотели сделать из вас еще и опытного разведчика, из вас получится прекрасный чекист.

Слово чекист резануло по мозгам, одного такого чекиста он уже видел, когда лечился от тифа.

— Мы будем посылать вас на различные международные конференции и для установления связей с иностранными учеными с целью их вербовки, а также на стажировку за рубеж. Нас будут также интересовать сведения о том, как ведут и что делают наши учёные, когда находятся за рубежом, ведь вы сами понимаете, что иностранные разведки тоже не дремают. За время пребывания наших ученых за рубежом они тоже пытаются активно их вербовать.

Чем больше говорил Гончарко, тем больше понимал Фёдор, что ему предлагают. А предлагали ему, в том числе, и роль тихаря по наблюдению за нашими учеными за рубежом. Конечно, он знал, что и в стране существует громадная сеть осведомителей, и что в институте они тоже есть и не один, но такую деятельность он просто презирал, и никакие посулы и выгоды не могли толкнуть его на этот путь.

Бывают в жизни моменты, когда на кон поставлено очень много, и от того, как поступит человек в этот решающий момент, зависит очень многое. Именно для того, чтобы помочь человеку мобилизоваться в такие моменты и существует адреналин. Этот естественный стимулятор заставляет все системы организма и физические и умственные работать на предельном режиме, именно это и спасает часто человека. Известен случай, когда во время постановки военным тральщиком мин у мины разбился взрывной колпачок, и через несколько секунд мина должна была взорваться. Так двое моряков, а мина весила

как - никак 800 килограммов, выбросили ее в море, перебросив через поручни.

Нечто подобное нужно было совершить Фёдору и сейчас, только бомба эта была замедленного действия. Он понимал всю мощь и силу КГБ, и что, в случае необходимости, с ним сделают все, что угодно, но не мог он стать тихарем, хотя и очень высокого ранга.

Мысль работала лихорадочно. Когда Гончарко закончил, Фёдор вежливо сказал.

— Вы на меня не обидьтесь, но у меня к этой работе душа не лежит. Полковник КГБ побагровел.

— Как не лежит, вы знаете, что такое КГБ, с нами нужно дружить!

— Конечно, знаю, и мне хотелось бы с вами дружить, но есть одно существенное препятствие.

Полковник вопросительно посмотрел на него.

— Я считаю, что о нашем сотрудничестве никто не должен знать, но я разговариваю во сне.

Полковник помрачнел, как туча. И Фёдор, понимая, что аргументов может не хватить, добавил.

— К тому же я ещё и лунатик.

— А это кто-нибудь может подтвердить? — вызывающе спросил полковник.

— Вы знаете Дмитриева?

Гончарко утвердительно кивнул головой. И тут Фёдор всё понял, в том числе и причины зарубежных командировок его товарищей.

— В прошлом году мы вместе с ним проездом были у моих родителей, и там заночевали. Так вот ночью я пытался выйти на улицу не через дверь, а через окно.

Наступило тягостное молчание.

— Я могу идти? — вежливо спросил Фёдор.

Полковник немного поколебался:

— Идите!

Хозрасчёт

Численный рост института продолжался, и численность его уже доходила до пятисот человек. Академический институт уже действовал в полную силу. Было создано опытное производство, строился корпус под конструкторское бюро. Но под конструкторским бюро все понимали в будущем специализированный НИИ физики низких температур и криогенной техники со своими экспериментальными и конструкторскими подразделениями. Естественно, что бюджетное финансирование, ввиду его ограниченности, начало тормозить дальнейшее развитие этого по сути дела научно -

технического комплекса. Нужны были деньги на заработную плату, на оборудование, на материалы, на капитальное строительство. Деньги эти можно было взять у военных, но это означало, что значительная часть подразделений института должны переходить на хозяйственный расчет. Но что такое хозрасчет? Это хозяйственные договора с оборонными предприятиями, со всеми вытекающими последствиями. Против этого многие возражали, так как понимали, чем это грозит. Конечно, решится на работу с оборонными предприятиями в рамках академического института, могли только самоубийцы, но и другого пути дальнейшего развития тоже не было.

Существенным препятствием являлось и то, что военные просто боялись работать с академическими учреждениями, не веря в то, что они способны выполнять работы на уровне военной приемки. И действительно они были правы, так как для выполнения работ на требуемом уровне нужна обширная инфраструктура, обеспечивающая эти работы. Получался замкнутый круг: для проведения работ нужна инфраструктура, а чтобы создать инфраструктуру, нужны деньги, которые можно взять только у заказчика. Нужно было как-то разрубить этот gordiev узел. И директор решил решить эту проблему волевым путем. Он перевел на хозрасчет сразу несколько отделов с наиболее перспективной тематикой по принципу, кто выплывет, тот выплывет, а, кто утонет, тот утонет. Так началась новая жизнь отдела на полном хозяйственном расчете, когда зарплата и все остальное зависит только от самих себя.

Ничто и нигде не происходит на пустом месте. Для того чтобы получить деньги, нужны связи, нужно чтобы тебя уже знали и тебе доверяли. Но, как же получить эти самые деньги, если у тебя нет связей, и тебя никто не знает. Оказалось, что и на этот раз господин случай опять помог Фёдору.

Как-то, будучи в командировке в Москве, ему пришлось познакомиться с человеком, который и дал путевку в жизнь его хозрасчетному отделу, это был Владимир Григорьевич Пешехонов. Познакомились они в номере гостинице. За бутылкой мужики знакомятся очень быстро. Его новый знакомый был тоже молодым начальником отдела очень богатой организации ЦНИИ электроприбор в Ленинграде, которая занималась разработкой навигационных систем для атомных подводных лодок. Эта проблема была не менее важна, чем создание самих лодок и баллистических ракет, так как без знания точных координат местонахождения лодки нельзя попасть в цель. Но все автономные навигационные системы в связи с неизбежным дрейфом в то время требовали коррекции по звездам. Для этих целей лодке приходилось всплывать на поверхность, что её демаскировало. Ну, а если над морем туман или облака на небе, что тогда. Так вот новый знакомый Фёдора и собирался решить эту проблему очень простым способом. Каждая звезда излучает не только видимый свет, но и так называемую линию водорода, которую излучают атомы водорода в раскалённой

звёздной атмосфере. Эту линию можно принять при помощи высокочувствительного СВЧ приемника, но для этого нужен высокостабильный гетеродинный генератор. Как раз такой генератор и может быть создан при помощи криогенной техники.

Эта идея очень заинтересовала нового знакомого, и они договорились встретиться и обсудить техническое задание, а затем заключить хоздоговор на выполнение работы.

Но вернемся немного назад. Мы уже давно не видим старого друг Фёдора Виктора. Что они перестали дружить, или поссорились? Ни то, ни другое. Просто закончилась юность, возникли новые задачи и хлопоты. Виктор успешно закончил радиофак и вел практикум на физтехе, он женился на замечательной девушке Тамаре, которую мы уже знаем, они дружили семьями, правда, встречались гораздо реже. Но обязательно они встречались два раза в год на именины Галины и Тамары. Поэтому так и спешил домой Фёдор после конференции в СОАН.

Как только Фёдор стал начальником отдела, он предложил Виктору перейти к нему сразу на должность ведущего инженера, и теперь они работали вместе. Им-то вдвоем и предстояло вынести основные тяготы перехода на хозрасчет. Виктор был верным другом, и Фёдор знал, что он не подведет. Основной трудностью являлось то, что он жил очень далеко от института, и на дорогу ему приходилось тратить более часа.

Когда был заключен первый хоздоговор, все радовались, понимая, что судьба улыбнулась отделу, и что, может быть, они и выплывут. Но никто и не подозревал, какие трудности их подстерегают. Главным исполнителем договора был назначен Виктор. Предстояло всего за год создать принципиально новый СВЧ криогенный генератор, таковы были условия договора. Фёдор тогда не понимал, что даже для сложившегося коллектива, при наличии хорошо работающего производства для создания такого генератора требовалось не менее двух лет. Говорят, что умные люди учатся на ошибках других, а глупые - на своих. И в данном случае Фёдор попал сразу в разряд вторых.

На протяжении года ведущие сотрудники отдела раньше двенадцати часов ночи домой не уходили. Особенно трудно было Виктору, так как ему еще нужно было добираться домой. Работали и в выходные дни. Оглядываясь назад, Фёдор никак не может понять, как все-таки они всё это выдержали. Но точно к сроку, указанному в договоре генератор был готов.

Пешехонов лично приехал принимать тему. Подписывая акт приемки, он сказал:

— Приеду домой и скажу своему директору, что в вашем институте работают, а у нас пособие по безработице получают.

Но у любой медали всегда есть и другая сторона.

Это только на бумаге иногда все выглядит просто и красиво. В действительности в жизни коллектива, особенно такого, который находится в процессе становления, да еще в таких

трудных условиях, все гораздо сложнее. При этом роль внешнего фактора, той атмосферы и духа, который царит вокруг, имеет очень важное значение. У людей возникает законный вопрос, почему они должны вкалывать день и ночь, в то время как рядом люди в бюджетном подразделении целыми днями просиживают на подоконниках в тоске от безделья и получают такую же зарплату. И это противоречие между бюджетным и хозрасчетным финансированием сразу же дало о себе знать.

Решению поставленных задач, конечно, способствовало то, что основным костяком отдела была та группа, которая была у Фёдора еще у Дмитриева. Это были закаленные бойцы, и никто из них не дрогнул во время этой эпопеи. Но в отделе были и временные люди, которые при первых же трудностях ушли из отдела. Фёдор был жестким руководителем и умел держать ситуацию в руках, хотя это было и не просто. Основным его аргументом в пользу жесткой политики было то, что он сам всегда был вместе с соратниками на передовой. С работы он уходил последним, а приходил первым. В кабинете его практически не бывало, работал он всегда со своими сотрудниками на самом трудном участке. Одни его любили и боготворили, другие ненавидели, третьи просто боялись, но не было к нему равнодушных.

После успешной сдачи темы генератор отправили в Ленинград, а оттуда на испытательный полигон заказчика, который находился на Ладожском озере. Но ни Виктор, ни Фёдор даже не предполагали, что основные испытания еще впереди.

Вскоре после отправки генератора уехал в Ленинград и Виктор. Поскольку испытания проводились на Ладого, связь с ним прервалась. Фёдор думал, что для запуска генератор понадобится максимум неделя, но шла уже третья неделя, а вестей от Виктора не было. В конце третьей недели позвонил Пешхонов и сказал, что генератор не запускается. На следующий день Фёдор уже ехал в Ленинград.

Пешхонов встретил его очень дружелюбно, понимая, что техника есть техника, и никто не застрахован от ошибок, ведь в Харькове генератор прекрасно работал. Но для того, чтобы помочь Виктору, до полигона нужно было еще добраться. Фёдору подробно рассказали, как это сделать. Для этого нужно было около двух часов ехать на электричке, а далее по грунтовой дороге добираться на попутном транспорте. На станцию назначения он прибыл уже ночью. Ни о каком попутном транспорте и речи быть не могло.

Вправо от станции в лес уходила проселочная дорога, по которой и нужно было идти. Проблема, с которой сразу же столкнулся Фёдор, были комары. Такого он еще никогда не видел. Туча комаров следовала за ним, они лезли в глаза, в уши, в нос. В лесу раздавались непривычные звуки, и это тоже все время настораживало. Для человека, привыкшего к ночному лесу, все это вполне естественно, но ему просто никогда ранее в

такой ситуации бывать не приходилось.

Когда идешь по незнакомой дороге, тем более, ночью, да еще в глухом лесу, то она кажется очень длинной. Уже давно должна была появиться Ладога, но она не появлялась. Он уже прошел около десяти километров, но озера не было. Фёдор понял, что заблудился. Единственным правильным решением было вернуться назад и начать все сначала. По тому, как ему рассказывали, километров через пять от станции должна была быть развилка дорог, и ему в этом месте нужно было повернуть налево. Её то он в темноте и пропустил. Возвращаясь назад, он внимательно приглядывался к дороге и, где-то на половине пути заметил узкое ответвление от основной дороги. Пройдя километра два, он с правой стороны увидел ложбину, заполненную туманом, и понял, что это Ладога. На полигон Фёдор пришел, когда уже расцветало.

Видно было, что Виктор сильно устал, он сильно осунулся, бессонные красные глаза на похудевшем лице говорили о многом. Но самым страшным было то, что в то время, пока Фёдор блудил в лесу, он чуть не погиб, попав под напряжение в две тысячи вольт. На плече прогорела рубашка, мезинец, через который прошел разряд не двигался. От смерти спасло только то, что разряд прошел не через туловище, а через руку.

Встретил его Виктор с радостью.

— Ничего не понимаю, наш генератор работает, а измерить частоту не могу, биений на экране нет. Я плохо знаю ШГВС и поэтому не пойму в чем дело. Фёдору сразу стало ясно, что причина не в их генераторе, а имеются неполадки в измерительной аппаратуре.

— А ты вскрывал ШГВС, ведь это же в нем неполадки?

— Да я хотел это сделать, но ведь у них нет схемы.

— Подумаешь, нет схемы, знаешь старый радиолюбительский прием, открывай телевизор и смотри, горят ли все лампы.

Открыли прибор, одна лампа не горела. Заменяли ее.

— Есть биения, есть биения! — закричал Виктор.

Фёдор посмотрел на индикатор, там плясала и извивалась фигура Лиссажу.

Фёдор открыл портфель и достал бутылку.

— Вспомним молодость.

— А ты знаешь, здесь не хуже, чем под фикусом, — сказал Виктор, когда бутылка была пуста.

— Зови представителей заказчика, будем сдавать тему, — рассмеялся Фёдор.

Утром на следующий день они уже ехали в Ленинград. Их привезли прямо на вокзал к отправлению поезда. Сели в вагон, кондуктор собрал билеты, и Фёдор опять достал бутылку.

— За победу, Виктор, за твою победу!

— За нашу победу, Фёдор!

Когда поезд прибыл на Ленинградский вокзал, они с трудом держались на ногах. Особенно плохо было Виктору, бессонные ночи, большие физические и моральные перегрузки, наконец, электрический удар сделали свое дело. Они с большим трудом добрались до Курского вокзала, и тут Фёдор понял, что Виктор дальше идти не может. Он усадил его на скамейку в зале ожидания, а сам пошел за билетами. В то время пьяная пошесть бушевала в стране, и пьяных, тем более на вокзале, милиция не забирала. Когда он вернулся с билетами, Виктор спокойно спал, откинувшись на спинку лавочки.

Звезда в бутылке

На следующий день по прибытии позвонил Пешехонов и передал Фёдору благодарность от себя лично и от дирекции института, сказал, что путь для сотрудничества открыт, и, что их директор Безбородов приглашает дирекцию института посетить их организацию в любое удобное время.

Конечно, это был прорыв, без какого-либо задела, никогда до этого не выполняя никаких хоздоговоров и сразу такое. Фёдор доложил директору.

— Конечно, поедem, всю дирекцию повезу, чтобы учились, — не задумываясь ответил Веркин, — готовьте поездку.

О согласии дирекции Фёдор сообщил Пешехонову и договорился о том, что о точной дате посещения он сообщит дополнительно. Можно было немного расслабиться. Виктору он дал недельный отпуск, а сам на субботу купил билеты в цирк, решив хоть раз за год доставить дочери и жене удовольствие и побыть с семьей.

Но на следующий день ему опять позвонил Пешехонов и сказал, что гостей приглашают на понедельник к девяти часам утра. Это означало, что выезжать нужно было в субботу, но это срывало планы похода семьи в цирк. Фёдор опять пошел к директору, сообщил о приглашении, и попросил разрешения ехать не в составе делегации поездом, а прилететь в воскресенье самолетом. Директор посомневался, но разрешил.

Делегация уехала в субботу.

Четырехтурбинный всепогодный ИЛ-18, следовавший по маршруту маршрутом Ашхабад-Ленинград, уже стоял на поле аэродрома, когда Фёдор прибыл в аэропорт, погода была прекрасная, на душе тоже было радостно.

Но посадку все не объявляли. Наконец, прошло сообщение, что рейс задерживается на два часа, затем на два, и затем еще на два. Положение дел становилось угрожающим, если в четыре утра самолет не улетит, он опоздает на назначенную встречу.

Фёдор всю ночь не спал, а рейс все откладывали и откладывали. Более дурацкую

ситуацию трудно себе было представить. Вся дирекция сидит в Ленинграде и ждет его, в принимающей организации ждут гостей, а он сидит как идиот в аэропорту и не может ни связаться с директором, так как не знает, куда звонить, ни сообщить о сложившейся ситуации Пешехонову.

А рейс все переносили и переносили. Наконец, дождавшись восьми утра, Фёдор позвонил в институт, там уже был переполох, все его искали, так как из Ленинграда позвонил директор и велел его срочно найти. Ему дали телефон директора. Не без страха он крутил диск телефона, когда набирал номер. Наконец, длинные гудки закончились и кто-то поднял трубку. Он хорошо знал голос директора, но это был не его голос. Он представился. Телефон молчал несколько минут, и, зная взрывной характер директора, Фёдор мог рассчитывать на что угодно, тем более что всех подчинённых, включая и ближайшее окружение, он постоянно разносил в пух и прах, не стесняясь самых красноречивых эпитетов. Каково же было его удивление, когда он услышал в трубке спокойный голос директора. Тот объяснил ему, что там уже вторые сутки держится сильный туман, и они договорились, что Фёдор выедет поездом. Сразу же после этого он позвонил Пешехонову и объяснил ситуацию. Встречу перенесли на вторник на пятнадцать часов.

Результаты посещения превзошли все ожидания. Гостям показали все основные подразделения. Масштабы организации впечатляли, только одних комнат с надписью «Представитель заказчика» Фёдор насчитал более десяти. «Какой же объем военных заказов у этой организации?» — подумал он. К концу дня всех повезли в Гатчину - филиал, где изготавливались берилиевые пустотелые шары для гироскопов атомных подводных лодок. Им объяснили, что когда атомная подводная лодка уходит в поход, который длится до полугода и более, ей, с целью скрытности, не разрешается всплывать на поверхность. Но, в то же время, она всегда должна точно знать свои координаты, так как, не зная их, нельзя задать программу для запуска баллистических ракет. Поэтому лодка имеет свою автономную систему инерциальной навигации, в состав которой входят гироскопы, основным элементом которого и является берилиевый пустотелый шар. Именно этот шар называют звездой в бутылке, так как до изобретения гироскопов только звезды давали возможность точно установить местонахождение лодки.

Фёдора удивило то обстоятельство, что о таких секретных вещах говорили так просто и даже обыденно.

Работа с берилием требует особых мер предосторожности, так как он очень ядовит, а его пыль вызывает очень тяжелую и неизлечимую болезнь - бериллоз легких, которая очень быстро заканчивается летальным исходом. Поэтому на время посещения полностью остановили все производство. Предприятие тоже потрясло воображение: длинные светлые коридоры со стеклянными боксами по обе стороны. «Сколько же все это стоит?» — поду-

мал Фёдор.

Он начинал догадываться, что весь этот показ неспроста, что после этого должны последовать какие-то важные предложения, но гиды все рассказывали и рассказывали. Наконец, всех пригласили в просторный кабинет директора, там уже стоял накрытый стол. После первой рюмки директор сказал:

— Мы очень хорошего мнения о ваших сотрудниках, никто и не предполагал, что за такие мизерные деньги и, главное в такие сроки мы получим столь необходимый нам генератор. Если мы осуществим задуманный проект, то это даст возможность лодке не всплывая уточнять свои координаты. Вы люди науки, а мы люди военные и нам Нобелевских премий не дают, так вот, чтобы было понятно по вашим меркам, решение этой проблемы равноценно не одной Нобелевской премии.

При этих словах Фёдор рассмеялся.

— Мы уже одну Нобелевскую премию получили, — и он посмотрел на директора. Тот тоже рассмеялся.

Близилась развязка, выпили еще.

— Так вот, основной проблемой, которую пока не удалось решить при обычных температурах, является трение в системе поддержания во взвешенном состоянии этого самого берилиевого шара. Трение приводит к неконтролируемому дрейфу. Если же шар выполнить из сверхпроводника, и подвесить его в магнитном поле, трение, а значит и дрейф, будет отсутствовать. На эти работы мы можем выделить большое финансирование.

Фёдор увидел, как у его директора загорелись глаза.

Встреча прошла в теплой дружеской обстановке.

Снова в неизведанное

Несмотря на первые успехи все понимали, что впереди долгие годы упорного и каторжного труда. И Фёдору и руководству института было ясно, что одними только лозунгами людей долго не удержишь, может ли выдержать любая семья, любая жена то, чтобы муж практически не живет дома. Отдел спасал пока чистый энтузиазм, но он когда-то заканчивается. Первым из обоймы выпал Виктор. После недельного отпуска он пришел к Фёдору и сказал, что в дальнейшем такого темпа не выдержит и что принял решение уйти из отдела. Очень жаль было терять такого сотрудника, жаль было, что рядом не будет верного соратника и друга. Другой стал бы уговаривать и что-то обещать, но Фёдор понимал, что еще несколько лет ситуация в отделе не изменится. Они обнялись.

— Витя, я не говорю тебе прощай, я говорю тебе до свидания.

Он запер кабинет и отключил телефон.

Сегодня меня ни для кого нет, — сказал он.

Канистра спирта всегда стояла в сейфе. Налили по пятьдесят и выпили не разводя. Да, много чего было им вспомнить. И только поздно вечером они вышли из института.

— Я буду всегда помнить отдел и Ладогу, — сказал Виктор.

— Я тоже — ответил Фёдор.

Если вы хотите эффективно управлять коллективом, то всегда должны помнить, что у вас должны быть соратники, причем соратники не на словах, а на деле, которые действительно разделяют ваши взгляды. Но трудно бывает отличить истинных сподвижников от попутчиков и прилипал, которые в случае беды побегут, как крысы с тонущего корабля. Конечно, Виктор к такой категории не относился, он честно выполнил свой долг, и честно сказал, что не выдерживает. Они остались друзьями на всю жизнь, хотя работать вместе им уже никогда не довелось.

В состав его соратников входили еще Алексей Трубицын, Виктор Чаркин и Ваня Баранов, все они были из той группы, которой руководил Фёдор еще в отделе Дмитриева. При создании отдела все они получили должности ведущих инженеров и у них были свои группы, а Алексей Трубицын был назначен заместителем начальника отдела.

Время не заставило себя ждать, вскоре из ЦНИИ Электроприбор пришло техническое задание на создание сверхпроводящего гироскопа на основе сверхпроводящего подвеса. Все закрытые работы в то время подвергались так называемому легендированию, то-есть разрабатывалась некая вполне правдоподобная легенда о том, что по данной теме проводятся работы, для решения задач научного или народнохозяйственного характера. Легенда по данной теме предполагала, что будут проводиться работы по созданию сверхпроводящего гравиметра для геофизики. Такая легенда была выбрана не зря, так как в гравиметре тоже есть сверхпроводящий подвес с поллой сверхпроводящей сферой, но используется она по другому назначению.

Фёдор не мог не взяться за эту работу по двум причинам: во-первых это была очень интересная научно-техническая задача, решение которой давало возможность создать принципиально новый гироскоп, а, во-вторых, под неё давалось крупное финансирование. Однако, было совершенно не ясно, кто возьмется за создание пустотелого шара, выполненного из такого технологически трудного материала, как ниобий. Договор был подписан, и отсчет времени начался.

Беда

И опять в отделе произошло событие, которое было чревато очень тяжелыми последствиями и для всего отдела, и лично для его руководителя. Отдел быстро рос по численности, в отдел приходили молодые специалисты и уже имеющие производственный опыт. Для того чтобы превратить всю эту массу в работоспособный коллектив, нужен был знающий умудренный жизненным опытом руководитель. Но откуда мог быть у Фёдора такой опыт, ведь он только начинал свою карьеру на этом поприще. Приобретение навыков руководителя происходило методом проб и ошибок. Но хороший руководитель должен уметь не только управлять коллективом, но, что очень важно, уметь предвидеть и предвосхищать те опасности, которые и его, и сотрудников, и весь коллектив подстерегают на каждом шагу. Не даром на производстве так необходимо соблюдение правил техники безопасности, пожарной безопасности, и других мер предосторожности порой даже не связанных с производством. Сколько людей получают травмы, или даже гибнут на производстве, сгорают в огне пожаров, или попадают в совершенно непредвиденные ситуации, которые заканчиваются очень печально. И за все это в ответе руководитель, потому что ему поручены судьбы его подчиненных. И вот непонимание этой ответственности, особенно молодыми руководителями, часто приводит к трагическим последствиям. Так было и на этот раз.

Из молодых специалистов, которые уже почти год работали в отделе, особенно выделялся Олег Козловский. Он тоже был выпускником радиофака, окончил университет с красным дипломом, и получил он этот диплом не зря. Отличная подготовка выделяла его среди других молодых специалистов, пришедших вместе с ним. Если добавить к этому то, что он был очень трудолюбив, то станет ясно, как к нему относился Фёдор. Он быстро сдружился с этим замечательным парнем, хорошо знал его родителей.

Начальник отдела и его подчиненные не очень отличались по возрасту и поэтому со многими из них были дружеские отношения, и в наибольшей степени это относилось к Олегу. Не знал только Фёдор одной его особенности, не сказали об этом ему и родители. Олег не был алкоголиком, но, иногда сильно выпивши, переставал контролировать свои действия. Жил он за городом в посёлке Дергачи, и было несколько случаев, когда он, заснув в электричке, проезжал свою остановку.

Как-то Фёдор и его ближайшие соратники решили поехать за грибами, пригласили и Олега. Конечно, на таком мероприятии без бутылки не обходилось. После обеденного перерыва, будучи уже прилично навеселе, всей гурьбой дружно двинулись собирать грибы. Дальнейший путь преградила небольшая речушка, но мостика через нее нигде не было. Тогда Фёдор разогнался и прыгнул. И, хоть речушка и казалась неширокой, он

оказался почти по пояс в воде. За ним последовали и его товарищи, но и их постигла такая же участь. Но Олег прыгать не стал, он пошел вдоль реки, нашел иву, росшую над самой водой, залез на нее. Раскачавшись, он отпустил руки и цел и невредим оказался на другом берегу. Все очень похвально отнеслись к его изобретательности.

— Фёдор Федорович, вот видите, я сухим из воды вышел, я вообще умею живым и невредимым выходить из любых ситуаций, — похвастался он.

Непонятно почему, но последние слова почемуто врезались в память.

« Живым из любых ситуаций. Живым из любых ситуаций » — тревожным эхом откликнулись эти слова в душе Фёдора.

Далее Олег рассказал, что его однажды уже считали погибшим, а он оказался цел и невредим, хотя мог погибнуть. Еще, будучи студентом, он поехал на зимние каникулы на лыжную базу на Карпаты. Не очень прислушиваясь к наставлениям инструктора о том, что в горах легко заблудиться, он с группой товарищей отправился на лыжную прогулку. Спускаясь с одной горы и взбираясь на другую, они не заметили, как потеряли ориентиры и заблудились. Вечерело, а они все пытались и пытались найти путь обратно, но не находили. Наступила ночь. Кроме лыжных костюмов на них ничего не было. Уже в первую ночь они бы замерзли, но спасло то, что у одного из ребят совершенно случайно оказалась коробка с двумя спичками. Олег даже похвастался, что ему доверили разжечь костер, и он не подвел друзей. Четыре дня и четыре ночи они поддерживали огонь в костре и поэтому остались живы. На базе все думали, что они все погибли и даже вызвали их родителей. Но все закончилось благополучно.

Фёдор не знал почему, но какой-то тревогой откликнулся в его сердце этот рассказ.

В те времена в трудовых коллективах отмечали практически все праздники. Собирались вместе, накрывали столы. Всем было весело пили, гуляли. Эти праздники устраивали прямо в производственных помещениях, что, конечно, было нарушением правил трудового распорядка, но что поделаешь, таковы были традиции. Конечно, о таких нарушениях хорошо знали руководители предприятий, но смотрели на это сквозь пальцы.

Приближались октябрьские торжества. Решили, как и все, отметить праздник. Готовились несколько дней, и праздник получился на славу. Где-то к полночи все разошлись. Но Олегу нужно было ехать еще на электричке.

На следующий день все пришли на работу, но Олега не было. Этому значения не придали, но вскоре позвонила очень взволнованная жена и сказала, что Олега до сих пор нет дома. Фёдор сразу же позвонил в линейное отделение вокзальной милиции и объяснил ситуацию. Его спросили, кем он доводится разыскиваемому, и потом сообщили, что Олег попал под поезд, и смертельно травмирован.

Известие всех ошеломило. Фёдор сразу же уехал на вокзал для выяснения

обстоятельств гибели. Оказалось, что Олег заснул в электричке и проехал свой станцию. Ему пришлось выйти на следующей остановке, и ждать обратную электричку. Ждал он ее на той платформе, на которой сошел. При виде встречной электрички он попытался перебежать на противоположную платформу, но его нога застряла между досками переходного настила.

Какое страшное стечение неблагоприятных обстоятельств. Не будь одного из них, и все бы кончилось благополучно, но факт остается фактом. Все эти обстоятельства собрались вместе, и Олега сбил пассажирский поезд, идущий по параллельным путям.

Когда Фёдор вернулся с вокзала, он пошел к директору и рассказал о случившемся. Директор очень расстроился и сказал, что существует большая вероятность того, что все это кончится плохо. Фёдор знал, что он ошибается редко.

— Фёдор Федорович, ситуация очень серьезная, почти уверен, что будут крупные неприятности не только у вас, но и у института. Вы, как и все праздновали в отделе? — Фёдор кивнул головой. — Поэтому в сложившейся ситуации я вынужден объявить вам выговор. Чтобы вы были не одиноки в этом, я также узнаю, в каких еще отделах праздновали, и объявлю этим начальникам отделов выговора. В случай чего это смягчит ваше наказание, когда этим вопросом займется следствие, так как вы уже раз наказаны. С другой стороны и мои действия будут истолкованы правильно, так как я как директор не должен проходить мимо таких фактов. А сейчас берите мою личную машину и постарайтесь сделать все возможное и невозможное, чтобы спасти себя.

— Спасибо, я постараюсь.

— Какие у вас отношения с его родителями?

— Очень хорошие.

— Ну, тогда есть хоть какая-то надежда.

Именно то, что у Фёдора были хорошие отношения с родителями и спасло его от суда. Они не стали предпринимать никаких действий по поводу привлечения к ответственности виновных, а милиции тоже не хотелось заводить лишнее уголовное дело, так как все это портило количественные показатели отчетности по уголовным делам.

Но Фёдор прекрасно знал, что его, в конце концов, вызовут в милицию для дачи показаний. Но случилось так, что следователь сам приехал в институт. Перед его приходом Фёдор пригласил в кабинет своего заместителя Алексея.

Следователь долго выяснял обстоятельства дела и заносил их в протокол, а потом задал вопрос, который не мог не задать.

— А где вы отмечали праздник?

— У нас в институте есть столовая, и, обычно, праздники мы отмечаем там, —

последовал ответ.

Следователь немного поколебался.

— Подпишите, пожалуйста, протокол, — сказал он, подавая его Фёдору. Он взял ручку, не читая подписал и подал следователю. Тот положил его в папку и распрощался.

— Алексей, проводи, пожалуйста, следователя до проходной.

— Ты знаешь, я чуть в штаны не наложил, когда ты сказал, что мы отмечали в столовой, — сказал он возвратившись.

— Нет, Алексей, я и ответил, и не ответил на поставленный вопрос, ведь я сказал «обычно». Следователь, конечно, все прекрасно понял, но, думаю, что ни в его интересах раздувать это дело.

Погуляли

Жизнь устроена так, что коль уже начались неприятности, так открывай ворота. Приближался Новый Год и, памятуя прежний праздник, его решили отметить в ресторане. Неподалеку от института был уютный ресторан «Родничок». Он находился недалеко от института в немногочисленном месте, там и решили собраться тридцатого декабря всем отделом. Решили пригласить на праздник и жен, хотя отдел был еще очень молод, и многие сотрудники были не женаты. Женщин в то время в отделе практически не было, Фёдор считал, что экспериментальная работа это не женское дело, поэтому в отделе было только две женщины, но и они были не замужем. Он позвонил Виктору и пригласил его с Тamarой прийти на вечер.

Намечалось очень веселое мероприятие, и к нему начали готовиться заранее. В отделе умели не только работать. Каждому участнику был приготовлен подарок, сделали много сувениров, сделали памятные медали. К тому времени Фёдор уже получил двухкомнатную квартиру, и она была расположена недалеко от ресторана. Дочери было шесть лет, и оставлять ее надолго одну было страшновато, поэтому Фёдор и Галина решили немного побыть в ресторане, а потом уйти домой.

Вечер удался на славу. Всем официантам и оркестру подарили сувениры, и они с душой обслуживали и играли. Были организованы различные игры, и уже через час весь ресторан превратился в единый веселый коллектив. Фёдор обратил внимание на то, что в углу стоял столик, за которым сидели четыре крепких парня. Они много пили и в общих мероприятиях участия не принимали.

Очень не хотелось уходить, но дома остался ребенок, и Фёдор с Галиной распрощались.

Прошло часа два, и в доме уже собирались ложиться спать, когда раздался стук в

дверь. На пороге стоял взволнованный Трубицын.

— В ресторане произошла драка, — с порога сказал он.

— Какая драка? — с недоумением спросил Фёдор.

— Ты знаешь нашего Томенко, когда он выпьет, его всегда на подвиги тянет. Так вот он пошел приставать к мужикам, которые в углу сидели. Почему не танцуете, да вы нас не уважаете. Те ему, мол, отвали черешня, а он опять. Тогда один встал и врезал ему. Ну, а что бывает, когда «наших бьют»? Кинулись наши ребята на помощь, но не тут - то было. Оказалось они не только на вид сбитые, их всего четверо было, но всем нам на орехи досталось. Жаль там тебя не было.

— Думаю не жаль, а очень кстати, ты мой характер знаешь, бойня бы началась, если верить твоим рассказам. Ведь сколько нас было, а сколько их?

— Я тебе ещё не всё сказал, у Чаркин весь глаз заплыл, а жене Виктора под глаз так врезали, что синяк пальца на три.

— Да ты что, ведь ей завтра на доску почета фотографироваться. Ну и ну!

— Но я не договорил, милиция приехала, те смылись, а наших забирать хотели, так благо официантки заступились, видать, они там все друг друга знают, потому и не забрали.

— Ой, Алексей, доиграемся мы с этими праздниками, говорят снаряд в одну и ту же воронку два раза не попадает, а тут два раза подряд. Завтра весь институт об этом знать будет.

Пожар

Чаркин почти месяц пролежал с сотрясением мозга. Пришло лето. Близилось время отпусков. В кабинет вбежал запыхавшийся Чаркин.

— Фёдор, что делать? Жена гладила белье, кто-то постучал, она вышла, а дверь за ней и захлопнулась.

— Но уют у тебя хоть с терморегулятором?

— В том - то и дело, что нет.

— Ну, хоть на подставке она его оставила?

— В том - то и дело, что не помнит.

— Да, дела плохи, но чем я могу помочь?

Чаркин жалобно смотрел на Фёдора и молчал.

Фёдор колебался. Но, немного подумав, наконец, сказал:

— Бежим.

Они выбежали из института, навстречу шла Галина. В то время она была в положении, и семья вот-вот ждала пополнения.

— Куда вы на ночь глядя? — удивилась она.

Фёдор только махнул рукой, и они побежали дальше.

Жил Чаркин рядом с институтом в девятиэтажном кирпичном доме, квартира находилась на шестом этаже. План был простой. Спуститься с балкона седьмого этажа на балкон шестого, а затем через форточку залезть в комнату. Трудность заключалась в том, что балконы были встроены в сам дом, но было и одно полезное обстоятельство. Балконы были широкие, и посреди балконов кроме ограждений была расположена вертикальная металлическая стойка, достающая до перекрытия верхнего балкона. По ней то и можно было спуститься с верхнего балкона на нижний.

Постучали в дверь верхней квартиры и объяснили ситуацию. Хозяйка охотно впустила их, открыла балкон. Фёдор посмотрел на Виктора. Глаза полные страха, бледное лицо. «Нет ему нельзя», — подумал Фёдор и начал перелезать через ограждения балкона. Посмотрел вниз, там растянув одеяло, стояли Галина и жена Виктора Людмила. «Вот чудачки, — подумал Фёдор, — как будто это одеяло спасет, когда вниз грохнусь».

Повиснув на руках, он начал нащупывать ногами стойку, но стойки не было. И тут он оказался примерно в таком положении, как когда-то Виктор на стене разрушенной церкви. И внизу опоры нет и пути вверх тоже. Вот тут он и понял, что пережил тогда Виктор. Ну, сколько времени можно повисеть на руках, ну, пять минут, ну, десять. Он уже когда-то пробовал держать в руке плоскогубцы, всё равно пожарные снять не успеют.

Мысль работала лихорадочно, адреналин рекой вливался в кровь.

«До самого последнего момента не считай положение потерянным!» — услышал он снова слова отца. «Я же промахнулся, стойка где-то слева или справа», и он начал, перхватываясь руками, сдвигаться вправо, и вдруг нога наткнулась на стойку.

Фёдор не упал и не сорвался, пожара в квартире Чаркиных не случилось, но Галину в ту же ночь забрала скорая, и наутро Фёдор был уже отцом двух дочерей. У Зайчика появилась сестричка Юля.

Госпожа Наполитано

Фёдор часто думал, что ему удалось родиться в самый интересный период развития человеческой цивилизации. Практически на его глазах произошли, пожалуй, самые интересные события, когда общество переходило от мракобесия феодализма к нормальному цивилизованному состоянию, когда научно-технический прогресс шагал

вперед семимильными шагами, когда буквально на его глазах сказка превращалась в быль. Учась еще в школе, он читал научно-популярную литературу о спутниках Земли, о полетах на другие планеты, и ему казалось, что все это несбыточная фантастика. Нет, и то, что он родился именно в это время, без провидения не обошлось. А разве без трудов этого самого провидения ехал бы он сейчас в этом поезде?

Стучали колеса, отбивая такты на стыках рельсов, вагон покачивало, а поезд все мчался и мчался на юг. Большой честью для института явилось то, что он получил пять приглашений на Международный астронавтический конгресс, который должен был состояться в Баку. В то время космонавтика достигла потрясающих успехов. Космос бороздили обитаемые станции, человек высадился на Луну, и его имя было так же хорошо известно, как и имя Гагарина. В числе делегатов 24-го Конгресса ехал и Фёдор.

Баку встретил их очень приветливо, на вокзале висел большой транспарант, приветствующий делегатов Конгресса. О масштабах приготовлений можно было судить по тому факту, что для его проведения в центре Баку специально построили дворец съездов имени Ленина. Число участников более двух тысяч тоже поражало.

Уже первое знакомство с программой Конгресса давало представление о масштабах происходящего. Целый раздел составляла ранее не известная программа Шатл, в соответствии с которой американцы собирались создать челнок многоразового действия для доставки на орбиту различных грузов. Эта программа тоже казалась фантастикой, так как сам челнок весил несколько десятков тонн, и его нужно было то забрасывать на орбиту, то возвращать обратно на Землю. Но люди в то время уже перестали чему-либо удивляться, все казалось достижимо, все возможно. Сейчас мы уже знаем, что программа «Шатл» была выполнена в срок, и что, отработав свой ресурс, шатлы перестали эксплуатироваться. Был даже случай, когда один из шатлов сгорел при посадке, погубив всю команду. Сейчас же заброска космонавтов на орбитальные станции осуществляется при помощи российских ракет, разработку которых начал ещё Королёв.

Предполагалась работа большого числа секций, начиная от проблемы полетов на Марс, и заканчивая поиском внеземных цивилизаций. Проблема «Карнавальная ночь» есть ли жизнь на Марсе, да и за компанию в других галактиках тоже стояла на повестке дня. Фёдор всегда относился к тем людям, для которых этот вопрос был очевиден. Если только в нашей галактике около ста миллиардов звезд, т. е. почти по десять звезд на каждого жителя Земли, то почему только вокруг Солнца вращаются планеты с живыми существами? Несомненно, и другие звезды имеют свои планеты, и там, конечно, может быть жизнь, или когда-то была. Единственным вопросом, который вызывает недоумение и даже страх есть вопрос о бесконечности вселенной и вопрос откуда все это взялось. Создал бог? Но тогда, кто создал бога. Если у вселенной есть конец, ну, например, стена,

то что находиться за этой стеной. Иногда Фёдор начинал пытаться представить себе эту самую бесконечность, эту грандиозность Вселенной, в которой уже сейчас люди могут видеть галактики, от которых свет летит до нас сто пятьдесят миллиардов лет. Нет, такие вещи не подвластны человеческому разуму, и когда о них начинаешь думать, становится страшно.

Для размещения участников Конгресса были предоставлены лучшие гостиницы города, и когда вечером собирались у кого-нибудь в номере, то хозяин спрашивал:

— Не пора ли нам поддать, — и все соглашались, что пора.

Расселение гостей производилось по интересной схеме, номера уже заранее были забронированы за гостями, и всех сотрудников института поселили в номера с незнакомыми делегатами. Фёдору попался, как он представился, сотрудник ГУКОСА, звали его Игорь. «Неужели здесь тоже полно осведомителей, такие уважаемые делегаты, и на тебе, — думал Фёдор, и сам себе ответил. — Конечно да». Не даром же ему в свое время пришлось стать лунатиком.

Жизнь Конгресса шла своим чередом. Фёдор удачно выступил со своим докладом и теперь ходил на другие секции ради удовлетворения любопытства. Он побывал на секции, где докладывался проект «Шатл». На секции по внеземным цивилизациям он узнал, что есть люди, которые думают как и он и считают, что жизнь очень распространенное во вселенной явление. Интересными были доклады, в которых докладчики пытались доказать, что на Земле уже были пришельцы из космоса.

Культурная программа тоже впечатляла. Приемы и фуршеты, осетрина в любых видах, чёрная икра и, конечно, спиртное, делали свое дело. Развязывались языки, завязывались откровенные беседы, делегаты делились адресами, приглашали друг друга в гости. «Неужели и здесь идет вербовка? — спрашивал себя Фёдор и сам себе отвечал. — Еще и как, а где же еще, как не здесь?»

Но самыми интересными мероприятиями были экскурсии. Программа была большой, и можно было выбирать.

Очень интересной оказалась экскурсия на Шамахинскую обсерваторию, она была расположена в горах, и туда нужно было добираться несколько часов по узким горным дорогам, и эта поездка была очень впечатляющей, особенно для людей, которые до этого времени не ездили по горным дорогам. Телескопов Фёдор тоже до этого времени никогда не видел, и эти великаны, обращенные своими зеркалами в небо, напоминали внеземные существа, задумчиво глядящие в будущее.

Но с некоторых пор Фёдор начал замечать некоторую особенность комплектации экскурсионных групп. Получалось так, что делегаты от Союза всегда ездили не в то время, когда возили иностранцев. Делалось это очень просто. При получении карточки на

экскурсию указывались номера автобусов, в какие нужно было садиться, но при посадке в автобусы никто эти карточки не проверял. И ему очень захотелось нарушить это правило. Фёдор поделился своими соображениями со своим партнером по номеру, и предложил на следующий день поехать на экскурсию с иностранцами. Его партнер долго колебался и сказал, что подумает. Утром он сказал, что согласен.

После того, как уехали автобусы с советскими делегатами, прошел почти час прежде, чем пришли автобусы за иностранцами. Это были комфортабельные автобусы и в никакое сравнение с теми, на которых возили наших делегатов, не шли. Фёдор и Игорь, сели в один из них.

Предполагалась экскурсия в винодельческий совхоз имени Ленина. Винные погреба поразили всех. Громадные бочки вместимостью в несколько тонн стояли по обе стороны громадного подвала. Экскурсовод рассказывала на английском языке, из ее рассказа Фёдор и Игорь поняли немного. Но вот один рассказ, который переводчица переводила со слов директора совхоза, запомнился. Директор рассказывал, что погреба существуют еще со времен Екатерины Второй, и что здесь в свое время служили лучшие дегустаторы России и Европы. Однажды во время посещения винных погребов высокопоставленными чиновниками между ними произошел спор о том, чьи дегустаторы лучше, русские или европейские. Прodeгустировали вино из одной из бочек, европеец сказал, что он слышит привкус железа, а русский сказал, что не только железа, но и вкус сыромятной кожи. Разбили бочку и там нашли железный ключ на сыромятном ремешке.

Позже Фёдор узнал, что программа посещения винных погребов для наших делегатов была такая же и им тоже рассказывали про сыромятный ремешок. Но вот дегустировать вино в совхозный клуб их не повезли.

В просторном зале совхозного клуба, которому мог позавидовать любой городской клуб, в виде буквы П стояли столы. Видно было, что хозяева не пожалели денег, чтобы удивить гостей. Посреди центральной части стола сидел господин Наполитано, президент Международного астронавтического общества, слева от него сидела его супруга, а справа -астронавт Стафорд, который побывал на Луне. Открыл заседание председатель совхоза, далее слова благодарности сказал господин Наполитано, и заседание началось. В конце правого крыла П-образного стола сосредоточилась очень немногочисленная рускоговорящая фракция, и очень скоро все уже чувствовали себя, как дома. Начались межрегиональные контакты, при которых одни приглашали в свою компанию других. Дегустация шла полным ходом. И тут Фёдора потянуло на подвиги.

— Игорь, пойду к жене Наполитано и возьму у нее автограф.

— Ох, Фёдор, я бы очень не советовал тебе это делать, нам же еще домой возвращаться.

Но ведь известно, кому море по колено? Фёдор встал и направился к центру стола.

Госпожа Наполитано вежливо согласилась, и спросила на чем написать автограф. И тут Фёдор понял, что дал маху, ни бумаги, ни блокнота у него не было. Он порылся в карманах, достал регистрационную карточку и подал ей. Та улыбнулась снова и попросила ручку, но ручки тоже не было. Тогда Фёдор подошел к Стафорду и попросил ручку. Тот достал ручку и подал. Красный, как рак, вернулся Фёдор на свою половину стола.

— Ну-ка, покажи? — обратился к нему Игорь.

На регистрационной карте, чуть ниже числа, месяца и года проведения Конгресса женским чётким почерком было написано: Liliana Napolitano.

Фёдор понимал, что теперь только от Игоря зависит вопрос о том, будут ли у него неприятности после возвращения домой.

Приложение № 6

Веркин был очень инициативным директором, он жил институтом и все свои силы отдавал ему. Он прекрасно, как и другие руководители командно - административной системы, понимал, что главным бичом этой системы является уравниловка, когда нет возможности поощрять материально за хорошую работу. Если на бюджете все сходило, что ни сделал, то и хорошо, все равно государство зарплату заплатит, то на хозрасчете нужны были конкретные результаты, да еще и в заданные сроки.

Для оборонных предприятий существовало так называемое шестое приложение, которое предусматривало не только высокую заработную плату, но и возможность прогрессивного премирования. Перед директором и стояла именно эта задача, добиться распространения этого приложения на подразделения, работающие на хозрасчете. В составе института уже существовало Специальное конструкторское бюро, которое по сути дела являлось межотраслевым НИИ физики низких температур и криогенной техники. Но вопрос о введении шестого приложения мог решить только Совет Министров СССР.

Говорят, что под лежащий камень вода не течет. И если хочешь какой-то вопрос решить, то этого нужно добиваться. Единственной возможностью решить поставленную задачу было получить поддержку такого человека, которому Совет Министров не смог бы отказать. В те годы все знали, что существует человек-легенда, который запустил первый спутник и запустил в космос первого космонавта. Но его фамилия нигде и никогда не упоминалась и была известна только очень узкому кругу людей, во всех же газетах его называли просто Генеральным конструктором. Это был Сергей Павлович Королёв.

Королёв трагически погиб в 1966 г. После его гибели конструкторское бюро в Подлипках, которое было разработчиком космических ракет и систем, стал тот самый Мишин, который вместе с Келдышем в своё время приезжал в институт. К нему и решил обратиться Веркин, тем более, что и сам институт был построен в значительной степени именно благодаря его поддержке, и для этой организации институт выполнял большой объём работ. В эту поездку директор взял с собой Фёдора.

В небольшом кабинете сидел невысокого роста человек. Он встал из - за стола и за руку поздоровался с гостями.

Беседа длилась не более получаса. Ставились конкретные вопросы, на которые давались конкретные ответы.

— Подготовьте письмо в Совет Министров, я его подпишу, — наконец сказал Мишин.

Это был нонсенс, так как ни одно академическое учреждение, а, тем более, какая-то его часть, не пользовалась такими привилегиями в СССР.

Чем отличалась Украинская академия наук от АН СССР

Мы часто произносим слово наука, но не все чётко представляют, что оно означает? Если отнести это слово к вопросам образования, то это означает изучение того, что уже известно. Но чаще всего это слово вызывает у нас ассоциации связанные с чем-то новым и неизведанным. Действительно в познавательном плане это изучение ранее неизвестных закономерностей природы и изучение самой природы. Но самые плодотворные плоды науки это применение этих законов для создания самых разнообразных сооружений, систем и технологий, облегчающих жизнь и труд человека, а также дающих ему возможность, защищаться от своих врагов. Под этим углом зрения и будем рассматривать науку в СССР, не касаясь той её части, которая касается образовательного процесса.

Принято считать, что за научно-технический прогресс в Союзе ответственность несла Академия наук СССР. Так ли это? Большие сомнения возникают, если проследить пути развития науки в СССР и роль самой АН СССР в этом процессе.

Вспомним 50-тые годы прошлого столетия, когда АН СССР была главным инициатором борьбы с генетиками и кибернетикой; вспомним лысенковщину; вспомним, как по указке сверху эта славная академия травила и преследовала учёных по политическим мотивам; вспомним как травили А. А. Власова, именем которого названы его известные уравнения. Или у многих память отшибло? Отшибло, но не у всех.

Академия наук СССР всегда по своей структуре и методам работы была копией КПСС, а её Президиум был таким же политбюро в науке, как и Политбюро ЦК КПСС. Если

рассмотреть структуру АН СССР, то она в точности соответствовала структуре КПСС. Были такие точно академии в союзных республиках, как и коммунистические партии в них. Конечно, при такой структуре все финансовые и кадровые бразды правления находились в руках Президиума АН СССР, и ни одно серьёзное кадровое назначение в союзных академиях не могло состояться без согласования с руководством АН СССР. При этом львиная доля финансирования оставалась в АН СССР, а союзным академиям оставались крохи. Но все хорошо знают, что Академия наук УССР при таком скудном финансировании добилась блестящих результатов. Это касается и охвата тематики и количества публикаций и мировой известности. А в некоторых вопросах, таких как сварка, кибернетика, физика и техника низких температур даже обогнала Союзную академию. Как же могло произойти, что при столь скудных возможностях были получены такие внушительные результаты? Ответ прост. Ни для кого не секрет, что самым наукоёмким сектором экономики является оборонная промышленность. В эту отрасль все состоятельные государства всегда вкладывали и лучшие мозги и значительные финансы. В СССР на это уходило до 70% всего бюджета. Поэтому при наличии наукоёмких разработок военного назначения можно было деньги взять отсюда. И АН УССР пошла по этому пути. Но что это означало. В оборонке за разговоры о величии и фундаментальности науки денег не платили. Нужно было давать товар, да ещё и с военной приёмкой. Это были каторжные годы для тех учреждений АН УССР, которые решились на это. Усугубляло положение решившихся и это и то, что АН УССР не давали тех фондов на спецобрудование, которые давали оборонным предприятиям. И вот в этих тяжелейших условиях люди в буквальном смысле слова надрывались, работая по 24 часа в сутки. Но сотрудники тех подразделений, которые выстоял, стали подобными тем гладиаторам, которые с царём Леонидом пошли на Фермопилы. Был у нас и свой бог, и звали его Борис Иеремиевич Веркин. Это он вдохновил и повёл нас на этот бой, и мы его выиграли. Но жил этот бог скромно и бедно в государственной двухкомнатной квартире. Вечно у него не хватало денег, и, сколько я помню, ходил он зимой в одной и той же потрепанной куртке. Но храм науки, который он построил, теперь носит его имя, мы гордимся этим и он для нас выше всяких богов.

В расцвете своих сил в Научно-техническом комплексе ФТИНТ АН УССР на бюджете работало всего около 700 человек, а СКТБ ФТИНТ АН УССР, в котором работало более 3000 сотрудников и в составе которого было опытное производство и опытный завод, работало на полном хозрасчёте. Эта организация играла роль межотраслевого НИИ по физике низких температур и криогенной технике в Союзе, а я в это время был уже заместителем директора СКТБ по научной работе. И я горжусь этим и горжусь тем, что мне довелось в своей жизни работать вместе с таким выдающимся организатором науки каким был Борис

Иеремиевич Веркин.

И не было в этом институте ни плембеев, ни патрициев, это был единый могучий коллектив, где все работали бок о бок. Очень многие хоздоговорные темы выполнялись совместными силами и участвовали в них, в том числе, и бюджетные подразделения. Зарплаты в СКТБ были очень высокие и ни в какое сравнение не шли с бюджетными, поэтому были нередки случаи, когда отдельные специалисты числились на ставках в СКТБ, а работали в бюджетном подразделении.

Приведу только один пример того духа, который царил в институте. Все в стране знают выдающегося геометра, лауреата Ленинской премии, академика Алексея Васильевича Погорелова, т.к. по его учебнику по геометрии учились все школьники страны. Но мало кто знает, что он закончил Военную академию им Говорова и был не только большим учёным, но и выдающимся конструктором. Именно он в СКТБ вёл тему по созданию электрогенератора большой мощности со сверхпроводящими обмотками. Вот такие люди были в наше время.

Приведу ещё два примера. Когда меня назначили на должность заместителя директора СКТБ, то у нас очень узким местом было опытное производство, т.к. оно часто не в состоянии было выполнять те конструкторские разработки, которые выполнялись в СКТБ. Анализ причин показал, что в большинстве случаев виной тому было низкое качество самих разработок. Многие молодые инженеры и конструкторы плохо были знакомы с технологией производства, и не представляли возможности станочного парка опытного производства. И тогда было принято решение, чтобы все инженеры и конструкторы освоили рабочие специальности и сдали экзамены на присвоение рабочих разрядов. Не могу сказать, что эти мероприятия были приняты с восторгом. Понимая щекотливость данной ситуации в правовом плане, поскольку принуждать никого к таким действиям мы не имели права, я первый сдал такой экзамен. И в трудовой книжке, вслед за записью о назначении меня на должность заместителя директора, имеется запись, что мне присвоен третий разряд токаря. Это мероприятие нам потом воздалось сторицей, т.к. конструируя изделия, разработчики учитывали возможность его изготовления на имеющемся оборудовании.

Второе обстоятельство подчеркну особо. Как только вышло решение, разрешающее создавать в составе учреждений и предприятий кооперативы, в СКТБ сразу же были созданы такие кооперативы. Это, с одной стороны, позволило расширить тематику, а, с другой, улучшить материальное положение сотрудников. И на поверку оказалось, что те коллективы, которые умели хорошо работать, стали очень хорошо зарабатывать.

Любая политическая система, тем более тоталитарная, накладывает свой отпечаток на все институты государства. Не обошла стороной командно-административная система СССР и науку. В Союзе была в ходу поговорка: «Без бумажки ты букашка, а с бумажкой

человек!» Представляете, сегодня вы были обычным инженером или аспирантом, а завтра проснулись, вы уже кандидат наук, а тем более доктор. Ничего не произошло ни с вашей квалификацией, не с уровнем знаний, но бумажка, заветная бумажка, у вас в кармане. И на вас совершенно по-другому смотрят и все окружающие, и ваше руководство. Он кандидат наук, он доктор наук, повторяет и вторит оглуплённая публика. А сколько бесполезного труда, сколько бумаги нужно истратить, чтобы написать диссертацию, которую потом никто читать не будет, а пополнит она и без того переполненные склады такой макулатуры. Так в чём же смысл такой системы квалификационной оценки тружеников науки. А спросите, в чём смысл командно-административной системы? А смысл этот заключается в максимальной бюрократизации системы управления, где чиновник и господин и судья.

Канула в лету командно-административная система СССР, но не канули в лету те бюрократические традиции, которые она после себя оставила, и ещё очень долго общество будет лихорадить это наследие.

Вы спросите, а где же выход, что вообще квалификационные каноны не нужны, не нужно защищать диссертации, не нужно присваивать учёные звания и степени, избирать академиков? Конечно, не нужно, всё это отголоски той, до крайности бюрократизированной системы армейского типа, которая существовала в СССР. Сотрудники, занятые в учебном процессе в школе и в вузах должны называться преподавателями, работающие в научных учреждениях научными сотрудниками, а в производственных подразделениях инженерами. Зарплата должна им назначаться администрацией учреждений с учётом их заслуг и стажа работы. Вот и всё и никаких головокружительных бюрократических скачков по административно-командной лестнице быть не должно, поскольку это почва для коррупции и злоупотреблений. Движение по служебной лестнице должно происходить плавно и спокойно и наличие бумажки не должно создавать авторитет.

Пусть бегут сверхпроводно электроны свободно!

После введения шестого приложения работать в СКТБ хотелось многим, хотя не каждый понимал, что такое хозрасчет в академическом учреждении. Мы уже говорили, что на начальном этапе освоения хозрасчета действовал принцип «кто выплывет», но многие и утонули. Отдел Фёдора выплыл не только благодаря тому, что он встретил Пешехонова, но в значительной степени и потому, что люди все-таки сумели выдержать нечеловеческие нагрузки. Но были отделы, которые и утонули. В частности отдел Дмириева не смог выполнить заключенные хоздоговора, и дирекция была вынуждена вернуть отдел на бюджет.

В Отделе криогенных резонансных систем, которым руководил Фёдор, была строгая

дисциплина, каждая группа в письменном виде составляла план работ на месяц, и он требовал неукоснительного выполнения этого плана. В конце каждой недели комиссия в составе всех руководителей групп обходила все помещения, замеченные недостатки записывались в журнал, и определялся срок их устранения. С целью повышения квалификации в отделе работал еженедельный семинар, на котором все инженеры должны были поочерёдно докладывать наиболее актуальные новые публикации по их тематике.

В отделе была своя библиотека, в которой были собраны все новые публикации по тематике отдела. Такой подход давал возможность отбирать наиболее работоспособные кадры, и сотрудники, которые умели или хотели работать, оставались в отделе. В любом коллективе всегда и везде есть недовольные, и чем выше требования, тем больше недовольных. Но бороться с недовольными административными методами это все равно, что бороться с ветряными мельницами. Если начинаешь загонять в угол человека только потому, что ты начальник, то тебя будут бояться, но уважать уж точно не будут. Пример Дмитренко лучшее тому доказательство.

По результатам работы за год отдел всегда занимал призовые места.

Но большие успехи порождают и большие трудности, причем порой самые неожиданные. В институт часто приезжали различные высокопоставленные гости, и их всегда вели в лучшие отделы. Но каждый показ это, прежде всего время, которого всегда не хватало. Недоволен был и Фёдор, недоволен был и коллектив. Но если он воспринимал это как неизбежное зло, которое приносило и пользу, то у руководителей групп эти посещения вызывали полное неприятие. Ведь в хоздоговорах нельзя учесть эту непроизводительную трату времени.

В отделе регулярно выходила стенная газета, делалась она при участии всего коллектива, причем со стороны руководства отдела не было никакой цензуры, и сам Фёдор узнавал о содержании газеты только после ее выхода. Он был сторонником древовидной системы управления, когда у каждого начальника в непосредственном подчинении находится не более четырех - восьми человек. Как начальник отдела он не мог доходить до каждого сотрудника, которых в отделе уже было более пятидесяти, он никогда не давал распоряжения через голову непосредственного руководителя группы. В этих условиях стенная газета как раз и была выразителем общественного мнения, и давала возможность судить о существующих в отделе настроениях, конечно, такой орган был и рупором оппозиции, которая всегда существовала в отделе.

Насколько надоели всем частые посещения, можно было судить из одного достаточно ядовитого стиха, который появился в одной из стенных газет. Начинался он так:

Пусть бегут сверхпроводно

Электроны свободно
По скин-слою и глубже рекой,
И неясно проходим
В этот день непогожий,
Почему же я грустный такой.

Далее в том же стиле описывались все беды и трудности, связанные с посещениями, и заканчивался стих словами:

Из отдела я уйду,
Потому что посещений много раз в году.

В отделе работал очень способный и интеллигентный инженер Петя Адамович, но по своему складу характера он был оппозиционером, есть такие люди от природы.

Фёдор понял, что это сигнал, пройти мимо которого он как руководитель не имеет права. Конечно, против автора стиха он никаких мер предпринимать не стал, но на очередном собрании коллектива отдела стих прокомментировал. Сказав, что полностью согласен с тем, что для отдела это большая дополнительная нагрузка, но в то же время этот фактор приносит отделу и много пользы, потому что только лучшие отделы часто посещают. Но лучшим отделам дают и лучшую премию, которая в отделе всегда самая высокая в СКТБ. Затем он предложил провести тайное голосование и ответить на один из вопросов. «Вы за высокую премию» или «Вы против частых посещений». Мы даем возможность читателю самому догадаться, какой ответ поддержало большинство сотрудников отдела.

Да, сильная власть всегда находится под огнем критики, такую власть не любит большая часть общества, но парадокс заключается в том, что у общества, у которого нет сильной власти, нет ни нормального настоящего, ни надежного будущего.

Конечно, разработка сверхпроводящего гироскопа давала хорошее финансирование, но все-таки это была однобокая тематика, которая к криогенной электронике прямого отношения не имела. Вся электроника в этой теме сводилась к созданию вспомогательных радиотехнических систем обеспечения. Нужно было искать тематику не только с хорошим денежным, но и радиоэлектронным наполнением, соответствующим основному тематическому направлению отдела и квалификации его специалистов.

Однажды в отдел прибыл в командировку подтянутый военный в чине полковника. Это был сотрудник военного НИИ (в/ч 60130), который занимался разработкой систем

связи для военно-морского флота. Он обрисовал проблемы, которые имели место в этой области, и сказал, что некоторые из них, как он считает, можно решить только с помощью использования явления сверхпроводимости. Чувствовалось, что это эрудированный и знающий специалист. Есть люди, которые умеют расположить к себе и умеют убеждать. Именно таким был Юрий Александрович Иванов, он заведовал отделом электромагнитной совместимости в указанном НИИ.

Действительно, то, что он предлагал, выглядело очень заманчиво. Если на входе приемника поставить узкополосный сверхпроводящий перестраиваемый фильтр (преселектор) с полосой пропускания всего лишь в несколько сотен герц, то можно избавиться от большого количества помех, которые создают собственные передатчики на кораблях радиоуправления. Этот вопрос в то время не был решен ни у нас, ни за рубежом, и Фёдор решил взяться за эту проблему.

С представителем НИИ договорились, что они в ближайшее время подготовят и вышлют в адрес института техническое задание по данной проблеме. Так появилась в отделе новая перспективная тематика.

Открытие нового направления всегда связано с существенными трудностями. Поскольку кадры всегда и везде решают все, то, в первую очередь, нужно было найти кандидатуру руководителя нового направления и укомплектовать его кадрами, выделить помещения, заказать оборудование. Но решение таких организационных вопросов всегда наталкивается, прежде всего, на человеческий фактор. Большинство людей по своей натуре консерваторы, им всегда больше нравится двигаться по уже проторенной дороге, да это и понятно. Другим не хочется уступать свои производственные площади. Треть начинают думать, что может появиться конкурент, который отнимет лидерство, и так далее. Но для того и существует руководитель, который должен взвесить все за и против, обсудить вопрос с ведущими специалистами отдела и принять решение. И, коль уж решение принято, то уметь его выполнить.

Ломать уже сложившиеся группы Фёдор не стал, а пригласил человека со стороны, получив при этом хорошие отзывы о нем от своих знакомых. Первое впечатление от знакомства с Владимиром Васильевичем Орейничем не было положительным. Чувствовалась какая-то застенчивость и даже неуверенность, но ответы на профессиональные вопросы были грамотными.

Поколебавшись немного, Фёдор решил взять его на работу, и сразу назначил руководителем группы, дав возможность самому набирать себе сотрудников. Он видел, как у Владимира загорелись глаза.

Крейсер «Жданов»

Трудно представить все неурядицы и трудности при постановке нового направления, да это заказчика и не интересует. Его интересует сухой остаток. Другими словами выполнено ли техническое задание. Но техническое задание на поисковую научно-исследовательскую работу иногда писалось так, что после завершения работы никто сразу не мог определить, получен ли ожидаемый результат или нет. Читатель спросит, что же это за такая работа, на которую потрачено уйму государственных денег, а результат непонятно какой.

Мы уже сказали, что Иванов рассказал о проблемах связи в военноморском флоте и предложил взяться за разработку связной системы, дающей возможность избавиться от помех собственных передатчиков на кораблях радиоуправления. Для этого необходимо было создать перестраиваемые сверхпроводящие резонансные системы, которые осуществляли бы узкополосную селекцию сразу по входу приёмника. Проблема была не из простых, т.к. требовалась чрезвычайно точная и быстрая настройка. Проблема осложнялась ещё и тем, что необходимо было создать гелиевые криостаты, обеспечивающие работу системы на весь срок плавания. Фёдор долго не соглашался взяться за такую работу, т.к. понимал всю сложность поставленных задач. Тогда и договорились написать техническое задание на НИР с неопределённым результатом.

Сверхсекретная аппаратура предназначалась для установки на флагмане Черноморского флота крейсере «Жданов», на котором находится все командование во время походов или боевых действий. Главной задачей флагмана является координация действий всех боевых единиц, которая осуществляется посредством радиосвязи. При этом возникают самые различные задачи. Очень часто необходимо иметь одновременную двухстороннюю (дуплексную) или многостороннюю связь со всеми кораблями. Но это в то время было невозможно. Основная трудность заключалась в том, что при одновременном включении на корабле высокочувствительных приемников и мощных передатчиков передатчики глушили свои же приемники. Выход был только один, нужно было в несколько тысяч раз увеличить избирательность по входу приемника, и не дать возможности мощному сигналу передатчика, создающему помехи, прорваться на гетеродин приемника.

Испытать созданную аппаратуру можно было только непосредственно на самом флагмане, который в то время находился в Средиземном море. То были очень трудные времена для Черноморского флота, когда корабли уходили на многие месяцы в Средиземное море и там лицом к лицу встречались с флотом США. Вот тогда то и поняли, что не только хорошее вооружение

необходимо кораблям. Оказалось, что на кораблях должны обеспечиваться элементарные нормы гигиены, моряки в условиях похода должны хотя бы раз в неделю принимать душ. А для этого нужна пресная вода, запасы которой на корабле ограничены, да и душевых тоже не было. Казалось бы, мелочь, а из-за этой мелочи корабли просто долго не могли находиться в плавании.

Возвращение в Севастополь крейсера «Жданов» ожидалось на конец апреля, и именно к этому сроку туда должна была быть доставлена сверхсекретная аппаратура, разработанная в отделе. К этому времени уже состоялась группа во главе с Орейничем, он оказался не только прекрасным специалистом, но и хорошим организатором. Говорят, что если вы видите на трибуне человека, который не обладает высокими ораторскими способностями, не обращайтесь на это внимание, а лучше спросите, какую он получает зарплату.

Не будем описывать здесь все трудности доставки в Севастополь криогенных электронных систем, заправленных жидким гелием, оставим этот вопрос на суд специалистов. Но, так или иначе, к назначенному сроку указанное оборудование ждало прибытия флагмана в Севастопле. И Фёдор, и сотрудники отдела никогда не бывали на военных кораблях, тем более, на таких, и все с нетерпением ждали его прибытия. В военном флоте существует правило, что только очень ограниченный круг командования знает время ухода и возвращения кораблей или подводных лодок. Делается это в целях секретности. Уходя утром на службу, морской офицер не знает, вернется ли он домой сегодня, или через пол года.

Прождали крейсер целую неделю, а его все не было. Погода была холодная, купаться было рано, от непривычной скуки спасала только канистра спирта, которую случайно захватили с собой. Фёдор сильно простудился. Кашель и высокая температура донимали. Пробовали его лечить спиртом, но и это не помогало. Наконец, он пошел в больницу, и врач назначил ему антибиотики и банки. Это приносило облегчение, но не надолго.

Прошло еще несколько дней и, наконец, проснувшись утром и выйдя на набережную, все увидели вдали приближающийся военный корабль. Крейсер приближался и приближался, наконец, он начал медленно разворачиваться и стал на рейде на якорь. Да, такого красавца ребята еще никогда не видели. Длина его составляла около трехсот метров, три пушки главного калибра, расположенные в башне, грозно смотрели в море. Вдоль борта были расположены бортовые пушки меньшего калибра. Даже издали было видно большое количество различных антенн на палубных надстройках.

Два дня ушло на согласование вопросов перевозки оборудования на крейсер. К этому времени Фёдор уже начал выздоравливать, но температура еще держалась.

Командир БЧ-4

Трудно было передать волнение ребят, когда с крейсера прибыл специальный катер, и моряки в белых матросских робах начали грузить оборудование. Фёдор трудно представлял себе, как матросы будут переносить громоздкие криостаты на борт крейсера по узкому трапу, когда катер подошел к борту крейсера. Но вопрос оказался очень простым. Башенный кран, который был смонтирован прямо на палубе, зацепил крюками троса катер и поднял его на борт со всем оборудованием и пассажирами.

В военном порту и на военных кораблях без специального разрешения фотографировать запрещено. Но, не смотря на это, Фёдор распорядился взять с собой фотоаппарат. Хотелось по прибытии показать в институте эти кадры.

На испытания прибыл и Иванов. Видно было, что он не первый раз на крейсере. Оказалось, что он хорошо знаком с командиром БЧ - 4 (так называется на кораблях служба связи), капитаном первого ранга Фищуком, которому и представил Фёдора и его сотрудников. Фищук оказался очень доброжелательным и общительным человеком.

— Ну, что ж, спасайте нас, — в шутку сказал он.

Сотрудников Фёдора и его самого разместили в каюте на юте рядом с бортовой пушкой. Тем временем Юрий Александрович получил талоны на питание в офицерской столовой, и все отправились на обед. Кормят моряков четыре раза, утром и вечером чай и хлеб с маслом, а в середине дня два обеда с перерывом между ними примерно в четыре часа. Офицеры питаются в столовой, моряков кормят бочковые. Это моряки, которые в бочонках разносят еду в специально выделенные места, где моряки и питаются.

Еще одной особенностью жизни на военном корабле является то, что во всех каютах, рубках и на верхней палубе установлены громкоговорители. Все команды, распоряжения и любая другая информация передается по этим громкоговорителям, причем выключить громкоговорители нельзя.

Вечером все собрались в каюте у Фёдора, пригласили на чашку чая и командира БЧ - 4. И тут выяснилось, что Фищук очень веселый человек и хороший рассказчик. После первых 100 граммов все уже чувствовали себя как дома, и он начал рассказывать различные морские истории,

— В самом начале службы служить мне довелось на малом противолодочном корабле, — начал он улыбаясь. — А в то время только начинали создавать ракетные комплексы, и наш корабль определили как экспериментальный для испытания ракет типа земля-земля.

— Какая земля-земля, если вы в море стрелять должны? — перебил кто-то из слушателей.

— Ну, считайте море-море, не в этом суть. Суть в том, как эти испытания проходились. Все это было такое несовершенное, что даже до сих пор страх берет. Помню, привезли на испытание какую-то спецракету с самонаведением. Смонтировали пусковую установку на палубе, зарядили ракету, начали пускать, а она не летит. Расстелили они на палубе свои схемы и начали разбираться, в чем дело. Один говорит одно, другой другое. Спорили, спорили, наконец, решили, что какое-то реле неисправно. Поставили новое, включили, а из реле дым идет. А ракета стояла, стояла, а потом как заревёт и ушла со станка. Тот, кто ставил реле, кричит: «Мы же реле перепутали!» — и дерг его из разъема. «Ох, черт, — кричит, — пальцы обжог!» А другой ему: «Хрен с ними, с твоими пальцами, ты в небо посмотри!» Подняли мы головы, а она разворачивается и прямо на нас прёт. Тот, который с осмаленными пальцами как закричит: «Она же с самонаведением! Спасайся, кто как может!» и все за борт попрыгали. А капитан с перепуга полный вперед дал, корабль даже присел. Мы так все на палубу и попадали. А она, зараза, прямо на нас прёт. Он право руля он лево, а ей все по барабану, и по правому борту как ухнет, слава богу, что в воду. Волной чуть корабль не перевернуло, а нас всех за борт смыло. Целый час нас и ракетчиков в море вылавливали.

— Так это же байки! — расхохотался Фёдор.

— Ничего себе байки? до сих пор на левое ухо плохо слышу.

— А почему на левое? ведь ракета по правому борту ухнула.

— В том-то и дело, что когда капитан полный газ дал, так корабль так рвануло, что мы все головой к корме упали.

Все покатывались от смеха, хоть и понимали, что корабль как автомобиль с места рвануть не может. Мищук тоже смеялся от души, понимая, что перестарался.

— А то еще случай был уже на нашем крейсере. Палили как-то из главного калибра, от залпа крейсер на пол метра в воду садиться. А правила такие. После последнего залпа заряжающий должен доложить, что стрельба окончена и в стволах снарядов нет. Должны мы были по программе стрельб произвести три выстрела по очереди.

— А почему не сразу, ведь пушки то три?

— Э, сразу нельзя, башню сорвет, ведь калибр то 200, один только снаряд больше ста килограммов весит.

— А как же заряжающий один его зарядить может?

— В том то и дело, что имеется специальный транспортер, который снаряд со склада доставляет и пушку заряжает.

— Ну, и что же дальше?

— Так вот, произвели третий залп, заряжающий докладывает: «Стрельбу закончил, в стволе первого орудия снаряд». Но путтту заряженной оставлять нельзя, и снаряд обратно

не вытащишь. Что делать, ведь по программе стрельб всего три выстрела. Думал, думал командир и дает команду: «Из первого орудия огонь и закончить стрельбу». Гахнули ещё раз и заряжающий опять докладывает: «Стрельбу закончил, в стволе второго орудия снаряд». Не выдержал капитан, и на весь крейсер заряжающего обматерил. Но снаряд то в стволе оставлять нельзя. Он опять: «Из второго орудия огонь и закончить стрельбу». Пальнули опять, а заряжающий докладывает: «Стрельбу закончил, в стволе третьего орудия снаряд». Капитана чуть кандрашка не хватила, а тут еще радиограмма из центра: «Почему нарушаете регламент стрельб? В обстреливаемый квадрат вошло гражданское судно». Капитан кричит боцману: «Беги в башню, я вам всем за такие дела яйца оторву». «А мне за что, — кричит боцман, — это командиру БЧ - 2». «И ему тоже, оторву!» Боцман только на палубу выскочил, а капитан ему вслед по громкоговорящей связи кричит: «Если из третьего орудия огонь будет, так я вас всех кончу!» Но заряжающий первого слова не расслышал, но четко услышал «из третьего орудия огонь», и пальнул третий раз.

Все покатывались от смеха.

— Так что, вы, наверное, и гражданский корабль потопили? — держась за живот, спросил Юрий Александрович.

— Чуть не подбили, корабль то болгарским оказался. Пришлось улаживать скандал по дипломатическим каналам.

— Ну, а что же дальше произошло?

— Что, что? Боцман только на палубу выскочил, а тут главный калибр гахнул, так боцмана и контузило, до сих пор заикается.

— А снаряды как в стволы попадали?

— Да транспортер был неисправен.

Мишук говорил совершенно серьезно, но было совершенно непонятно, правду он говорит или шутит.

Хохот в каюте стоял такой, что сотрясались стены. Но все все-таки решили пообщаться с боцманом на предмет заикания. Потом оказалось, что боцман действительно заикается. Так до самого отъезда и не выяснилось, действительно ли чуть болгарский корабль не подбили.

Рассказывал Мишук и очень интересные вещи о пребывании Черноморского флота в Средиземном море, где наш флот лицом к лицу встретился с американским.

— Кстати, — заметил он, — а знаете Фёдор Фёдорович, почему у вас кровать длиннее чем у других?

Все посмотрели на кровать, и действительно она была длиннее, чем остальные.

— И к чему бы это, — удивился Фёдор, — неужели и здесь испытания спецракет

проводили?

— Да нет. Рост нашего министра обороны маршала Гречко под два метра, и когда он выходил на нашем крейсере инспектировать флот в Средиземном море, специально для него и удлинили кровать.

— Ничего себе, — удивился Фёдор.

— Так вот, у нас в то время авианосцев еще не было, только недавно был построен авианесущий корабль «Москва», на котором базируются самолеты с вертикальным взлетом. Представляете, в нескольких километрах от нас находится американский авианосец, причем наш крейсер по сравнению с ним мошка, и вот ночью начинаются учения. Они это делали, чтобы показать нам свое превосходство, но действительно это впечатляет. Когда объявляется боевая тревога, все огни на авианосце гаснут. И вдруг мы слышим, что с него начинают взлетать самолеты, через некоторое время слышим, что самолеты не только взлетают, но и садятся. И все это в кромешной тьме. Затем на самолетах включаются огни, и видно несколько огней, приближающихся к авианосцу и несколько удаляющихся, но самого авианосца не видно. Создается впечатление, как будто самолеты просто падают в море и через некоторое время оттуда взлетают.

А стрельбы подождут!

На следующий день начались испытания. Нужно было провести большой объем исследований в разных режимах, с разными приемными комплексами, в разное время суток. Работать всем было не привыкать. Трудились в две смены по два человека. Через неделю уже можно было судить о первых результатах. Помехозащищенность связных систем возростала более чем на два порядка. Приемники надежно работали во время работы собственных передатчиков. Когда об этом доложили Фищуку, он не поверил, и сам несколько часов подряд проверял полученные результаты.

— Невероятно, — наконец сказал он, — Так что же выходит, у нас теперь будет дуплексная связь со всеми кораблями одновременно? Вот это да! Мы удивлялись их самолетам, а они теперь будут удивляться нашей связи. То-то голову поломают, как мы этого достигли! Вот теперь мы их зачешем!

— Им и в голову не придёт, что здесь криогенная техника работает, — добавил Юрий Александрович.

Настроение у всех было приподнятое, и Фёдор понял, что сейчас как раз то время, чтобы попросить разрешения сделать на корабле снимки.

— Валяйте, — весело сказал Фищук, — только на глаза капитану с фотоаппаратом не попадайтесь.

Близилось время отъезда, как вдруг, совершенно неожиданно, все услышали команду сниматься с якоря. Уже вечерело, загрели якорные цепи. Не успел крейсер сняться с якоря, как объявили учебную боевую тревогу. Это означало, что все должны задраться в своих боевых рубках, выходить оттуда до особого распоряжения запрещалось. Фёдору и его сотрудникам повезло, так как жили они на верхней палубе в каютах, двери которых не задривались и они свободно могли наблюдать все, что происходит на корабле.

Вскоре проследовала команда навести бортовые орудия на Севастопольский маяк.

— Неужели по маяку палить будут, — подумал Фёдор.

Но по маяку палить не стали, и крейсер вышел в открытое море. Вскоре стало совсем темно, кругом ни огонька, начался дождь, ветер усиливался. Ребята заперлись в каюте и начали обсуждать результаты испытаний. Было ясно, что у них в руках целое новое научно-техническое направление, со всеми вытекающими последствиями. Судьба улыбнулась отделу во второй раз. В канистре оставалось еще немного спирта, и его решили допить. Позвали Юрия Александровича. В это время по громкоговорителю прошла команда: «Спасательной команде построиться ют правый борт», и всем стало интересно, что это означает. Все вышли на палубу. Темно, хоть глаза выколи, сильный ветер и идет дождь, крейсер прилично качает. Восемь моряков в спасательных желетах выстроились около палубной надстройки.

— А что им предстоит делать? — спросил кто-то у Юрия Александровича.

— Видите, вон на кронштейнах висит спасательная шлюпка, в нее и предстоит прыгать спасателям, а потом шлюпку опустят в море.

Фёдор посмотрел на кронштейны, на них на тросах качалась шлюпка, в темноте были видны только ее контуры, она висела немного ниже палубы на расстоянии около метра от борта крейсера.

— А если кто-нибудь промахнется или поскользнется, ведь скользко же?

— Если кто-нибудь промахнется, то это почти верная смерть, так как крейсер сразу не остановишь и поэтому найти человека ночью во время шторма почти невозможно. Вы ведь знаете, что родные военнослужащих иногда получают официальные письма, в которых сообщается о гибели при исполнении служебных обязанностей. Но спасательная команда это очень тренированные моряки, берут туда лучших, и они проходят специальную программу подготовки. И, как бы, в доказательство этих слов моряки начали прыгать в шлюпку. Крейсер качало, шлюпка тоже сильно качалась на тросах, но матросы как тренированные кошки бесстрашно прыгали в темноту. Под сильным впечатлением от увиденного все вернулись в каюту.

— Давайте выпьем за море и за моряков, — предложил Фёдор.

Ветер крепчал, качка усиливалась, и вскоре все почувствовали, что их укачивает. И вот тут-то все поняли, что во время качки нельзя употреблять спиртное. К утру все чувствовали себя ужасно. Голова шла кругом, все время тошнило. Утром пришел Фищук, в утешение сказал, что все новички болеют морской болезнью, и что крейсер идет на патрулирование полигона по обеспечению ракетных стрельб.

Где-то к обеду ветер начал стихать, выглянуло солнце, ребята повеселели. Но тут, как будто громадным молотом, кто-то грохнул по стенке каюты. Все выбежали наружу. Около бортовой пушки стоял боевой расчет, а рядом на палубе валялась дымящаяся гильза от снаряда, а моряки заряжали в орудие следующий снаряд. Всем велели закрыть уши пальцами, и пушка выстрелила вторично.

Конечно, всем это все очень нравилось. Где бы еще довелось побывать на военном корабле, посмотреть, как стреляют из орудия, побывать на боевом дежурстве.

Крейсер все время двигался по периметру заданного квадрата, примерно каждые пол часа меняя курс. К концу дня вдруг все увидели, что впереди по курсу прямо в охраняемый квадрат движется гражданское судно, крейсер прибавил ход и вскоре был недалеко от нарушителя. По мощному громкоговорителю на английском языке последовало предупреждение, но судно не меняло курс. Все разглядели на борту название судна «Wagna». Опять последовало предупреждение, и опять никакой реакции. Судно продолжало идти тем же курсом. Фёдор обратился с вопросом к Юрию Александровичу.

— Обычная история, ведь мы находимся в нейтральных водах, у капитана нет никакого желания менять курс и опаздывать в пункт назначения. В то же время он прекрасно понимает, что никто стрелять не будет, пока он находится в опасном квадрате. Думаю, что наш капитан уже сообщил в штаб о сложившейся ситуации, теперь мы будем это судно сопровождать до тех пор, пока он не выйдет из опасной зоны.

И, действительно, крейсер изменил курс и смиренно поплелся за нарушителем.

— Ну, а стрельбы как же?

— А стрельбы подождут.

И я уверен, если что-нибудь!

Все с нетерпением ждали возвращения домой. Но нужно было еще отправить назад оборудование, а для этого должны были прийти грузовые машины. Пришлось немного задержаться, и это дало возможность участникам испытаний увидеть первый советский авианосец «Москва». Проснувшись утром на второй день по прибытии в Севастополь, и

выйдя на палубу, все увидели громадный корабль, который стоял на рейде недалеко от крейсера. Хорошо была видна взлетная полоса, на обрубленном носу красовалась эмблема в виде орла с распростертыми крыльями. Фёдор не стал говорить другим, но ему показалось, что эмблема чем-то напоминает орел на фашистских штандартах. Эту же точку зрения в последующем подтвердил и Фищук, морякам эмблема не нравилась.

Всем очень хотелось посмотреть, как взлетают с авианосца самолеты, но такой возможности так и не представилось. Юрий Александрович объяснил, что процесс освоения любого, а тем более такого корабля, длительный, и не следует рассчитывать на то, что в ближайшее время начнутся испытания палубной авиации.

Напоследок пришлось понаблюдать и то, как моряков отпускают в увольнение. На палубе недалеко от башни главного калибра в строю стояло человек тридцать моряков. Начался осмотр, после которого в строю осталась примерно только половина, причины придирки были самые нелепые: у одного пуговицы плохо начищены, у другого ботинки плохо блестят, у третьего воротничок не белоснежный. После осмотра оставшихся заставили маршировать, и тоже еще нескольких моряков отсеяли.

— Бедные, бедные, — подумал Фёдор, — такая служба, а как в увольнение, так вон как.

И, как бы читая его мысли, Фищук сказал:

— Это еще ничего, а то бывает и всех завернут. Но как строго не отбирай, практически не было еще такого случая, что бы кто-то в комендатуру не попал, или выпивши не вернулся.

— Кто молодым не были, тот не хулиганил, на то и молодость, — улыбаясь, заметил Фёдор.

В институте всех встречали как победителей, и Фёдор решил еще раз нарушить режим секретности. Через день по прибытии на стене против его кабинета висел громадный фотомонтаж. Сверху по всей его длине было написано: «И я уверен, если что-нибудь, мне бросят круг спасательный матросы!». А ниже висели фотографии, где на фоне главного калибра около криостатов стояли моряки в белых робах, причем видны были даже их служебные номера.

Было еще множество фотографий, сделанных в радиорубках, на палубе. На одних фотографиях матросы спускали по трапам криостаты



на других выливали на палубу неизрасходованный жидкий азот, и клубы белого пара застилали палубу. Были виды Севастополя, и, конечно же, на практически всех снимках были и сотрудники отдела.



Смотреть фотомонтаж приходил весь институт, Конечно, Фёдор понимал, что это серьезное нарушение режима секретности, и, по всей вероятности, его могут наказать, но он также понимал, что это сильно поднимет авторитет отдела и его сотрудников в глазах всего института. Он ждал реакции режимных служб.

Наконец, пришел смотреть фотомонтаж заместитель директора по режиму Репка. Он долго рассматривал фотографии, и на его лице все время светилась улыбка. Затем он зашел в кабинет к Фёдору.

— Ты знаешь, я как будто на тридцать лет помолодел, я ведь тоже во время войны служил в морской пехоте. Знаешь, как моряки шли в атаку? Снимали каски и надевали бескозырки, фашисты нас черной смертью называли. Молодец, что сделал такой фотомонтаж, это для всех большая польза. Пускай все знают, что может наш институт. Ко мне уже приходили некоторые и доказывали, что ты разглашаешь секретные данные. Яим сказал, где это написано, что достижения науки не могут использоваться для целей обороны.

— Владимир Васильевич, большое вам спасибо за поддержку, я, правду сказать, долго думал - делать это или не делать.

Кому давали ордена?

Было совершенно ясно, что решение проблемы сверхпроводящего гироскопа упирается в одну неразрешимую проблему. Будучи в ЦНИИ Электроприбор все видели, что для создания берилиевых пустотелых шаров было создано целое производство. Но для создания гироскопа нужен был пустотелый ниобиевый шар. Ниобий хоть и не ядовит, но очень плохо обрабатывается, более того температура плавления у него почти как у вольфрама. Так что, нужно было отказываться от этой идеи? Наверное, другой бы это и сделал. Но у Фёдора была одна очень нужная для дела черта, он был упрям. И его упрямство иногда доходило до фанатизма. Все говорили ему: «Мы эту задачу не решим», а он отвечал: «Плох тот солдат, который не хочет стать генералом». Его убеждали: «Нет в Союзе технологии создания таких сфер», а он отвечал: «Если бы была, так и вопроса бы не было». Его пугали: «Взять эту тему означает гибель для отдела», а он отвечал: «До самого последнего момента не считайте положение потерянным». Ему говорили: «Ты нас своими афоризмами задолбал», а он отвечал: «Так меня так учили».

Если чего-то очень хочется, то, оказывается, что это сделать можно, если даже

все убеждены, что это сделать нельзя, нужно только очень, очень захотеть. Отделу нужна была эта тема, очень нужна. С ЦНИИ Электроприбор была заключена поисковая НИР, т. е. работа по исследованию возможности создания такого устройства. Результат работы мог быть и положительным и отрицательным и деньги бы все равно за неё заплатили. Но не хотелось терять попусту несколько лет работы отдела только ради денег. И Фёдор продолжал искать. Он внимательно изучал все публикации, касающиеся технологии и исследования сверхпроводящих свойств ниобиевых поверхностей. Оказалось, что далеко недостаточно изготовить только пустотелую сферу, а для получения необходимых сверхпроводящих свойств ее еще необходимо и отжечь в сверхвысоком вакууме при температуре около 2000 градусов.

У Фёдора начали опускаться руки. Но он твердил и твердил слова, которые ему часто говорил отец. И, в конце концов, где-то впереди загорелся маленький огонек. Ему встретилась публикация немецких авторов из ГДР, в которой сообщалось об исследовании свойств ниобиевых поверхностей отожженных в высоком вакууме. По публикации было видно, что работа выполнена очень квалифицированно. Это вселяло надежду. Но Германия далеко, и туда добраться непросто, тем более поручить изготовление каких-то там шаров. Тем более все контакты даже с народно - демократическими республиками были совсем непростым делом. И Фёдор понял, что единственным человеком, которому по плечу решение этого вопроса, является директор.

В приемной директора всегда было полно народу, даже начальники отделов ждали приема часами, а иногда и днями, таковы были принципы командно - административной системы. Фёдор позвонил секретарю и попросил доложить директору, и уже через пол часа он сидел в его кабинете. О результатах севастопольских испытаний он ему уже докладывал, и директор был в хорошем расположении духа. Тот вопрос, который сразу задал он, ошарашил:

— Фёдор Федорович, Вы почему до сих пор не в партии?

От неожиданности Фёдор даже опешил, но сразу же нашелся.

— Я еще не готов поступать в эту организацию, — последовал ответ с явным ударением на последних двух словах, — а что это так важно?

— Очень важно, и не столько для вас, как для того коллектива, которым вы руководите, ведь дорогу дают в первую очередь членам партии. Мы недавно представляли вас к награждению орденом «Трудового красного знамени» так райком партии вашу кандидатуру не утвердил.

— Борис Еремеевич, я к вам пришел по совершенно другому вопросу, — и Фёдор начал излагать свои соображения.

Директор внимательно выслушал, и, немного подумав, сказал:

— Единственная возможность попробовать решить этот вопрос это поехать мне в ГДР.

— Борис Еремеевич, у меня к вам есть еще одна просьба. Я вам докладывал о результатах испытаний на крейсере «Жданов», и тогда вам говорил, что к осени крейсер уходит в Средиземное море на боевое дежурство, и было бы очень важно испытать аппаратуру там. Военные очень хотели бы этого. Директор с болью и сожалением посмотрел на него.

Ох, Фёдор Фёдорович, Фёдор Фёдорович, вы же знаете, что для этого необходимо оформить разрешение на выезд в капстраны. Мы сделали все возможное и невозможное, чтобы получить для Вас такое разрешение, но они боятся, что вы где-нибудь там можете из иллюминатора выпрыгнуть, — и директор с укором посмотрел на Фёдора, а потом сказал. — Запомните, любое серьезное дело не обходится без разумных компромиссов.

Выходил Фёдор из кабинета директора с тяжелым сердцем и с тяжелыми мыслями: «Сколько же теряет и теряет эта многострадальная страна от того, что не доверяет своим гражданам».

ГДР

Прошел месяц. Фёдора вызвали к директору.

— Фёдор Федорович, через несколько дней я уезжаю в ГДР, подготовьте мне, пожалуйста, всю имеющуюся у вас информацию по поводу технологии обработки ниобия.

Да, директор был человеком дела, и Фёдор понимал, что дело сдвинется с мертвой точки.

Поездка директора оказалась очень результативной, действительно в АН ГДР уже давно велись исследования по изучению свойств и методов обработки ниобия. Правда, Фёдор никак не мог понять, почему в таком маленьком государстве занимаются такими, казалось бы, экзотическими исследованиями. Но факт оставался фактом, и уже через месяц Фёдор летел в Берлин, а еще через сутки он уже был в Дрездене.

ГДР поражала своей чистотой, магазинами и дисциплинированностью пешеходов. Даже в телефонных будках лежали телефонные книги и никто их не воровал. Ему не раз приходилось наблюдать удивительную картину. Для пешеходов горит красный свет, на проезжей части нет ни единой машины, но все пешеходы стоят и ждут. Такое поведение пешеходов ему было абсолютно непонятно, и он однажды попытался

нарушить это правило, но ему тут же сделали замечание сами пешеходы. И тут он вспомнил рассказы отца о немецкой аккуратности. Вспомнил он и рассказ одного из сотрудников отдела, который в свое время участвовал в боевых действиях на территории фашистской Германии.

— Представляете, — говорил он, — только прошла передовая, выезжает на телеге из леса на асфальтированную дорогу немец. Колеса у телеги естественно грязные, сзади висит ведро с водой. Телега останавливается, с нее слезит немец и начинает мыть колеса.

Эту аккуратность Фёдор в Германии наблюдал во всем, начиная с общественных туалетов, и кончая соблюдением распорядка рабочего времени. Русские и живут и работают импульсивно, нужно работать день и ночь, значит, будут работать, нужно пить день и ночь, значить будут пить. У немцев же все разложено по полочкам, никому и в голову не придет задержаться на работе, а, тем более, отмечать на работе праздники. Однажды ему довелось увидеть такую картину, было это в Потсдаме. Идя по тротуару, он вдруг увидел, что значительная его часть устлана совершенно новыми обоями. Не понимая в чем дело, он начал оглядываться по сторонам, но, только подняв голову вверх, понял, в чем дело. На втором этаже немец красил балкон, и чтобы не забрызгать тротуар краской, устлал его новыми обоями. Заметил Фёдор и еще одну особенность, практическое отсутствие заборов. За тротуаром сразу начинается палисадник, а за палисадником стоит дом. Заметил он и то, что в воскресный день практически никто не отдыхает и все занимаются какими-нибудь работами по дому или во дворах.

Но основная задача, которую было необходимо решить, заключалась в понимании того, смогут ли немцы взяться за решения столь необычной задачи. Технологические возможности, которыми они располагали, его приятно удивили. Начались переговоры, и здесь тоже был не очень привычный для Фёдора подход. Все технические детали сотрудничества выяснялись до мельчайших подробностей, начиная от целей исследования, до возможностей совместных публикаций результатов исследований. Переговоры длились почти неделю, но зато после их окончания у него почти не оставалось сомнения в том, что ниобиевую сферу немцы сделают. Это была большая победа. К тому же они искренне верили в то, что сфера будет использована для создания гравиметра. Удалось также договориться о том, что до окончательных испытаний гравиметра результаты совместных исследований публиковаться не будут. Это их очень удивляло, но Фёдор был непреклонен, и им пришлось согласиться.

Ответственными исполнителями по теме были с немецкой стороны назначены

Геральд Андерлайн и Александр Гладун. Это были образованные специалисты, Геральд

до этого уже несколько лет стажировался в Союзе в Дубне и хорошо знал русский язык. Александр, несмотря на свою русскую фамилию, языка не знал. Оба они были примерно такого же возраста, как и Фёдор, и уже перед самым отъездом пригласили его в ресторан. И здесь он тоже почувствовал немецкую специфику, все было очень скромно, пили только пиво, а из ресторана он вышел практически голодным. Ну и ну, подумал он, у нас так не угощают.

ОВИР

Детективные истории, связанные с КГБ, к сожалению, для Фёдора не закончились. В любой крупной режимной организации в то время в обязательном порядке работали и представители КГБ. Были они и в институте. Что можно было сказать о них. Это были образованные люди, они быстро и легко находили общий язык с теми, кто им был нужен, и несмотря на прошлые не очень положительные результаты взаимодействия с Фёдором, о которых они конечно знали, относились к нему очень дружелюбно. И вот на этом дружелюбии Фёдор однажды и попался.

Окна его кабинета выходили к садам садового товарищества, и из них весной открывался замечательный вид на цветущие сады. В то время главным инженером отдела был сотрудник, которого Фёдор взял по рекомендации заместителя Веркина, фамилия его была Сокольский, и Фёдору всегда казалось, что он представлен к нему в качестве информатора, который информировал дирекцию о происходящем в отделе. Так это было, или нет, трудно сказать, но ему так казалось.

И вот в один прекрасный день к Фёдору в гости пришел Игорь Васильевич Мычак, сотрудник выше упомянутой службы, и стал говорить, что сейчас разрабатывается аппаратура для наблюдения за удаленными объектами и им нужно ее испытать.

— Но в чем вопрос? — спросил Фёдор.

Он объяснил, что вид из его окна дает возможность очень хорошо это сделать и далее последовало очень длинное объяснение почему это так. Далее Фёдору было сказано, что аппаратура секретная, потому и выбран в качестве места установки его кабинет. Он не очень хорошо понял, какие именно задачи будут решаться при помощи этой аппаратуры, но много и не спрашивал, так как сам имел дело с секретными разработками, и знал, что всегда существует легенда прикрытия, которую, может быть, ему и излагают. Мычак попросил дать им возможность установить аппаратуру в его отсутствие, и Фёдор, уходя на перерыв, оставил ему ключи от кабинета. Его также попросили, чтобы о факте установки аппаратуры никто не знал.

Не успел Фёдор прийти на перерыв, как раздался телефонный звонок. Позвонил Сокольский и сообщал, что в его кабинет вошли неизвестные люди. Фёдор сказал ему, что он об этом знает.

Вернувшись с перерыва, он обнаружил, что за его книжным шкафом на присосках спрятан плоский ящик, от которого к телефонной линии идут коаксиальные кабели. Фёдору сразу это не понравилось, так как наличие коаксиальных кабелей указывало на то, что это какая-то широкополосная радиоаппаратура. Но деваться было некуда, и вскоре о непонятной системе он забыл.

Но каково же было его удивление, когда на одном из заседаний Учёного совета слово для информации попросил уже известный нам сотрудник КГБ. Он сказал, что ему доподлинно известно, что в институте в отделах ведутся антисоветские разговоры, и что он очень просит дирекцию предпринять соответствующие меры.

И тут Фёдор все понял, в его кабинете стоит широкополосная подслушивающая система, которая прослушивает через телефонные аппараты помещения института. Сообщение взбудоражило весь институт, а главный инженер, однажды зайдя в кабинет, заглянул за шкаф.

Фёдор понял, что сам того не желая, стал глобальным осведомителем. Нужно было срочно принимать какие-то меры. Но какие, тем более его еще и предупредили, что бы он ни в коем случае не выключал прибор из сети и никому ничего не рассказывал.

Фёдор не уставал думать об этом, и всё-таки решил рассказать об этом директору. Но, где это сделать, ведь если прослушиваются телефонная сеть, то уж кабинет директора точно прослушивается, так как именно оттуда может поступать наиболее ценная информация.

Но такой случай вскоре представился. Позвонила секретарь и сказала, что директор едет в Москву и просит его поехать с ним. Фёдор еще некоторое время колебался, так как понимал, чем рискует, но, все-таки, наконец, решился. Директор внимательно выслушал Фёдора и задумался.

— Об этом разговоре никому не рассказывайте, я сам предприму меры.

Директор уехал, а он еще на несколько дней задержался в Москве, но когда вернулся и заглянул за шкаф, то ящика там нет. Но через очень короткое время в кабинете раздался телефонный звонок. Звонил Мычак.

— Фёдор Федорович, вы кому-нибудь рассказывали о том, что в вашем кабинете мы установили аппаратуру? — последовал прямой вопрос. Нужен был мгновенный ответ.

— А что, об этом кто - то узнал?

— Да, Веркин.

— Вы сами виноваты в этом, когда в свое время вы вошли в мой кабинет, то это видел мой главный инженер Сокольский, и он сразу же позвонил мне об этом по телефону, а потом заглядывал и за мой шкаф. Все знают, что он в очень близких отношениях с дирекцией. А тут еще ваше выступление.

Ответа не было, Фёдор еще некоторое время слышал, как на другом конце собеседник дышит в трубку, а затем пошли длинные гудки, и он понял, что сражение выиграл, так как прекрасно понимал, что никто его главного инженера по этому поводу спрашивать не будет.

И опять о провидении! Так есть ли оно, все-таки, или его нет?

Казалось бы, хватит этих почти детективных историй, так нет же, Фёдору еще дважды приходилось иметь дело с Мычаком, и однажды по очень серьезному вопросу.

Поскольку Фёдору часто приходилось бывать в ГДР, то ему очень хотелось повезти туда и Галину. В то время это было практически невозможно, но он все-таки попытался это сделать. В один из приездов он попросил Геральда и Александра, чтобы они прислали ей личное приглашение. В ГДР тоже действовали жесткие ограничения на посещения страны иностранцами, но к удивлению такое приглашение пришло. Контроль за выездом за границу осуществляли районный и областной ОВИР. Чтобы оформить загранпаспорт, нужно было пройти эти две инстанции. Уже на первом этапе произошел сбой, в выдаче паспорта было отказано.

Тогда Фёдор вспомнил о своих связях с такой могучей организацией, и позвонил Мычаку.

— Игорь Васильевич, у меня к вам есть просьба. Мы всегда с вами находили общий язык, я даже вам когда-то помогал.

— Да уж помогли, ничего не скажешь.

— Игорь Васильевич, да что старое ворошить, ведь вы же нормальный, приличный человек, да и просьба у меня не сложная. Помогите мне, пожалуйста, протолкнуть через ОВИР (отдел виз и регистрации) разрешение на выезд вместе со мной в ГДР моей супруге. Приглашение из ГДР у меня имеется.

— Но ведь я никакого отношения к ОВИР не имею.

— Игорь Васильевич, да вы же там все друг друга знаете.

— Фёдор Федорович, ничего определенного обещать вам не могу.

На этом разговор закончился, но через неделю позвонили из районного ОВИР-а и сказали, что разрешение на выезд имеется. Оставалось пройти областной ОВИР. Но все

попытки сделать это окончились безрезультатно. Не хотело государство общения своих граждан с гражданами даже демократических республик.

Я угощу вас сегодня по-русски!

Сотрудничество с АН ГДР было рассчитано на пять лет и шло точно в соответствии с достигнутыми договоренностями, немцы в срок выполняли свои обязательства, отдел Фёдора тоже не отставал, почти половина отдела работало на этой теме. Через пол года он снова был командирован в ГДР. Для граждан, едущих в командировку за границу, были установлены четкие правила, об их соблюдении отъезжающих всегда информировали. С собой разрешалось брать три бутылки водки, не разрешалось брать советские деньги, и конечно предупреждали о необходимости достойного поведения за рубежом.

Фёдор взял с собой три бутылки пшеничной водки по 0,7. Поселили его на этот раз не в гостинице, а в частном секторе. Практика такая существовала и в дальнейшем, и это было гораздо удобнее, так как предоставлялась отдельная комната, выделялась отдельная ванная, можно было пользоваться кухней. В первый же день пребывания к концу рабочего дня Геральд и Александр сказали ему, что приглашают его в ресторан.

— Нет, ребята, я вас сегодня хочу угостить по-русски, приезжайте ко мне сегодня вечером на квартиру.

Фёдор отправился в гастроном и купил закуску, кстати, гастрономы тоже поражали, одних только сортов колбасы в продаже можно было насчитать штук двадцать, а может быть и больше.

Приехали Геральд и Александр на машине, и были приятно удивлены тем, что увидели. В комнате стоял накрытый стол. Выпили по рюмке за дружбу, затем за сотрудничество, затем Где-то к одиннадцати часам вечера в последней бутылке оставалось не больше половины. Немцы уже и лыка не вязали. Александр оказался покрепче, но о том, чтобы вести машину не могло быть и речи. Геральд жил за городом и все вместе решили проводить его на автовокзал. Фёдор плохо знал Дрезден, и когда начал возвращаться обратно, никак не мог понять, куда идти, языка он тоже не знал. С большим трудом уже глубокой ночью он добрался домой.

Рабочий день в организации начинался в семь утра. Фёдор и Александр приехали на работу вовремя, Геральда не было. Явился он только к обеду. Видно было по всему, что чувствует он себя плохо.

— Сел я вчера в автобус, чувствую мне плохо. Пришлось выйти. Но потом автобусов больше не было, и мне пришлось идти пешком.

Фёдор много раз бывал в ГДР, и однажды ему пришлось наблюдать следующую картину. Жил он в гостинице «Астория», и приехала из Союза туристическая группа. Что там было. Многие напились до невменяемости, шум и гам стоял в гостинице до утра. Вот что значит выпустить нашего брата на волю. Вот что значит долго не выпускать пар из котла, может и взорваться.

Сотрудничество с ГДР длилось почти шесть лет. За это время все ведущие сотрудники отдела побывали в ГДР, ездили и поодиночке, ездили и группами, но последняя поездка запомнилась больше всех. У Демьяна Бедного есть не совсем приличное стихотворение, которое заканчивается словами: «Русский ум изобретет, и назло Европе, самогонка потечет прямо в рот из жопы». В конце концов, додумались до того, что вмесо бутылок с водкой брали с собой бутылки со спиртом, особенно, когда ехали на две три недели. Было понятно, что Союз вот рухнет, Фёдор понимал, что летит они в ГДР последний раз и летел он туда с ближайшими соратниками. Настроение было отвратительное. На троих в портфелях было девять бутылок спирта по 0,7. Места им достались в конце салона. Обслуживание на международных линиях было приличным, всегда можно было заказать не только напитки, но и пиво. Добавили в пиво немного, выпили, стало веселей, добавили еще. Начали оборачиваться впереди сидящие соседи. Мы уже рассказывали о событиях в гостинице «Астория», оказалось, что в самолете летит туристическая группа. Все начали друг друга угощать. Когда подлетали к Шенефельду девяти бутылок спирта уже не было, а весь самолет дружно пел песню «Расцветали яблони и груши».

Чем же закончилось сотрудничество с немцами, на которое были потрачены громадные средства, и в течение почти шести лет, не покладая рук, трудилась половина отдела. А ничем не закончилось, его постигла та же участь, что и весь Советский Союз. С развалом Союза закончилось финансирование оборонных работ, вот и все. В связи с известными обстоятельствами по данной теме не было опубликовано ни одной работы, хотя по другим направлениям было опубликовано большое количество работ.

Так что же, все впустую? Да, но не совсем, как и в любом деле, всегда находятся ловкачи, которые умеют даже из таких ситуаций извлекать пользу. Как говорится «Кому война, а кому мать родна». Но об этом мы расскажем несколько позже.

Заместитель директора СКТЬ

Но вернемся опять на грешную землю, и сдвинемся по времени немного назад. Фёдор защитил докторскую диссертацию и стал доктором наук. Дела в отделе шли

хорошо, были перспективная тематика, было много, очень много денег. Но отдел не сбавлял обороты.

Как-то утром, он уже собирался идти на работу, раздался звонок. Трубку взяла Галина и немного растерянным голосом сказала: «Тебя спрашивает директор». Фёдор, совершенно не понимая, что бы это могло означать, взял трубку.

— Фёдор Федорович, вы могли бы прийти ко мне к десяти часам.

— А можно поинтересоваться по какому вопросу?

— Приходите и узнаете.

Фёдор с нетерпением ждал назначенного времени, теряясь в догадках, к чему бы это. Ровно в назначенное время он зашел в приемную.

— Заходите, — вежливо сказала секретарь.

В кабинете никого не было и видно было, что директор в хорошем расположении духа.

— Вчера на дирекции мы обсуждали кандидатуру заместителя директора СКТБ по научной работе и все пришли к единодушному мнению, что вы являетесь наиболее подходящей кандидатурой, и я прошу вас принять это предложение.

Сказанное для Фёдора было как гром среди ясного неба.

— Но я абсолютно не готов к ответу на этот вопрос, для меня это полная неожиданность.

— А я и не прошу от вас мгновенного ответа, даю вам неделю на обдумывание, но повторяю, что мне очень хотелось бы, чтобы ответ был положительным.

Да непростую задачу поставил перед ним директор. В СКТБ в то время уже насчитывалось около полутары тысяч сотрудников, СКТБ полностью загружало заказами опытное производство численностью около семисот человек. Исследования велись по семи крупным направлениям, работало несколько проблемных советов, было патентное бюро, своя издательская группа. В СКТБ кроме него уже было семь докторов наук и около сорока кандидатов. Браться за руководство такой машиной было непростым делом. Но, перебрав все возможные варианты, Фёдор и сам пришел к выводу, что его кандидатура является оптимальной. Он пользовался уважением среди руководителей отделов, он был прилично подкован теоретически, хорошо понимал прикладные аспекты деятельности, имел обширные связи с военными. Конечно, в такой ситуации нагрузка возрастала многократно, но работать ему было не привыкать. В назначенный день он пришел к директору и дал согласие.

Фёдора не был человеком, который долго раскачивается, он сразу взялся за текущую работу, которой было предостаточно. Первым делом он наладил контроль

исполнения принимаемых решений, по каждому решению обязательно назначалось ответственное лицо, контролирующее его исполнение. Он внимательно изучил положение дел по каждому направлению деятельности СКТБ и совместно определил ближайшие задачи и перспективы с руководителями направлений. И опять в течение почти полугода раньше десяти часов вечера он домой не приходил. Увеличилось число командировок. Все это тяжелым бременем легло на плечи Галины. Двое детей, работа, муж, которого никогда нет дома. В конце концов, решили, что ей придется временно оставить работу.

Веркин умел грузить людей, у него всегда действовал принцип, кто тянет, того и грузят. Через пол года у Фёдора было уже более двадцати служебных нагрузок. Было нелегко, но он всё успевал, директор был им доволен.

Как-то после очередного совещания директор попросил Фёдора остаться.

— Фёдор Федорович, я хотел бы вернуться к вопросу о вашем членстве в партии, я думаю, что вы очень правильно сделаете, если положительно решите этот вопрос. Фёдор спорить не стал.

После прохождения всех формальностей и кандидатского стажа был назначен день его приёма в партию. Секретарь райкома, машинально пролистав дело, вдруг нахмурился и гляде в упор сурово спросил:

— Так что, ваш отец на немцев работал?

Фёдор нагло посмотрел ему в глаза:

— Да, работал, но не каждому за такую работу правительственные награды давали. Вопросов к нему больше не было.

Сплошные воронки

Пьянство засасывало страну. Пили дома и не дома, пили на работе и после работы, пили в гостях и в подъездах, пили кругом. Как-то Фёдору довелось выехать из Москвы где-то в районе шести часов вечера, было еще светло, осеннее солнце склонялось к горизонту, на предприятиях закончился рабочий день. Делать было нечего, и он смотрел в окно вагона на пробегающие мимо строения. Справа по ходу поезда показалась лесополоса, за которой виднелись заводские корпуса. И он увидел что вдоль нее буквально через каждые пятнадцать-двадцать метров стояли группы мужчин по два три человека и выпивали. Лесополоса оказалась довольно длинной, а группы все стояли и стояли.

— Да, страна спивается, — подумал Фёдор, и сам себе ответил, — А, разве у нас в институте по-другому?

Наступали горбачевские времена. Смутные надежды и смутные ожидания виделись где-то впереди. Но даже невооруженным глазом было видно, что Горбачев не сильный политик, тем более лидер. Всем было понятно, что его мнение часто формирует жена, а это людям не нравилось. Зато запад быстро понял, что это именно тот политик, который им нужен. Действия Горбачева по демократизации строя очень напоминали действия Хрущева, они были импульсивны и непоследовательны. Ярким примером таких действий была борьба с алкоголизмом. Не обошла эта компания и институт.

Защита докторской диссертации даже в таком большом институте всегда была событием. И надо же было такому случиться, что одна из таких защит совпала по времени с началом борьбы с алкоголизмом. В институте уже висело объявление о закрытом партийном собрании, но о повестке дня никто не знал. Все терялись в догадках.

В это время секретарь партийной организации института Швец берет директорскую машину и в компании троих человек едет на вылазку с диссертантом Пересадой, который накануне защитил докторскую диссертацию.

Вернулись они к концу дня, будучи хорошо выпивши, немного опоздав к началу собрания. В президиуме уже сидела вся дирекция, а также представитель обкома партии, когда в зал, чуть пошатываясь вошел Швец и направился в президиум. Ничего не подозревая, представитель обкома партии открыл собрание. В его вступительном слове говорилось о вреде, который приносит стране алкоголизм, что партия должна объявить войну этому злу. Далее он сказал, что ЦК КПСС приняла по этому вопросу специальное постановление, которое и попросил прочитать секретаря партийной организации института Швеца. Тот взял письмо и пошел к трибуне, и когда он начал читать, все увидели, что он абсолютно пьян. Он заикался, пропускал строчки, в зале многие не могли удержаться от смеха. Большой позор трудно было себе представить.

Для него все это закончилось очень плохо, его исключили из партии и выгнали с работы. Директор отделался строгим выговором.

Не прошло и месяца, как секретарь партийной организации Опытного производства в пьяном виде изнасиловал секретаршу своего директора. Оргвыводы последовали незамедлительно. Секретаря исключили из партии и выгнали с работы, уволили и директора Опытного производства.

— Что за напасть, — жаловался Веркин, ведь в одну и ту же воронку два снаряда

попасть не могут, а тут уже два попадания.

Прошло два месяца, ударили ранние морозы, в поле неубранной осталась сахарная свекла, и все организации города бросили на уборку урожая. Поехал в поле со своим отделом и Фёдор. Что такое уборка вмерзшей в землю сахарной свеклы знает только тот, кто ее убирал. И надо же было такому случиться, что как раз на этот день было назначено партийное собрание по итогам работы института в зеленом цехе (так назывались работы, которые институт выполнял в подшефных колхозах).

Борьба с алкоголизмом борьбой, а холод в поле холодом. Грелись несколько раз, и к концу дня все были прилично тёплые. Благо на поле был с машиной главный инженер отдела, и он повез Фёдора и еще трех сотрудников домой.

— Совсем забыл, сегодня же партсобрание, — спохватился Фёдор. — Заедем домой, предупреджу жену, и отвези меня, пожалуйста, в институт.

— А, может, не надо? — предостерегающе спросил тот.

— Да я только посижу для приличия.

Когда Г алина увидела Фёдора, то всячески пыталась его отговорить ехать на собрание, но он ее не послушал.

Собрание уже началось, и Фёдор сел в последнем ряду и начал слушать. В президиуме он увидел незнакомого человека. Доклад от института закончился, и слово взял незнакомец, это был представитель райкома партии, а обычно такие представители приезжали не с добрыми намерениями. И, действительно, он начал ругать и дирекцию, и партийную организацию за плохую работу в колхозе. И тут в Фёдоре разыграл патриотизм.

Когда докладчик закончил, на вопрос, кто хочет выступить, Фёдор поднял руку.

— Пожалуйста, Фёдор Федорович, сказал председательствующий.

Фёдор встал и пошатываясь пошел к трибуне. Он умел хорошо говорить с трибуны, так как часто по долгу службы выступал на собраниях, никогда при этом не лил воду и его всегда внимательно слушали. Когда он пошатываясь начал подниматься на трибуну, зал зааплодировал. Начал он с того, что показал всем грязные руки и сказал, что сам только с поля. Зажигать публику он умел. Далее последовал рассказ о том, как самоотверженно все работали на поле, но, несмотря на это он считает, что тратить время ученых на уборку урожая крайне непроизводительно. И закончил тем, что посоветовал представителю райкома, прежде, чем критиковать, самому побывать на полях и посмотреть, что там творится. После этих слов зал взорвался аплодисментами. Хлопали все время пока он шол на свое место. Посмотрев опять на сцену, Фёдор увидел, что представитель райкома что-то доказывает директору, тыча в его сторону пальцем.

Когда председательствующий объявил, что собрание закрыто, Фёдор быстро встал, не оглядываясь вышел из зала и быстро направился к выходу.

На следующий день, когда он пришел на работу, позвонила секретарь и сказала, что его вызывает директор. Когда Фёдор зашел в кабинет, его встретил улыбающийся директор.

— Спасибо, Фёдор Федорович, что хоть вы выступили в защиту института, а то привыкли все учить, — а потом хитровато посмотрел на него и добавил. — А не кажется ли вам, что бывают случаи, когда снаряд и в третий раз в одну и ту же воронку попадает.

Понимая, что у сверхпроводникового приборостроения большое будущее, Фёдор начал создавать новые профильные отделы и подразделения их обслуживающие. Такие отделы были созданы Михаилу Четаеву, Николаю Иванову и Вадиму Павлюку. Решение технологических проблем было поручено вновь созданным лабораториям, которые возглавили Борис Александров и Игорь Бондаренко. Но на создание таких отделов требовались деньги и не малые. На начальной стадии становления, особенно технологических подразделений, их финансирование легло на плечи отдела, которым руководил Фёдор. Этому помогли те связи, которые были у него со многими отраслевыми НИИ. Когда нужно было создавать отдел Павлюку, Фёдор повёз его в командировку в Омск на предприятие, которое изготавливало связную аппаратуру для флота и прямо сказал директору, что ему нужен миллион. Ответ был незамедлительный, миллион, так миллион, пишите ТЗ. Вот так решались в то время вопросы, когда заказчики доверяли.

Объёмы хоздоговорных работ неуклонно росли и не только в его отделе. Всем было ясно, что для их выполнения уже недостаточно того опытного производства, которое было у института, нужен был свой опытный завод. И вот эту практически неподъёмную задачу и поставил Веркин перед руководством института. Неподъёмной она была потому, что у Украинской академии просто не было денег на такое мероприятие. Был только один путь добиться решения Совета Министров СССР, в то время его председателем был

Косыгин и нужно было попасть к нему на приём. Но даже украинскому академику, которым был Веркин, было совсем непросто попасть на приём к такому высокопоставленному функционеру. Опять помог Мишин. Он написал ходатайственное письмо на его имя.

Когда Веркин изложил суть проблемы, Косыгин немного подумал и сказал, что даже он не может решить этот вопрос, т.к. подобных прецедентов, чтобы строились целевым образом академическим институтам заводы, не было. А потом в шутку добавил:

— Вот если вы такой прецедент мне разыщите, будет вам завод.

И всё-таки подобный прецедент нашелся. Ещё во времена атомной эпопеи по распоряжению Берия был построен опытный завод для Ленинградского физтеха и Косыгин дал распоряжение готовить постановление. В Совете Министров институту была выделена специальная комната, которая и стала своего рода штабом. Вышло Постановление Совета Министров СССР и ЦК КПСС, вскоре началось в районном центре Валки Харьковской области строительство завода и уже через три года он начал выпускать продукцию. Так в советское время решались такие непростые задачи. И не все правы, ругая по чьему свету стоит командно-административную систему Союза. Были в ней и положительные качества.

Григорий Иванович Калугин

Но мало-помалу отношения с директором начали портиться. У директора был особый стиль руководства, говорили, что он сначала смешает человека с дерьмом, а потом начинает с ним взаимодействовать. Директор сделал Фёдору очень много хорошего, более того, на него лично, за исключением первого знакомства, он никогда в жизни голос не повышал. Но Фёдору приходилось участвовать в самых различных совещаниях, когда Веркин унижал и оскорблял людей, и особенно это относилось к руководству СКТБ. От этого руководства он требовал беспрекословного подчинения. В какой-то мере это можно было объяснить. В то время в институте уже насчитывалось около четырех тысяч сотрудников, причем бюджетным финансированием было обеспечено только семьсот человек. Все вспомогательные службы, включая административно-хозяйственные подразделения, спортивный лагерь, вычислительный центр, висели на балансе СКТБ. Кроме этого СКТБ было обязано обеспечивать заказами опытное производство и опытный завод. Все это тяжким бременем лежало на СКТБ. Руководство СКТБ это хорошо понимало, но никто кроме Фёдора этот вопрос поставить не мог, просто все боялись. И однажды Фёдор этот вопрос перед директором поставил, предлагая хоть какую-то часть накладных расходов переложить на бюджет. Ответ был резкий.

— Вы отвечаете за научную деятельность СКТБ, вопросы финансирования находятся не в вашей компетенции.

С тех пор кошка пробежала между ними. Веркин хорошо зная характер Фёдора, прекрасно понимал, что этот вопрос он не оставит, и начал постепенно отстранять его от руководства СКТБ. Фёдор прекрасно видел это, но очень то и не переживал.

Административная работа ему не нравилась, и его вполне устраивало только руководство отделом.

С таким дискриминационным подходом к СКТБ был не согласен и Григорий Иванович Калугин, который отвечал за работу хозрасчетных подразделений Академии наук Украины. В его очередной приезд в институт Веркин решил и ему показать, кто в институте хозяин. Собрав всех начальников отделов и руководство СКТБ, в его присутствии он начал распекать всех за плохую работу. Но для всех присутствующих это указывало и на плохую работу Калугина. Это было уже слишком. Фёдор видел, как неловко себя чувствовал гость, когда его, хотя и косвенно, при всех вычитывал директор. Понимал Фёдор и то, что ни у кого не хватит смелости встать и возразить директору. Когда Веркин закончил говорить он взял слово. Убеждать он умел, тем более фактов, что СКТБ хорошо работает, было предостаточно. После этого выступления Фёдор понял, что в руководстве СКТБ ему больше не быть.

Квартирные страсти

Но вернёмся ещё на два года назад. За время существования института, вблизи него было построено большое количество жилых домов, которые так и называли хутором Веркина. В то время Фёдор уже получил двухкомнатную квартиру, но не на хуторе Веркина, а за счёт квоты, выделяемой институту городом. Это была прекрасная двухкомнатная квартира по проспекту Ленина в так называемой китайской стене. Дом так назвали за его большую длину. На квартирный фонд, который строился на средства Академии распространялось положение, заключающееся в том, что все освобождаемые квартиры в нём опять получали сотрудники института. На те же квартиры, которые выделялись институту из городского фонда, такое правило не распространялось. Строился очередной дом, и поскольку Фёдор занимал уже очень высокую должность, дирекция решила выделить ему трёхкомнатную квартиру в очередном доме. Вопрос был непростой, т.к. в жилищной очереди он не состоял. После долгих согласований с районными властями жилищная комиссия Дзержинского района дала согласие на выделение такой квартиры. Но при такой комбинации институт по сути дела терял квартиру, которую он освобождал, т.к. она отходила городу. И директор СКТБ Медведев попросил Фёдора фиктивно обменяться своей квартирой с начальником отдела Ильичёвым, который жил на хуторе Веркина, что Фёдор и сделал. Но в самый последний момент, когда уже нужно было выписывать ордер, всю жилищную комиссию, с которой были достигнуты указанные договорённости, переизбрали, а новая комиссия на такой шаг не решилась. И

Фёдор остался у разбитого корыта в висячем положении в своей, но не своей квартире.

Заканчивалась целая эпоха и в жизни Союза и в жизни советской науки. Видно было, что государство уже не может тянуть такие громадные расходы на оборону, многие программы или сильно урезались, или вообще закрывались. Институт строил последний жилой дом. Фёдор прекрасно понимал, что если не получит квартиру в этом доме, то не получит ее уже никогда. Он обратился с этим вопросом к директору, но тот особого энтузиазма не проявил. Сказал лишь, что если Фёдор будет добиваться такого решения, то он будет всячески помогать. Но это была по сути дела вежливая отговорка. Тогда Фёдор решил обратиться за помощью к Калугину так как знал, что он пользуется расположением у Патона. Он позвонил ему по телефону, и тот ответ, который услышал Фёдор был для него полной неожиданностью.

— Фёдор Федорович, я вам очень признателен и у вас в долгу за ваше выступление на собрании руководства СКТБ в кабинете Веркина. Представляете в какое неудобное положение поставил меня ваш директор, ведь своими действиями он хотел тогда показать, что это его вотчина, в которую никому нельзя вмешиваться, и тем самым поставил меня в очень неловкое положение перед всем коллективом. Все, что от меня зависит, я сделаю. Напишите, пожалуйста, соответствующее письмо в адрес Патона и дайте мне его исходящий.

Фёдору представлялась возможность помочь не только себе. Он составил письмо и включил в него еще троих. Один из них, Валентин Вакуленко, был начальником отдела СКТБ, второй, Игорь Свечкарёв, руководил отделом в физмат секторе (так собственно называлось бюджетное подразделение института). Это были не только прекрасные производственники, но и его хорошие друзья. Включил он в письмо и директора СКТБ Михальченко. Тот жил в трёхкомнатной квартире на хуторе Веркина с двумя взрослыми сыновьями, один из которых был женат. Веркин внимательно прочел письмо, пожал плечами и подписал. Фёдор отдал письмо в канцелярию и сразу же позвонил Калугину, дав ему исходящий.

— Позвоните мне через неделю, последовал ответ.

Когда через неделю Фёдор снова позвонил ему, тот сообщил, что Патон дал поручение управляющему делами академии Пузику обратиться в Совет Министров Украины с соответствующей просьбой. На вопрос о том, какова вероятность положительного решения, Калугин ответил что стопроцентная.

Через месяц институт получил решение Совета Министров о внеочередном выделении квартир четырьмя сотрудниками института. В практике института такого еще

не бывало. Когда Фёдор принес письмо директору, он долго его читал, и растерянность была написана на его лице.

— Как вам это удалось, — наконец спросил он.

— Не имей сто рублей, а имей сто друзей, — ответил Фёдор.

Через месяц он получил ключи от четырёхкомнатной квартиры.

Готовя письмо о внеочередном получении жилья, Фёдор прекрасно понимал, что даже в случае положительного решения никто из очередников не должен остаться без квартиры. Поэтому в письме он даже указал количество комнат, которые должны были получить указанные в письме. Четырёхкомнатные квартиры должны были получить он и Вакуленко, трёхкомнатную — Свечкарёв и двухкомнатную Михальченко. Вакуленко и Ильичёв жили на хуторе в двухкомнатных квартирах, поэтому квартиры после них оставались институту. Михальченко по сути дела получал квартиру для отселения сына. Нужно было откуда-то взять ещё две квартиры. На четырёхкомнатные квартиры претендовали многодетные семьи из льготной очереди. Расчёт был простой. Ежели решением вышестоящих органов льготники лишаются жилья, то эту недостачу должен компенсировать город. И как только дом был заселён, институт на основании Решения Совета Министров, которое льготных очередников лишило положенных им квартир, потребовал от города предоставить им квартиры. Жилья в то время строили очень много и уже через три месяца льготники получили четырёхкомнатные квартиры. Таким образом, в результате всех этих мероприятий институт получил за счёт города дополнительно три квартиры, одну двухкомнатную и две четырёхкомнатные. После этого случая Веркин на одном из совещаний сказал, учитеесь у Фёдора Фёдоровича, я ещё не встречал человека, который бы видел так далеко вперёд.

Так всё таки, есть это самое провидение или его нет?

Я скачу, но я скачу иначе!

В то время было принято отмечать юбилеи. Обычно юбиляру дарили адрес, приезжали гости и тоже дарили адреса. Масштаб мероприятия зависел от той должности, которую занимал юбиляр. После официальной части обычно вечером была неофициальная, которая затягивалась обычно до полночи. Приближался 50-летний юбилей заместителя директора СКТБ по конструкторской работе Филиппа Михайловича Бабенко. Это был очень грамотный специалист и порядочный человек, Фёдор с ним дружил, и хоть он и не был даже кандидатом, он никогда не боялся высказывать свою точку зрения в отличие от самого директора СКТБ Михальченко и главного инженера

Крупника, который не выполнял функции главного инженера, а занимался финансовыми вопросами. По сути дела это и были те две марионетки, которые беспрекословно выполняли волю Веркина, и которых он за людей не считал. Фёдор, конечно, понимал, что и он и Бабенко являются препятствием на пути монополизации бесконтрольного расходования денег СКТБ.

На официальную часть юбиляра Фёдор попасть не смог, так как не успел вернуться из командировки, и прибыл на неофициальную часть, где-то часам к восьми вечера. Празднование было в разгаре, Фёдора встретили радостными приветствиями и налили штрафную. По обе стороны юбиляра сидели директор института и директор СКТБ, видно было, что все уже прилично выпили. Фёдор встал и обратился к юбиляру.

— Филипп, я знаю, что ты очень любишь Высоцкого, я тоже его люблю, знаешь, какие стихи он написал для тебя?

После этих слов Фёдор сделал паузу.

— Какие? — закричали гости.

Я скачу, но я скачу иначе,
По траве, по кочкам, по росе,
Говорят, он иноходью скачет,
Это значит иначе, чем все.
Мне набили раны на спине,
Я дрожу боками у воды,
Ох, как я бы бегал в табуне,
Только не под седлом и без узды.
Мне сегодня предстоит бороться,
Скачки, я сегодня фаворит.
Знаю, ставят все на иноходца,
Но не я, жокей на мне хрипит.
Он вонзает шпоры в ребра мне,
Зубоскалят первые ряды,
Ох, как я бы бегал в табуне,
Но не под седлом и без узды.

— Дорогой Филипп! Дорогие присутствующие, все вы знаете, как заканчивается это стихотворение. Так давайте же выпьем, за иноходцев!

Все на какое-то мгновение затихли. Первым очнулся Веркин.

— В табун их, в табун! — что есть силы закричал он.

Изгнание в табун

На следующий день началось изгнание в табун. Но снять сразу с должности Фёдора директор не мог, слишком много обязанностей было у него, и, если бы он это сделал, то сильно пострадали важные направления деятельности СКТБ. С другой стороны нужно было найти замену. Поэтому процесс изгнания в табун длился почти пол года. Директор постепенно начал передавать его обязанности другим.

Можно спросить, обидели ли Фёдора такие действия директора. Действительно ему было немного обидно, все-таки он очень много сделал для института, но Фёдор умел помнить добро, и прекрасно понимал, что Веркин сделал для него очень много хорошего. С другой стороны он так же понимал, что у директора просто нет другого выхода, просто не было других средств, чтобы содержать громадные вспомогательные службы, и что в такой ситуации ему действительно необходимо марионеточное руководство СКТБ. Но в таком руководстве принимать участие Фёдор не мог.

И даже после того, как он снова стал обычным руководителем отдела, хорошие отношения между ним и директором сохранились. Он часто давал Фёдору поручения, которые другие выполнить просто не могли, они, как и раньше, ездили вместе в командировки, и часто засиживались на квартире, которая была у Веркина в Москве, обсуждая злободневные вопросы жизни института.

— Я не встречал еще такого человека, который бы так видел далеко, как Менде, — как-то ещё раз сказал директор на одном из собраний. И это была высшая похвала.

Институт для Фёдора был вторым домом, где он вырос и стал на ноги как специалист и состоялся как руководитель. Он был хорошо известен широкому кругу специалистов в его области, и в этом вопросе Веркин сыграл решающую роль. И Фёдор это помнил всегда.

Он очень тяжело перенес, когда у Веркина случился инсульт, и он по сути дела далее не смог руководить институтом. И тогда все почувствовали, что потеряли человека, который отдал все без остатка служению своему институту, и который так много для него сделал.

Шизофрения

Мы уже говорили, что Фёдору пришлось еще раз столкнуться с КГБ по очень

серьезному вопросу.

Всем известно, что шизофреники часто бывают очень талантливыми людьми. Блестящая голова была у Александра Спицына, Фёдор всегда удивлялся его способностям, но он был шизофреником. Хотя и очень редко, но у него появлялись различные навязчивые идеи. Однажды он пришел к заместителю директора по режиму Репке и начал доказывать, что, когда он едет в троллейбусе, то его подслушивают через линии питания. Другой раз он разбил телефон в своей комнате тоже по подозрению в том, что его подслушивают. Наконец, он всем начал рассказывать, что в институте существует мафия, которая работает на американскую разведку.

На эти все странности Фёдор внимания не обращал, Александр был блестящим теоретиком, и его странности никак не мешали работе.

Но однажды в кабинете раздался звонок, и известный нам уже Мычак сказал, что хочет встретиться с Фёдором. Договорились о времени встречи, и в назначенный час в кабинет постучали. Гость сел за стол перед Фёдором и подал ему лист бумаги.

— Читайте.

В письме сообщалось, что в институте существует мафия, которая работает на американскую разведку и передает ей секретные сведения, и что руководит этой мафией Менде. Далее следовал адрес и подпись Спицына.

— Ничего себе, — сказал Фёдор, в сталинские времена за это дали бы срок.

— Именно так, — согласился гость. — Но самое главное, что это письмо нам прислали из Москвы, и оно там в КГБ на контроле.

— А как же это случилось?

— Да бросил он, или кто-то, кому он поручил это письмо в почтовый ящик в Москве.

— Ничего себе.

— Дело очень серьезное, мы уже знаем, что он шизофреник, но если не будет медицинского доказательства этого факта, то начнется разбирательство, которое может для вас плохо кончиться, ведь найти факты разглашения вами секретных данных при желании всегда можно. Да и другие после этого будут остерегаться.

И тут Фёдор вспомнил, что он в свое время написал Гончарко открытым текстом секретную информацию о деятельности отдела. „Вот и приехали” — подумал он.

Делать было нечего. Либо медицинское заключение, что Спицын шизофреник, либо Фёдор шпион.

И опять помогло невидимое провидение. В его отделе уже некоторое время работал в прошлом заместитель начальника Харьковского погранучилища Гамаюнов. Он ушел в отставку в чине полковника и был очень обязательным человеком. Гамаюнов всю жизнь занимался техникой, так как был заместителем начальника училища по технической части, но прошлые связи у него остались.

Фёдор вызвал его и объяснил ситуацию. Гамаюнов сказал, что прозондирует вопрос, и через несколько дней день повез Спицына в психиатрическую клинику на освидетельствование.

Кончилось это тем, что Спицыну пришлось провести в этой клинике почти три месяца, где его соответствующим образом лечили. После прохождения курса лечения он вернулся на работу.

НИИ криогенного приборостроения

Человек устроен так, что ему свойственно надеяться. Полным ходом шла перестройка, и люди надеялись, надеялись на то, что жизнь станет лучше. Духом свободы веяло отовсюду. Надеялся и Фёдор.

С выходом постановления о кооперативах он сразу же создал при отделе кооператив «Криогеника», и, имея большие связи в стране, ему не составляло труда получать выгодные заказы для кооператива. Зарплаты сотрудников выросли в несколько раз, это объяснялось тем, что деньги в оборонном комплексе не очень то считали, а их там пока было много. Но реакция на такой ход событий со стороны окружения последовала незамедлительно. Получилось как в Евгении Онегине:

Ярем он барщины старинной
Оброком лёгким заменил,
И раб судьбу благословил,
Зато в углу своем надулся
Его завистливый сосед,
Увидев в этом страшный вред.

Но Фёдор не очень-то обращал внимание на эти завистливые настроения, ему и прежде приходилось жить в не очень простой обстановке, потому что его лидерство во многих вопросах всегда приводило к самым различным трениям внутри института. Он знал, что его кости перемывали на многих подоконниках. В лице руководителей групп в отделе был прочный костяк, и это внушало уверенность. Но и здесь начали

появляться трения. Новая система дала возможность полностью избавиться от уравниловки, люди, которые больше работали и получали больше. Но психологию человека не переделаешь за один день, сила привычек - большая сила, и тот уравнилительный подход к оплате труда, который воспитывался десятилетиями, жил в людях. Сразу появилась значительная часть недовольных, тем более, это недовольство подогревала окружающая среда. Управлять коллективом стало труднее, но и Фёдор уже был не тем новичком, когда начинал строить отдел. Руководителем он был достаточно жестким, и все знали, что смуты в отделе он не потерпит. Чтобы демократизировать вопрос оплаты труда он образовал финансовый совет, который распределял деньги по подразделениям отдела, а внутри самих подразделений деньги делили сами руководители групп. Хотя финансовое положение в отделе и коробило руководство института, но положение Фёдора было настолько прочным, что этот вопрос никто в руководстве не затрагивал. Кроме того, хотя и робко, но по его примеру начали образовываться кооперативы и в других отделах. Конечно, со стороны дирекции института на это движение оказывалось очень сильное давление, прежде всего потому, что сразу выяснилось, что бюджетные подразделения просто не в состоянии вести такого рода деятельность, и поэтому там нет резерва повышения заработной платы. В то время уже директором института был не Веркин, а Анатолий Илларионович Звягин, человек по своему складу характера гораздо более мягкий и демократичный. Но все равно, как и ранее, СКТБ находилось в рабском положении, и руководство СКТБ в составе прежних главных лиц, привыкших делать все под козырек, защитить права организации не могли.

В сложившейся ситуации нужно было предпринимать шаги по приданию статусу СКТБ большей самостоятельности. Это было опасно, но неизбежно, и Фёдор решил возглавить это движение.

Если вы человек мягкий и неопределенный, то не пытайтесь за собой вести людей, они просто за вами не пойдут. Для этого нужна твердая рука, вера в своё дело и организаторские способности. Кроме того, вы должны уметь убеждать людей и побеждать в публичной полемике на различных собраниях. Все необходимые предпосылки этого уже были у Фёдора. Но в то время он еще недооценивал умение адекватно реагировать на подобные обстоятельства со стороны руководства института. И хоть Веркин уже и не был формальным руководителем института, но он уже был почти в строю, находясь на положении консультанта, а рука у него была по-прежнему твердая. И вот тут-то и началась позиционная война. У Фёдора была небольшая группа руководителей отделов, которые были созданы по его личной инициативе еще тогда,

когда он был заместителем директора. Они разделяли его взгляды, и готовы были бороться. Его поддерживал секретарь партийной организации СКТБ Анатолий Николаевич Свинарёв, и они начали продвигать свои идеи в массы. Постоянно выступая на различных собраниях, убеждая руководителей других отделов в правильности своих позиций, они постепенно склонили большинство на свою сторону. Было видно, что руководство института начинает сдавать позиции. Даже Веркин, который в бытность этих событий достаточно холодно начал относиться к Фёдору, однажды, встретив его в коридоре, спросил, почему он не заходит к нему в гости.

Руководство СКТБ, чувствуя, что почва уходит из-под ног, начало применять запрещенные приемы. Как-то на доске объявлений появился листок, который назывался „Внимание - глосность”, в нем сообщалось, что группа бывших сотрудников отдела Менде, собравшись по инициативе главного инженера СКТБ (в то время им был уже не Крупник, а Хораш), обсудила сложившееся положение дел, осуждает его действия по захвату власти в СКТБ. Утверждалось, что он хочет фашистские методы, используемые при руководстве отделом, распространить на всю организацию. В конце листка стояли подписи девяти бывших сотрудников отдела, пятеро из которых уже давно не работали в институте.

Но выход листка возымел обратное действие, тем более все знали, что главный инженер всегда был марионеткой в руках дирекции института.

В то время была введена выборность директоров предприятий и вскоре предстояли перевыборы директора СКТБ. Прошло еще немного времени и стало известно, что Михальченко отказался выставлять свою кандидатуру на очередных выборах. Это была полная победа.

При всей сложности и перепетиях борьбы интересов соратники Фёдора и он сам никогда не пользовались запрещенными приемами, они доказывали свой точку зрения открыто, а у самого Фёдора были многочисленные беседы и с новым директором института и с его окружением. Эти беседы всегда были конструктивными, где каждая сторона пыталась аргументировано доказать свою правоту и отстаивала свою точку зрения. Давно зная Звягина, Фёдор относился к нему с уважением, знал, что это человек слова и все происходящие баталии не повлияли на их добрые отношения, хотя и придерживались они разных точек зрения. Просто Звягин защищал интересы бюджетного подразделения, а он хозрасчетного. И опираясь на эти добрые отношения и понимая, что Михальченко проиграл, Звягин решил найти компромиссное решение вопроса. В то время уже вышло постановление правительства о малых предприятиях,

которое открывало большие перспективы для коллективов, умеющих эффективно работать. Разрешалось создание таких предприятий даже в составе действующих производственных структур. Конечно, при правильном подходе к этому вопросу это был путь к избавлению от пут командно-административной системы.

Вариант выхода из сложившейся ситуации, который предложил Звягин, заключался в следующем. Предлагалось создать при институте на основе отделов, желающих финансовой самостоятельности, малое хозрасчетное предприятие со всеми правами НИИ, и он гарантировал полную поддержку этому новому образованию. Вопрос ставился так: кто умеет и хочет работать переходите в новую систему, кто не хочет - доживайте в старой.

Конечно, с такой точкой зрения нельзя было не согласиться, тем более, что никто тогда и не предполагал, какие катаклизмы ждут и все государство и общество в скором будущем.

Но возникал вопрос, как же тогда быть с существующим СКТБ. Звягин предложил оставить его в прежнем виде со старым руководством. Но, опять таки, как быть с тем, что Михальченко уже отказался выставлять свою кандидатуру на выборах директора. Договорились, что Фёдор вместе с секретарем парторганизации пойдут к нему и попытаются убедить его выставить свою кандидатуру на том основании, что Фёдор свою кандидатуру выставлять не будет.

В выборах кроме Михальченко принимали участие еще два технических кандидата и его избрали директором на новый срок, а Фёдор создал при институте малое государственное предприятие Научно-исследовательский институт криогенного приборостроения. Кто тогда знал, что уже через год развалится Советский Союз и развалится весь военно-промышленный комплекс.

Подлецы

Просуществовал новый НИИ всего полтора года, развалился Советский Союз, развалился военно-промышленный комплекс. И в вильной Украине почти три тысячи сотрудников СКТБ остались без работы, и это только небольшой эпизод из жизни этой страны, вот что такое революции, которых только за прошедшее столетие было две. Какими же умными являются те нации, которые в своем развитии движутся эволюционным путем и в своем эволюционном развитии всегда оказываются далеко впереди других. Революционеры же в угоду своим амбициям и узкополитическим целям, разрушая все созданное до них, отбрасывают целые народы на обочину истории, заставляя их влачить жалкое существование.

Итак, впереди была полная неизвестность и абсолютно непонятная и непредсказуемая ситуация. Но прежде, чем перейти к описанию дальнейших событий, мы должны сделать небольшое отступление.

По своей натуре Фёдор был доброжелательным и трудолюбивым человеком и никогда не помнил зла. Он часто помогал даже своим бывшим врагам или людям, которых никогда не уважал, когда они обращались к нему за помощью.

Сына Дмитренко выгнали из университета за то, что он в компании с такими же подонками снимал шапки с прохожих, Веркин запретил его принимать на работу в институт. Дмитренко, а он в то время был уже академиком, пришел к Фёдору, понимая, что в институте никто кроме него не сможет переступить через директорский запрет. Когда Фёдор сказал, что возьмёт сына на работу и сделает из него человека, у Дмитренко по щекам покатались слёзы.

Между Фёдором и Дмитриевым не всегда складывались доброжелательные отношения по разным причинам, но когда Дмитриеву не хватало денег для покупки кооперативной квартиры, когда он женился вторично, он пришел к Фёдору, и Фёдор в ущерб своим собственным интересам нашел возможность ему помочь.

Когда сестре Галины нужно было купить дом для сына, и все остальные родственники отказали ей помочь, она пришла к нему. Фёдор всю жизнь собирал деньги на автомобиль и вот-вот собирался его купить, но он не смог отказать и отдал все деньги, так и не купив себе машину.

Таков был Фёдор. Совершая свои поступки, он прежде всего пытался войти в положение того человека, который обращался к нему с просьбой, он всегда понимал как ему трудно пойти на такой шаг, и как ему будет стыдно, если ему откажут.

Но Фёдор никогда не мог простить подлость. Подавляющее большинство людей, с которыми ему довелось встречаться, были обычными людьми со всеми присущими им положительными чертами и недостатками. Они жили, работали, ошибались и калялись, но в подавляющем своем большинстве не были способны на подлые поступки.

Но на протяжении всей своей жизни он не мог простить и не простил Дмитренко точечные лампочки. Был и еще один его поступок, который он не смог простить и не простил до сих пор.

В течение шести лет почти половина отдела работала совместно с ГДР над разработкой сверхпроводящего гироскопа. Было получено много новых результатов, которые по указанным причинам нигде не публиковались. Так вот нашелся человек, который, благодаря Дмитренко, сумел опубликовать все эти результаты только под своим именем. Им оказался Виктор Чаркин, тот самый Чаркин, спасая квартиру которого от

пожара, Фёдор рисковал своей жизнью. Сделал он это очень просто. Когда Фёдор образовал НИИ криогенного приборостроения он перешел на работу в отдел к Дмитренко. А где - то через год в журнале *Stiogenics* Фёдор увидел сразу несколько статей, в которых были опубликованы все основные результаты шестилетней совместной работы отдела и АН ГДР, причем в авторах значились всего два человека Чаркин и его помощник Пищиц, с которым он ушел в отдел Дмитренко. Вот и хочется спросить, как это называется, и можно ли такое простить.

Спасение

Что же случилось дальше. Громадная масса людей, которая работала на хозрасчете, осталась без работы. Причем о том, чтобы найти работу по специальности, не могло быть и речи. Люди годами не получали зарплату, и как они жили один бог знает. Бюджетная часть, хоть и плохо, но как-то обеспечивалась минимальной зарплатой, но и речи не могло быть о покупке какого-то нового оборудования, работали на том, что осталось от Союза. Весь коллектив НИИ, которым руководил Фёдор, тоже полностью лишился финансирования, и сотрудники разбрелись кто куда. Его и Галину от голода спасали дети, которым приходилось торговать на рынке.

И вот в это тяжелейшее для него время его вызвали в институт. К этому времени от инфаркта уже умер Звягин и был новый директор академик Виктор Валентинович Ерёменко, с которым у Фёдора тоже были хорошие отношения. Когда Фёдор зашел в кабинет, там кроме директора был и его заместитель Маслов, и директор сказал:

— Фёдор Фёдорович, вы очень много сделали для института, мы знаем ваше положение и мы найдем вам должность, но мы тоже в очень затруднительном положении.

— В данной ситуации меня абсолютно не интересует должность, — ответил Фёдор.

В последующем он узнал, что когда обсуждался этот вопрос на дирекции, Дмитренко спросил:

— А где же мы возьмем для Менде деньги?

И Ерёменко ему ответил:

— Соберем с каждого отдела по десятке, а ему зарплату сделаем.

Фёдор не мог не спросить, чем ему предлагают заниматься, но ему сказали, что он может заниматься тем, чем считает нужным. Он спросил, в какой отдел его зачислят, ему сказали, в какой он захочет, в тот и зачислят. Бывший кабинет ему тоже оставили.

Когда Фёдор рассказал Галине о случившемся, она заплакала.

Фёдора провели через Ученый совет по конкурсу и дали должность старшего

научного сотрудника, конечно не густо, но существовать на эту зарплату было можно, и он был безмерно благодарен руководству института.

Фёдор сам был прекрасным экспериментатором, он умел не только паяльник держать в руках, но умел работать и на всех станках, которые были в его мастерской. Имея неплохую теоретическую подготовку, он продолжил также изыскания по исследованию уравнений электромагнитной индукции, которые начал еще в бытность расцвета отдела. Он видел, что в данном фундаментальном вопросе имеется целый ряд противоречий и в трактовке самих уравнений, и в определении параметров, которые в них входят. Он продолжил экспериментальные исследования по обнаружению зависимости скалярного потенциала заряда от скорости. Результаты этих исследований вошли потом в ряд опубликованных монографий.

Беда одна не ходит

Но беда одна не ходит. Черные полосы в жизни Фёдора следовали одна за другой, причем каждая последующая была чернее предыдущей.

У него была дача в институтском кооперативе «Гелий», до которой нужно было ехать около часа на электричке, а потом ещё около получаса идти пешком, строил ее Фёдор сам. Свободного времени было много и он часто туда ездил. Денег было мало и поэтому приходилось использовать все накопившиеся остатки стройматериалов.

Около строгального станка лежала куча досок, и он из них выпиливал рейки для будущей рамы. Ему все время приходилось обходить станок, когда он брал очередную доску для обработки. Идя за очередной доской, Фёдор споткнулся, рука скользнула по плите станка. Ножи рубанка неприятно фыркнули, и вместо двух пальцев на левой руке остались только ошметки. Кровь хлестала из раздробленных пальцев, кругом никого. Он понимал, что нужно остановить кровь и зажал остатки пальцев правой рукой, но это не помогло, кровь продолжала течь. Перевязочного материала под рукой не оказалось. Как часто Фёдор учил своих подчиненных соблюдению правил техники безопасности, как строго принимал у них эти экзамены, и в его большом отделе за все время его существования был только один случай травматизма. Но одно дело учить других, а другое дело выполнять эти требования самому. Бинтов на даче не оказалось. Он снял с кровати простынь и, обливаясь кровью, оторвал от нее полосу. Потеряв много крови, он все-таки перевязал руку. Но до станции нужно было еще дойти. На станции оказалось, что электричка будет только через сорок минут. Фёдор сел на лавку и потерял сознание.

— Що з тобою, синок? — услышал он, открыв глаза.

Рядом стояла бабушка и вытирала его лицо мокрой тряпкой.

— Да вот пальцы отрезал.

В электричке он еще раз потерял сознание.

Домой, Фёдор никого не застал, и решил ехать в неотложку, там у него был знакомый хирург. Когда он вышел из дома, то увидел, что навстречу идет Галина, и быстро спрятал окровавленную руку за полу пиджака.

— Куда это ты на ночь глядя?

— К девушкам.

Она посмотрела на руку, спрятанную за полый пиджака, на рукаве была кровь. Глаза ее широко раскрылись.

— А это что? — дрожащим голосом спросила она.

— Да руку на станке поранил.

— Сильно?

Да еще и сам не понял, вот иду на перевязку. Но бледность лица выдавала.

— Нет, правда?

— Да, вроде как палец отрезал.

В неотложке знакомого хирурга не оказалось, и пальцы зашивал незнакомый хирург вместе с практикантом, и через час с перебинтованными пальцами Фёдор вместе с Галиной уже ехали домой, денег на такси не было, пришлось ехать на троллейбусе. Так появилось у него еще два шрама.

Не прошло и двух месяцев, как новая беда настигла Фёдора. Его родители уже несколько лет как умерли, но в Липцах они все-таки успели построить небольшой дом, где и проводила летние месяцы семья. Недалеко от дома протекала уже известная нам река, и заросли камышей подходили к самым домам, которые находились недалеко от речки. И он решил сжечь эти камыши, чтобы исключить возможность пожара. Он думал, что лучше их сжечь под присмотром, чем, если их кто-то подожжет в его отсутствие. Но Фёдор, хоть и был уже не мальчиком, совсем не представлял себе, что такое горящие заросли камыша. Как назло начинался ветер и Фёдор торопился. Вначале камыш горел медленно, и ничего не предвещало беды. Но ветер все усиливался и усиливался, и что самое страшное, дул он в сторону домов. Порывы ветра все усиливались, и стена огня начала двигаться в сторону строений. Он понимал, что если огонь при таком ветре дойдет до домов, то начнется пожар и сгорит не только его дом.

Спасло то, что он в этой ситуации не растерялся. Он понимал, что для остановки огня нужно прорубить в камышах просеку. И он начал отчаянно рубить камыш. Огонь приближался, уже слышен был треск приближающегося огня, а Фёдор рубил и рубил. И вдруг при очередном порыве ветра море огня накрыло его. Он почувствовал, как лопаются

кожа на лице, страшно жгло руки, но пламя огня еще раз, как бы вздохнув, вдруг оборвалось. Одежда на нём тлела.

Фёдор посмотрел на руки, они были черные от грязи и копоти, лицо страшно жгло. Прибежала Галина на ней не было лица.

— Федюшенька, родненький, что же ты наделал!

Уже вечерело, и решили дожидаться утра, чтобы ехать в город в больницу. Фёдор понимал, что обращаться с такими ожогами в местную больницу бесполезно. Ночь была кошмарной, лицо превратилось в сплошную кровоточащую рану и невыносимо жгло, из него все время текла сукровица, ресниц и бровей вообще не было, они полностью сгорели, уши превратились в пухлые бублики, кожа на кистях рук превратилась в пузыри. Тогда-то Фёдор и подумал, а как же себя чувствуют люди, у которых обожжена значительная часть тела.

— Где же это вас так угораздило? — спросил его врач ожогового отделения.

— Да камыши тушил, — посетовал Фёдор.

— Ну, ваше счастье, что камыши, ожог поверхностный, помучаться, конечно, придется.

Мы уже говорили, что снаряд в одну и ту же воронку даже два раза не попадает, но это неправда, не только два, но и три раза попадает. Но если уж в третий раз, то, как бы, не в последний.

И такой снаряд для Фёдора нашелся. Этот снаряд чуть не лишил его жизни и сделал его калекой почти на два года. Дочь купила подержанный трёх створчатый шкаф, и он оказался очень тяжёлым. Что такое трёх створчатый шкаф и ты нижний на ремнях, да ещё восьмой этаж, знают только опытные грузчики. И вот Фёдор оказался в этом положении. Он всегда знал, что физически гораздо сильнее многих своих сверстников, но не знал он того, что все прожитые до этого годы оставили суровые отпечатки на его сердце.

Когда шкаф был уже на лестничной площадке восьмого этажа, и он снял с плеча ремень, то почувствовал, что умирает, дышать было нечем. В течение месяца врачи отчаянно боролись со смертью и инфаркт, в конце концов, начал отступать. Ещё несколько месяцев Фёдор был прикован к постели, а когда прошёл первые десять метров, то это был для него праздник. Но что можно было купить в то время на ту нищенскую зарплату, которую он получал, тем более, нужно было покупать еще и дорогостоящие лекарства. И тут Фёдор и Галина отчётливо вспомнили те годы, когда они всей семьёй жили на 90 рублей в месяц. Но, конечно, у них тогда ещё не было тех замечательных взрослых детей, которые, несмотря на собственную нищету и нужду, как могли,

помогали им. Так прошел год. Начиная с десяти метров,

Фёдор каждый день добавлял по десять шагов и когда он впервые обошел вокруг детского садика, расположенный во дворе дома, то для него это был праздник. Но даже при этом впереди, кроме безисходности, ничего не было.

И опять провидение.

Однажды, придя домой, он почувствовал сильную боль чуть выше колена. Сначала Фёдор этому не придавал этому особого значения, но боль нарастала, и пришлось обратиться к хирургу. Диагноз был неутешительным. Закупорка вены, требуется срочная операция. Повезло в том, что один из лучших хирургов Харькова Николай Леонтьевич Володось, ученик Шалимова, был его хорошим знакомым. Он блестяще сделал операцию, и Фёдор вскоре начал вставать с постели.

И надо же было так случиться, что в одной палате с ним оказался главный инженер Белоберезянского деревообрабатывающего комбината в Брянской области. Он когда-то служил на флоте, и ему было близким и интересным то, что рассказывал Фёдор о военных, о флоте, о науке. Фёдор, конечно, спросил его о том, что такое деревообработка и мебельная промышленность. С удивлением он узнал, что вся древесина, которая используется для этих целей проходит сложный технологический процесс сушки и такой сухой древесины комбинат потребляет сотни кубометров в сутки. Неожиданным для Фёдора был и тот факт, что в свежеспиленной древесине содержится до 40% влаги. И оказалось, что практически вся эта влага в процессе сушки уходит из лесоматериала. Зная, какая у воды теплоёмкость было ясно, что энергетические затраты при этом должны быть очень большими. И однажды этот вопрос он задал своему сопалатнику.

— Несомненно, расходы энергии очень большие, только на сушку древесины у нас уходит почти половину всей электроэнергии, которую потребляет комбинат, но это ещё не всё. Особую проблему составляет сушка твёрдых пород, таких как дуб, ясень, бук, клён. Эти породы особенно трудны в сушке, любое нарушение режима сушки приводит к появлению микротрещин, а это уже брак. И эти сушильные камеры, в которых сушат твёрдые породы, и эти расходы энергии и постоянный сопутствующий брак, это основная моя головная боль.

Все эти жалобы главного инженера Фёдору показались надуманными, т.к. он не мог поверить, что столь простой вопрос вызывает на комбинате такие проблемы. Но главный инженер продолжал настаивать на своём. Он рассказал о том, что существуют громадные фирмы, которые только тем и занимаются, что разработкой методов сушки древесины и выпускают сушильные камеры. Вместимость таких камер составляет от

нескольких десятков до нескольких тысяч кубометров лесоматериалов, и что, не смотря на все ухищрения, до сих пор не удалось этот процесс автоматизировать. И что даже при наличии вычислительных комплексов, обслуживающих камеры, необходима ежедневная ручная корректировка режима сушки.

— Никогда не поверю, — как-то заметил Фёдор, — что процесс не поддаётся автоматизации.

— Я вам говорю о фактическом положении дел на комбинате. По каждой камере ведётся журнал, в котором ежедневно записываются режимы и указываются те корректировки, которые вносит оператор в её режим.

— И сколько же времени нужно сушить твёрдые породы?

— Всё зависит от желаемого качества, этот срок составляет от одного до двух месяцев.

— Ничего себе, сколько же у вас тогда сушильных камер.

— Камер у нас не очень много, но в каждую до тысячи кубов влазит.

— Так сколько же энергии они тогда потребляют?

— Ну, я уже сказал, половину всего энергопотребления комбината. Вот если бы вы смогли решить эти проблемы, уменьшить энергопотребление и автоматизировать процесс. Представляете, загрузил древесину, нажал кнопку, а через месяц выгрузил. Это мечта всех сушильщиков.

Фёдор задумался. Так может попробовать? Но как, нет никакого опыта, нет начального капитала, нет здоровья.

— Ну а какая же стоимость таких камер?

— Всё зависит от объёма, удовольствие не из дешёвых, например десятикубовка стоит в пределах 20-25 тысяч долларов.

Фёдор даже в постели перевернулся, он и представить себе не мог эту сумму. Вон однокомнатную квартиру сейчас за 5 тысяч купить можно.

— Ну, а сколько кубометр сырых дубовых досок стоит?

— В зависимости от качества от 100 до 200 долларов, но сушить лесоматериал низкого качества не выгодно, в сушку пускают обычно самые высокие сорта.

Решение

Фёдор вышел из больницы, но беседы с главным инженером всё время вертелись в голове. И однажды, придя домой, он сказал Галине:

— Я принял решение, пора выбираться из нищеты.

— А как?

Фёдор всё ей подробно рассказал.

— Но мы этого доллара и в глаза не видели, где мы такие деньги возьмём.

— Ты мне веришь?

— Да,

— Тогда вперед!

— Ну а со здоровьем же как?

— Лучше умереть стоя, чем жить на коленях. Помнишь молодость, разве мы унывали тогда?

— Так то же молодость была.

— Ну, вот мы её сейчас и повторим.

Начали экономить на всём. Жили впроголодь. Так хотелось хоть кусочек колбасы купить. Прошел год. Фёдор перечитал всю возможную литературу и понял, что вопрос действительно не простой, что этими вопросами занимаются целые НИИ и многочисленные фирмы. Но тогда у него даже компьютера не было, и всю информацию он получал в библиотеке. Заметил он и то, что каталожный ящик, где хранилась необходимая литература по сушке древесины и сами карточки очень затёрты, значит, не только его интересовал этот вопрос.

К концу лета экспериментальный макет десятикубовки был собран, но на пенопласт для термоизоляции камеры денег не хватило, и Фёдор для этих целей использовал опилки. Но у опилок было плохое свойство. Ими невозможно было равномерно заполнить стены камеры до начала монтажа, когда они находились в лежачем положении. При их вертикальной установке опилки проседали, образуя в верхней части пустые полости. Это обнаружилось только после сборки камеры. Тогда Фёдор снял с камеры потолковые блоки, просверлил крупные отверстия в торцах вертикальных стенок и были уже морозы, когда ни вместе с Галиной засыпали через эти отверстия опилки. Так была создана первая в его жизни экспериментальная сушильная камера.

Камера имела высокооборотный центробежный вентилятор, и поскольку колесо к нему Фёдор сделал сам, то при мощности в 3 киловатта, вентилятор не шумел, а ревел и даже при закрытой камере шум был достаточно сильный. Но загружать камеру было нечем, 3000 долларов, которые были необходимы для этого, взять было негде. К тому же слова о том, что при сушке риск брака очень высок, всё время вертелись в голове.

Нужно было искать заказчика, но кто рискнёт отдать на сушку столь дорогую

древесину, без гарантий на положительный конечный результат.

Снова провидение

И опять помогло провидение. В поисках заказчика на сушку древесины, а деревообрабатывающих и мебельных фирм в Харькове было предостаточно, Фёдор посетил не одну из них. Но никто не решался на размещение у него заказа по той простой причине, что его просто никто не знал. И вот в процессе этих поисков он однажды познакомился с директором крупной мебельной фирмы Solid по фамилии Енько. Это был достаточно оперативный человек, и Фёдор уговорил его поехать посмотреть камеру. Камера была расположена в Липцах на приусадебном участке около дома.

По пути разговорились. Оказалось, что директору очень хочется завести на фирме какое-нибудь новое направление, связанное с техникой, которое имело бы широкий спрос. И тут Фёдора осенило.

— А вы знаете, что означает слово фольксваген.

— Да нет, как-то не задумывался.

— Ещё Гитлер в своё время начал программу создания народного автомобиля, а вот я у себя на фирме уже больше года разрабатываю народного кондиционера.

— А что вы под этим подразумеваете?

— Да очень просто, это такой кондиционер, который почти ничего не стоит и практически не потребляет электроэнергии, необходима только энергия для питания вентилятора, который прогоняет воздух через систему.

— Да быть такого не может!

— Ещё и как может. Вы слышали о вечном двигателе второго рода.

— Да нет, как-то не приходилось.

— Установка такого кондиционера допустима даже на автомобилях. Представляете, оставляете машину на стоянке с включённым кондиционером, ведь энергии то он практически не берёт, приходите, а в машине рай, прохладно, воздух влажный.

— Так что и заливать в него никакого горючего не нужно?

— Никакого горючего не требуется, горючим является вода.

— Да это вы что-то фантазируете!

— Никаких фантазий, я же рассказывал вам, где я работаю.

Директор задумался.

— Ну и в какой же стадии разработка?

— На завершающем этапе, правда по режимным соображениям на фирму вас не пустят, но если хотите, где-нибудь через неделю я могу привезти экспериментальный образец в Липцы, зальём воду, и сами убедитесь, какое это хорошее горючее. Киловатт холодопроизводительности я вам гарантирую.

— А что это за параметр такой - холодопроизводительность.

— Да поставим на входе всасываемого потока воздуха киловатный нагреватель и посмотрим на температуру воздуха, выходящего из кондиционера при включённом нагревателе и без него.

Директор начинал понимать, что Фёдор не шутит. Но всё равно недоверие было написано на его лице.

Когда приехали в Липцы, Фёдор включил камеру.

— А чего она так ревёт?

— Это сделано для того, чтобы в процессе сушки древесина вибрировала, это уменьшает вероятность возникновения микротрещин. Откуда начинают идти микротрещины? Правильно - снаружи доски. Вообразите себе кисель, который вы снаружи обдуваете, где он начнёт трескаться? Трещины начнут образовываться снаружи. А теперь представьте, что этот кисель трясти начали. Так трещины сами по себе заростать начнут.

— Вот это да, почему же до этого никто до сих пор не додумался?

— Почему, почему? Ну, почему руки моют, а ноги нет?

— Ну, вы меня убили!

— Да нет, это ведь в камере не самое главное. Но, как вы понимаете, у каждой фирмы есть свои секреты.

Он многозначительно посмотрел на собеседника и тот понимающе кивнул, и Фёдор понял, что наживка проглочена.

— Ну, так будем смотреть кондиционер⁹

— С удовольствием.

— Тогда через недельку я вам позвоню.

Любите бублички, гоните рублички!

Обманывал ли Фёдор директора, когда рассказывал ему басни про народный кондиционер. Конечно, нет. Есть всем известный испарительный принцип охлаждения, который каждый может проверить, намочив руку водой и помахав над нею тем же

полотенцем. Вода, испаряясь, будет забирать тепло, и чем меньше влажность окружающего воздуха, тем будет больший эффект. Но кондиционера то у Фёдора и в помине не было. Но была неделя времени. Он купил два листа оцинкованного железа и сделал двадцать ванночек. Разместил он их в ящике одна над другой и вставил в них патрубки, чтобы при заливке воды сверху вода перетекала из выше стоящей ванночки в нижестоящую. По отношению к стенкам ящика он расположил их так, чтобы воздух, подаваемый сверху проходил поочерёдно над всеми поверхностями залитой в ванночки воды. К концу недели у него в Липцах на столе уже стоял готовый кондиционер и выглядел он очень внушительно. К верхней его части была присоединена гофрированная труба из нержавеющей стали, которая подходила к вентилятору, вмонтированному в форточку. В начале трубы располагался киловаттный нагреватель. Охлаждённый воздух выходил из нижней части кондиционера, где был установлен регистрирующий термометр. Для хорошей работы кондиционера была желательна максимально сухая погода. К концу недели установилась сухая и жаркая погода, и Фёдор позвонил своему знакомому.

В кондиционер залили воду. На улице палило солнце, и было за тридцать. Фёдор включил вентилятор, через три минуты градусник на выходе кондиционера показал 21 градус и по комнате начал распространяться прохладный влажный воздух. Включил нагреватель. И каково же было удивление гостя, когда температура выходящего из кондиционера воздуха почти не изменилась, хотя подводящая труба из гофрированной нержавеющей стали даже на ощупь была очень горячей. На лице гостя было удивление.

Так Фёдор получил свой первый заказ на сушку десяти кубов отличной дубовой доски. С большим волнением он открывал камеру, когда все контрольные приборы показали готовность древесины. Но камера не подвела.

Когда он приехал домой и на стол положил 700 долларов, Галина не поверила. Такие деньги они держали в руках первый раз в жизни.

С тех пор слава о его камере быстро распространилась среди мебельщиков Харькова и дело пошло.

Не будем рассказывать о наездах пожарников, милиции, энергетиков и налоговиков. Всё это уже далеко позади и Фёдора теперь даже пальцем кто-либо тронуть боится. Есть и очень важный сухой остаток. Камеры, которые удалось разработать это своего рода автомат Калашникова, когда, после загрузки нажимаешь кнопку и приезжаешь обратно только чтобы забрать готовую продукцию. Всё остальное делает сама камера, она сама выбирает режим сушки, в зависимости от сорта древесины, она не боится ни отключений электроэнергии ни морозов, ни слякоти.

Фёдор при её разработке помнил главное требование к изделиям военного назначения, а именно то, что и солдату должно быть сложно их испортить.

Деньги, которые он теперь зарабатывал, ни в какое сравнение уже не шли с заработной платой ни докторов наук, ни академиков. Конечно, он помог обустроить свою жизнь и помочь детям, имел достойную квартиру и автомобиль.

Каждый предприниматель, который начинал в нашем задолбанном государстве бизнес с нуля, знает, что это означает. Как над тобой издеваются различные чиновники, как вымогают взятки, как тебя на дорогах грабит милиция. Все это Фёдор прошел. Но он не был тем человеком, который склонял голову перед произволом властей и перед кем-то кланялся и заискивал. Он хорошо знал, что все подонки в душе трусы, и если, обращаясь с ними, идти напролом, то это самый эффективный путь защиты. И он шел напролом. И очень скоро оказывалось, что те, кто пытался обращаться с ним, как с послушным давателем взяток, сами начинали перед ним заискивать, пытались наладить дружеские отношения. Чтобы рассказать обо всем этом, понадобилось бы немало страниц, но это уже детали. Расскажем лишь об одном курьёзном случае.

Доски это большая материальная ценность и в деревне большой дефицит. Поскольку они в Липцах находились без присмотра, кое-кто из местных воров их пытался воровать. Конечно, Фёдору об этом сразу же докладывали. В таких случаях он не очень церемонился, приглашал вора к себе домой. Закрывал за собой калитку, и после душевного разговора, вор понимал, что лучше так больше не делать. Так было и на этот раз. У Ивана Дрантя был сын Юрка, по уличному прозвищу Глинка. Ивана уже не было в живых и Юрка жил в доме, который достался ему от отца. Глинка был пьяницей и вором. И вот однажды, Фёдор привёз на сушку два самосвала отличной дубовой 30-ки, вывалил их прямо на улице перед воротами и уехал в Харьков, в расчете на то, что приедет через несколько дней и загрузит их в камеры на сушку. Но через два дня ему позвонил сосед и сказал, что Юрка ворует и распродаёт доску. Делать было нечего. Фёдор бросил дела и поехал в Липцы. По пути с автобусной остановки он встретил Юркину жену и сказал, чтобы она велела Юрке явиться к нему. Началась загрузка камер, но Юрка не являлся. Перед самым отъездом Фёдор, выйдя на улицу, увидел, что в гости к Юрке идёт его шурин.

— Игорь, передай Юрке, что я сейчас иду в милицию заявлять на него по поводу кражи досок. И когда вернусь, чтобы он был у меня.

Мы уже говорили, что многие, кто раньше пытались наезжать на Фёдора, в том числе и милиция, понимая бесперспективность таких действий, или его не трогали или пытались завязать с ним дружеские отношения. Так было и с начальником Липецкого

отделения милиции Мульгиным. Он был в чине полковника и до назначения на эту должность командовал ГАИ Харьковской области. Началось знакомство с Липецкой милицией с того, что к Фёдору явился участковый и сказал, что его вызывает начальник милиции. Когда Фёдор спросил причины, тот ответил, что полковник милиции ему об этом не докладывал. Другой бы незамедлительно явился в милицию, понимая, что у этого органа большие полномочия, но Федор поступил по-другому. Он объяснил участковому, что и он, и его начальник нарушают процедуру вызова в милицию и без повестки он никуда являться не собирается. А потом добавил, что ежели у начальника милиции имеются к нему личные вопросы, то он может его принять дома. Участковый от недоумения широко открыл глаза, не зная, что на такую наглость ответить. Тогда Фёдор пригласил его в дом и сказал, что советует с ним такими шутками не заниматься, что он учёный с мировым именем и показал ему свои монографии и пачку авторских свидетельств.

Через два дня у ворот остановилась милицейская машина и в гости к нему приехал сам Мульгин. С тех пор они стали хорошими знакомыми. И нужно отдать должное, Мульгин не раз помогал ему улаживать щекотливые вопросы с милицией даже за пределами Липецкого района. Конечно, об их хороших отношениях хорошо было в Липцах известно.

Имея такие отношения с милицией. Федор решил хорошенько проучить Юрку и ему на пользу, и в назидание остальным.

Когда он вернулся из милиции, у калитки его уже ждал Юрка со своим шурином.

— Юрка, иди в дом, я сейчас приду!

При этом он перед самым носом шурина захлопнул калитку и пошел в галерею за топором.

— Та вы шо, Фёдор Фёдорович, я ж не крав!

— Вот бумага и ручка, пиши, что я скажу, а то зарубаю! Пиши, Заявление. Я, Крамаренко Юрий Иванович, обязуюсь никогда больше доски у Фёдора Фёдоровича не воровать, в чём и расписываюсь. Написал? Пиши вторую такую же.

Одно заявление Фёдор оставил себе, а со вторым велел идти в милицию.

К вечеру явился Юрка, и привёл с собой свою собаку. Под глазом у него был приличный фендиль.

— Оце привів свою собаку, щоб доски сторожувала, бо в міліції сказали, шо якщо хоч одна доска пропаде, то вб'ють!

Так Фёдор превратил вора сторожа.

Чтоб не пропасть поодиночке!

Наука по своей сути, ни что иное, как религия. Здесь есть свои боги и идолы, которых упаси бога трогать, есть секты и кланы. Здесь имеются свои догмы и догматы, которые до гробовой доски будут стоять на своём. Вы думаете, что со времен Джордано Бруно что-нибудь изменилось? Ничего подобного, сжигали и сжигают, только другим способом. Попробуйте, например, тронуть Эйнштейна. Советуем прежде, чем это сделать, вспомнить историю бывшего ректора МГУ А. А. Логунова, который в журнале «Наука и жизнь» посмел подвергнуть сомнениям правильность общей теории относительности. А что не помним мы, как наши светила науки во главе с Академией наук СССР боролись с той же генетикой и кибернетикой. Правда, об этом не очень любят вспоминать.

Политика играет в науке такую же роль, как и в жизни. В своё время Академия наук СССР, а теперь и Российская академия наук, в лице ее президиума, это своего рода политбюро от науки, которое заставляет её же пахарей в зависимости от политической конъюнктуры одних хулить, а других превозносить, или наоборот. И непонятно, не будь в свое время Эйнштейн гражданином могучей тогда Германии, так не носила ли бы его теория имя Лоренца. Да, чудны дела твои господи. А не считают ли сейчас многие ученые, что теория относительности, созданная Эйнштейном, является тормозом развития научно-технического прогресса? Есть и такие, но почему мы не даем им открыто высказаться на страницах научных журналов. Почему эти ученые боятся, что их может постигнуть участь Джордано Бруно. Вспомним Денисова, который написал в своё время книгу «Мифы теории относительности». Его же за эту книгу чуть с работы не выгнали. Слава богу, перестройка началась. Ведь никто из столбов науки аргументированно даже не прокомментировал эту книгу. Да что там буровит этот самый Денисов? Этого не может быть, потому что не может быть никогда.

Мы говорили здесь о крупных вещах. Но все это происходит и на более низком уровне, научная паства служит своим региональным богам и божкам от физики, химии, математики, биологии и так далее, и так далее.

После всех этих слов у читателя может сложиться впечатление, что автор хулит науку, что он не признает авторитетов. Ни в коем случае. Просто сам автор слишком долго варился в этом котле, и хорошо знает, что в нем и как варят. Наука, конечно, величайшее достижение мыслящих существ, но поскольку ее делают люди, то она не лишена всех тех недостатков, которые присущи человеческому бытию. И ученые, особенно молодые, должны это знать. Если учёный боится, что в один прекрасный день

жрецы от науки сожгут его на костре, то не быть ему ученым, а суждено стать таким же жрецом, как и они сами.

Как ни странно, но наука и мораль практически несовместимые вещи. Разве мы не знаем, кто создавал динамит и атомную бомбу, а разве не испытывали японские ученые на военнопленных бактериологическое оружие. Разве не предлагали некоторые советские учёные поставить на дне океана вдоль побережья США атомные заряды, чтобы, взорвав их одновременно, организовать смертоносное цунами, уничтожив тем самым миллионы людей. Эта идея принадлежит всем известному Сахарову, который не заслуженно считается отцом водородной бомбы. А разве эти же ученые, став потом великими демократами, не осуждали подобные действия других. Но где же выход? Запретить науку? Нет, любые запреты только усугубляют положение дел. Нужна такая бомба, которая светила бы ярче тысячи солнц, и излучала не идеи ненависти и разрушения, а идеи добра и созидания. Можно ли создать такую добрую бомбу. Да, можно. Ею является общественное мнение, и нужно так его формировать, чтобы у ученых даже в мыслях не было предлагать что-нибудь подобное.

Товарищи ученые покопайтесь и ответьте каждый сам себе, готовы ли вы ради хороших зарплат и теплых насиженных мест уничтожить все человечество. Уверен что подавляющее большинство настоящих пахарей от науки скажет - нет. Поставьте перед собой цель прекратить научное безумие, и считайте, что это главная научная задача человечества, и если вы воспримите это именно так, то эту задачу вы решите. «Возьмёмся за руки друзья, возьмёмся за руки друзья, возьмёмся за руки друзья, чтоб не пропасть поодиночке!»

Что же дальше?

А сейчас мы должны остановиться на другом важном вопросе. Бросил ли Фёдор, уже, будучи обеспеченным человеком, заниматься наукой, тем делом, которому отдал без остатка всю свою жизнь. Да, на время бросил, когда нужно было спасти семью и детей от голода. Сам, прожив очень трудное и детство, и молодость, он не хотел, чтобы его близкие испытывали те же чувства и лишения, которые приходилось пережить ему, и интересы семьи, по крупному счёту, у него всегда были на первом плане, и всей своей жизнью он доказал это. И когда пришло время решать, жить ли на нищенскую зарплату научного сотрудника и заниматься наукой или бросить её навсегда и все оставшиеся силы отдать спасению близких, он выбрал последнее. Но теперь, когда все материальные проблемы остались позади, Фёдор мог опять заняться наукой.

С какими же научными итогами подошел Фёдор к текущему моменту. Был один

вопрос, который на протяжении, вот уже более двадцати лет не давал ему покоя. В фундаментальных работах по электродинамике имелись явные противоречия. Причем по ряду вопросов точки зрения таких больших ученых, как Максвелл и Ландау не совпадали. Даже по такому простому вопросу, зависит ли диэлектрическая и магнитная проницаемость материальных сред от частоты, у них были разные точки зрения. Максвелл, по сути дела создатель классической электродинамики, считал, что эти параметры от частоты не зависят, все другие же, в том числе и Ландау, наоборот, считали что зависят. На первый взгляд казалось, что Максвелл ошибался. Как считали такие учёные как Хевисайд и Вул, если бы не было такой зависимости, то не было бы и радуги, так как разлагать в спектр белый свет можно только в том случае, если диэлектрическая проницаемость, а, следовательно, и показатель преломления воды зависит от частоты. Эта полемика не на шутку разгорелась в 50-х годах, когда на семинаре Ландау во время доклада Ахиезера на эту тему Ландау, перебив докладчика, вдруг воскликнул: «Это же бред, поскольку показатель преломления не может быть функцией показателя преломления». Эти слова свидетельствовали о том, что Ландау, по крайней мере, в то время ещё не поддерживает концепцию зависимости диэлектрической проницаемости от частоты.

И Фёдор поставил перед собой задачу разобраться в этом вопросе. На это ушло почти пятнадцать лет, и ему уже были хорошо ясны ошибки, проникшие в фундаментальные труды по электродинамике с подачи Ландау, и они были настолько просты, что их можно было объяснить теперь любому десятикласснику. Оказалось, что прав был Максвелл. А получилось так, что за реально существующие физические величины Ландау принял некие математические символы. Ошибка произошла по той причине, что при математическом описании физических процессов можно один и тот же процесс описывать разными математическими методами, т.е. существует математический дуализм. И нельзя отдельным математическим символам, особенно на этапе промежуточных преобразований, присваивать статус физических величин.

Казалось бы, что проще? В классических трудах по электродинамике и физике плазмы обнаружены серьёзные ошибки как принципиального, так и методического характера, и нужно их исправить. Но ведь написали эти труды очень известные люди - нобелевские лауреаты. И, если посылать такую работу в печать, то члены Ученого совета будут понимать, какая ответственность на них лежит. И каждый, прежде чем проголосовать, подумает об этом. А без решения Ученого совета работу в печать не отправишь.

С такими мыслями и с пониманием всего этого шел на Ученый совет ФТИНТ

НАНУ старший научный сотрудник Менде. Работа имела большой объем, и доложить ее за отведенные десять минут было невозможно. Янсон, уже к тому времени был академиком, Дмитриев тоже присутствовали на совете.

Когда закончилось отведенное время, а Фёдор доложил только треть работы, председательствующий спросил, сколько времени еще нужно докладчику, Фёдор ответил, что еще двадцать минут.

— Нужно дать, — сказал Янсон. Его поддержал Дмитриев.

Фёдору дали возможность закончить доклад. По ходу доклада задавались вопросы, на которые он обстоятельно отвечал.

Докладываемая работа затрагивала глубинные противоречия в физике, и члены Учёного совета понимали это. После окончания доклада он еще некоторое время отвечал на вопросы и, наконец, председательствующий спросил, кто хочет выступить. Фёдор понял, что наступил решающий момент. Конечно, он понимал, что решающее слово будет за Янсоном и Дмитриевым. Все ждали, что они скажут. Прошла минута. Наконец Янсон спросил, в какой журнал будет посылаться работа. Фёдор ответил, что в Международный архив Корнельского университета. Это, конечно, облегчало задачу, так как это означает только депонирование, но еще не публикацию. Янсон еще немного подумал и сказал.

— Думаю, что нужно разрешить отправку работы на депонирование.

Голосование было практически единогласным при одном против. Фёдор поблагодарил Совет, и сказал, что в скором будущем разобьёт работу на части и отправит для публикации в журналы по профилю. Все согласились.

Как же развивались события дальше? Он отправил работу в международный архив и опубликовал брошюру «Существуют ли ошибки в современной физике», в которой изложил основные результаты работы. Подарил он эту брошюру всем членам Совета и директору института, послал ее нобелевскому лауреату Гинзбургу, в трудах которого имелись названные ошибки, а также разослал ее во все ведущие библиотеки. Шло время, но ответа от Гинзбурга не было.

Через некоторое время Фёдор узнал, что содержание брошюры обсуждалось на дирекции института. Итоговая точка зрения сводилась к тому, что данной тематики в планах института нет, и что работа является инициативной, а потому институт к ней отношения не имеет. Фёдор прекрасно понимал, что такое решение закрывает ему путь к дальнейшим публикациям, но он понимал и ту сложную ситуацию, в какой оказалась дирекция. И члены Учёного совета и дирекция института уже прекрасно понимали, что его работа это подкоп под большие академические авторитеты, в том числе и под

специальную теорию относительности. Но поддержать эту точку зрения на официальном уровне означало иметь очень крупные неприятности.

И, действительно, когда Фёдор в следующий раз попытался доложить на Учёном совете одну из частей работы, о чем уже ранее была достигнута договоренность во время предыдущего доклада, работу дружно провалили, причем особым способом. Один голос был за, один - против, все же остальные воздержались. Причём на этот Совет Дмитриев не пришел.

Не приучен был Фёдор кого-то просить, а тем более подводить тех людей, которые сделали ему много хорошего, и ту организацию, которая была для него вторым домом. Но что оставалось делать? Сдаться? И он принял вызов. Но вызов не со стороны своих бывших друзей и родной ему организации, а со стороны той коррумпированной научной элиты, которая управляет современной наукой и держит учёных за холуёв, которые должны послушно выполнять её волю.

И вновь продолжается бой!

Мы уже сказали, что в работах Фёдора содержался очень опасный момент, подрывающий основы специальной теории относительности (СТО). Очень коротко поясним почему. Есть так называемые преобразования Лоренца, которые являются фундаментом СТО. Это чисто математические преобразования, которые говорят о том, что при своём движении твёрдые тела должны сжиматься в направлении движения, что человек, который будет летать на космическом корабле с околосветовой скоростью, может прожить по земному времени несколько миллионов лет. Вообще, полный абсурд. Но именно это и есть те результаты, которые следуют из СТО.

О чем говорит теория, разработанная Фёдором? Она даёт очень простое физическое объяснение всем тем физическим результатам, которые имеют место в электродинамике. Они связаны не с тем, что при движении тело должно механически сжиматься, а с тем, что скалярный потенциал заряда зависит от скорости его движения. Более того, оказалось, что из этого главного закона электродинамики следуют все её другие законы, начиная от законов силового взаимодействия токонесущих систем и кончая законами излучения.

Интересно то, что при таком подходе исключается необходимость использования в электродинамике такого понятия как магнитное поле и оказывается несостоятельной СТО. Более того, один из экспериментальных результатов, противоречащих СТО, Фёдор получил ещё в бытность малого предприятия, когда показал, что вокруг

сверхпроводящих соленоидов и торов возникают статические электрические поля при введении в них индуктивным способом постоянных токов. К тому же в его работах было показано, что в трудах Ландау и Гинзбурга имеются серьёзные физические ошибки, касающиеся введения такого метафизического понятия, как диэлектрическая проницаемость плазмы.

Но могут ли такое развитие событий допустить релятивисты и те клановые образования, которым подчинена Российская академия наук? Конечно, не могут, поскольку тогда вся та религия, которая внедрялась АН СССР, а затем Российской академии наук (РАН) рухнет.

Фёдор прекрасно понимал, что в научных журналах, контролируемых коррумпированной Российской академией наук, его работы никто не опубликует. Поэтому так важно было для него решение Учёного совета института, которое позволило ему депонировать эти работы в архиве Корнельского университета. И там все основные моменты новых подходов в его работах уже были изложены. Но не все читают депонированные работы, впрочем, как и академические научные журналы. Интернет в этой связи становится полноправным участником распространения научно-технической информации, и у него гораздо большие возможности в пропагандистском плане, поскольку с тем, что пишется в Интернете, могут знакомиться очень широкие слои населения.

Особую роль в этом играют физические форумы, где учёные могут обсуждать различные физические вопросы и обмениваться своими точками зрения. Понимая большую важность физических форумов с пропагандистской точки зрения, реакционеры попытались в первую очередь установить контроль именно над ними.

Кульминационным моментом борьбы коррупционной верхушки Российской академии наук за свои права стало создание при ней Комиссии по борьбе с лженаукой и фальсификацией научных исследований, инициатором создания которой стал нобелевский лауреат академик Гинзбург.

В академических кругах очень принято говорить о научных школах. Школа Ландау, школа Гинзбурга и т. д. Для непосвященного звучит внушительно. Я назвал только крупные имена. А сколько таких местных школ республиканского и даже местного значения, даже и не счесть. В каждом академическом НИИ такие местные школы существуют. Задача таких школ максимально быстро клепать диссертации и остепенять участников клана, чтобы усилить своё административное влияние в пределах своей организации. Несколько десятков кандидатов и несколько докторов наук в такой школе - это уже большая сила. А то, что подавляющее число защищённых диссертаций гроша

ломанного не стоят, это уже никого не интересует. И эти «школяры» начинают занимать административные и другие посты, не стесняясь при этом никаких приёмов, где локтями, где шантажом, где угрозами, в таком нужном деле все приёмы хороши. А заканчивается это тем, что все высшие административные посты занимают представители наиболее бойкой школы, а у того в чьих руках деньги, тот и музыку заказывает. И вот такая клановая музыка и звучит сейчас на всех этажах власти в Российской и Украинской академии наук. Порождением такой политики являются и академические научные журналы, через которые в первую очередь протаскивают публикации своих сторонников, которые давно превратились в прибежище коррупции и протекционизма.

Но часть прогрессивных физиков из состава той же академии сразу же выступили с разоблачением таких её действий. Приведём дословно лишь один комментарий по этому поводу, который был написан известным специалистом по физике плазмы А. А. Рухадзе, и опубликованный в «Независимой газете»: «В 1998 году президиум Российской академии наук создал Комиссию по борьбе с лженаукой. Сам факт создания такой комиссии вызвал большое недоумение в научной среде. Практика создания подобных комиссий не нова. Во времена Средневековья существовала инквизиция, призванная бороться с инакомыслием не только в вопросах веры, но и устройства природы.

Анализ работы предыдущих комиссий приводит к выводу, что так или иначе под флагом борьбы с "лженаукой" на самом деле боролись с чуждой идеологией, то есть с системой философских взглядов. А с какой идеологией призвана бороться Комиссия по борьбе с лженаукой? Зачем вообще РАН (по своему статусу организации общественной) заниматься организацией "охоты на ведьм"? Дошло ведь до того, что комиссия требует от президента России официальных полномочий "ставить на место недобросовестных журналистов". По сути дела, комиссия добивается права цензуры всей информации, относящейся к научной тематике.

В чем же истинная причина особого внимания президиума РАН к так называемой "лженауке"? Ведь все "лжеученые", вместе взятые, тратят бюджетных средств для удовлетворения своего "лженаучного" любопытства, в масштабах, несравнимых с бюджетными затратами отдельных "истинных" ученых. А то, что они свои результаты не скрывают от других, за это их только благодарить надо. Не верите в результаты исследований - проверяйте и доказывайте обратное. Имеете аргументированное возражение - публикуйте, научные журналы ныне не перегружены. Академия наук обладает уникальными возможностями по изложению своей точки зрения по любой научной проблеме. Ведь подавляющее большинство научных журналов и изданий находится под патронажем РАН. Более того, публикация статей в отечественных научных журналах

стала возможной в двух случаях: либо если результаты несущественно отличаются от уже известных, либо при условии протекции кого-нибудь из влиятельных академиков. Поэтому жалобы на то, что у комиссии по борьбе с лженаукой нет общественной трибуны, можно сравнить лишь с жалобами жителей Прибайкалья на отсутствие пресной воды». (конец цитаты).

Не будем приводить статью полностью, скажем только, что в таких суждениях Рухадзе не одинок. Российская академия наук из организации, которая должна способствовать развитию науки, превратилась в её душителя.

Фёдор понимал, что в его взглядах и во взглядах Рухадзе много общего, и он написал ему личное письмо:

Глубокоуважаемый Анри Амвросьевич!

Я уже давно слежу за Вашей самоотверженной борьбой с коррупцией в Российской академии наук, и Ваши действия находят с моей стороны полное понимание и поддержку. Я сам всю жизнь проработал в системе Украинской академии наук и занимал в её учреждении НТК ФТИНТ АН УССР очень крупные руководящие посты. Естественно, коррупции в академической системе и в советские времена было предостаточно, но то, что произошло после развала Союза, не поддаётся никакому описанию.

Единственная возможность по борьбе с этим злом, которая у меня оставалась после практически полного развала нашей организации и моего выхода на пенсию, оставались физические форумы академических и учебных учреждений. И три года тому назад я попытался воспользоваться такой возможностью на форумах ФИАН, МГУ, МИФИ и др. Но очень быстро понял, что указанные форумы являются исполнительными комитетами коррумпированной РАН и системы образования в России.

Трудно передать словами, сколько унижений и оскорблений мне пришлось пережить. Но я не отступал. С тех пор на форумах мне удалось разместить более 500 статей научного и публицистического характера, направленность которых совпадает с направленностью Ваших статей. С середины прошлого года «Движение за возрождение отечественной науки» <http://www.za-nauku.ru> организовало по моей просьбе специализированный форум <http://www.forum.za-nauku.ru/index.php>, где я являюсь глобальным модератором. В конце прошлого года на Большом форуме был создан мой персональный форум <http://bolshoyforum.org/forum/index.php7boarcH50.0>, и теперь у меня имеется возможность доносить до широкой публики мои научные и политические взгляды. На этих форумах продублированы и Ваши работы, касающиеся коррупции в РАН. Конечно, работа на форумах это очень грязное дело, поскольку там существуют

организованные группы провокаторов, в задачу которых входит максимальная дискредитация таких как я.

Всё это я написал, чтобы Вы имели представления, с кем имеете дело. Главная цель моего обращения к Вам заключается в другом. Я всю жизнь занимался наукой как прикладного, так и фундаментального характера, связанной с решением оборонных задач. В официальном списке моих научных работ более 200 наименований. С одной из моих монографий прикладного характера можно познакомиться по ссылке http://biblioteka-dzvon.narod.ru/docs/Mende_Sverhprovodjashchie_sistemy.djvu. К сожалению, монография, где рассмотрены фундаментальные вопросы электродинамики сверхпроводников, Менде Ф. Ф., Спицын А. И. Поверхностный импеданс сверхпроводников. Киев, Наукова думка, 1985,- 240 с., в Интернете пока отсутствует. В обеих указанных монографиях имеется предисловие известного специалиста в области электроники академика Н. Д. Девяткова.

Поскольку значительная часть моих работ касается электродинамики, то меня очень беспокоило то обстоятельство, что по сути дела современная классическая электродинамика состоит из двух, не связанных между собой частей. С одной стороны это уравнения Максвелла, которые не описывают силовое взаимодействие токонесущих систем, а, с другой - сила Лоренца, описывающая такие взаимодействия, но которая в классической электродинамике вводится как отдельный экспериментальный постулат. Кроме этого, в классической электродинамике отсутствуют правила преобразования полей при переходе из одной инерциальной системы в другую и она не может объяснить такие эффекты как фазовая абберация и поперечный эффект Доплера. Объяснение этих явлений даёт СТО, но это слабое утешение, т.к. постулаты это не самый хороший путь решения физических задач.

Кроме сказанного, удивление вызывало и то, что изменение скорости зарядов в токонесущих проводниках приводит к изменению силы их взаимодействия. Это тоже казалось странным, т.к. под силой мы привыкли понимать градиент какого-то скалярного потенциала (потенциальной энергии), но какое отношение имеет скорость зарядов к потенциальной энергии?

Все эти раздумья и привели, в конце концов, к написанию той книги <http://fmnauka.narod.ru/Prol.pdf>, которую посылаю на Ваш суд. Если в ней нет ошибок, то это действительно революция в современной физике, т.к. всю электродинамику придётся переписывать под другим углом зрения. Конечно, ждать её объективной оценки со стороны РАН не приходится по понятным Вам причинам.

Если Вы найдёте время её прочесть и посчитаете возможным и нужным ответить на моё письмо, то буду Вам очень благодарен. Мой адрес mende_fedor@mail.ru.

Но независимо от вашего решения я всегда останусь вашим сторонником и почитателем, прежде всего потому, что Вы не побоялись открыто выступить против того беспредела, который губит сейчас науку в России.

С уважением, д.т.н. Менде Ф. Ф.

10.03.2010 г.

И каково же было удивление Фёдора, когда в однажды он обнаружил в своём почтовом ящике письмо от Рухадзе. С тех пор завязалась переписка. К своему 80-ти летию Рухадзе написал книгу воспоминаний «События и люди», текст которой прислал Фёдору и предоставил ему эксклюзивное право на её распространение в Интернете.

В книге без всяких прикрас отражена вся поднаготная АН СССР и РАН, и тех воротил, которые ею правят.

В мае 2012г Фёдор и Анри встретились, когда он приехал к нему в гости в Харьков. Репортаж об этой встрече размещён по ссылке <http://www.forum.zanauku.ru/index.php?topic=1589.0>.

На обложке книги запечатлён момент, когда Фёдор дарит Анри свою монографию «Новая электродинамика. Революция в современной физике».

Результатом встречи стала договорённость о том, что Рухадзе опубликует в журнале Инженерная физика, где он был главным редактором, все новые работы Фёдора, которые по указанным выше причинам невозможно опубликовать в академических журналах. И он сдержал своё слово. В период с 2012 г по 2018 г в этом журнале было опубликовано 24 таких работы.

В этих публикациях представлена новая концепция в электродинамике, которая указывает на то, что скалярный потенциал заряда в рамках преобразований Галилея зависит от скорости. Показано, что эта концепция лежит в основе всех динамических законов электродинамики. Она позволила в рамках классической электродинамики объяснить такие явления, как фазовая абберация света и поперечный эффект Доплера, ранее эти явления можно было объяснить только в рамках специальной теории относительности (СТО). Указанная концепция дала возможность объяснить также природу возникновения электрического импульса ядерного взрыва и электризацию сверхпроводящих обмоток и торов при введении в них постоянного тока. Эти явления до настоящего времени не нашли объяснения ни в рамках классической электродинамики, ни в рамках СТО.

Но на этом дело не закончилось. Указанные публикации стали достоянием

широкого круга читателей и вскоре Фёдор начал получать письма из многих зарубежных журналов с просьбой прислать свои статьи для публикации. И за период, начиная с 2014 г, в этих журналах было опубликовано 73 его научных статьи. Кроме этого в немецком издательстве LAMBERT Academic Publishing было издано 11 монографий. С этими научными работами можно познакомиться по ссылке http://fmnauka.narod.ru/svodnyj_svoikh_publicacij.pdf.

Дальше всех в научном сотрудничестве с Фёдором пошел международный журнал Global Journal, который не только опубликовал 36 его статей, но и избрал Фёдора членом его редакционной коллегии <https://globaljournals.org/journals/editorial-board?type=medical>. Этот журнал также стал научным пратнёром его сайта.

Активное участие в публикации научных работ Фёдора приняли журналы American Association for Science and Technology (AASCIT). Эти журналы опубликовали 16 его статей.

Есть такая поговорка «терпение и труд всё перетрут», и если вы целенаправленно много лет занимаетесь какой-нибудь проблемой, то результаты обязательно будут. Новые идеи и результаты, пропагандируемые Фёдором, благодаря Интернету, стали достоянием многих учёных, которых не устраивает существующее положение дел в науке. Фёдор открыл свой научный сайт <http://fmnauka.narod.ru/>, где представил свои основные научные работы. Вскоре он начал получать большое количество писем от своих соратников и почитателей, а также от зарубежных учёных, с которыми он переписывается и до сих пор.

Но положение на научном фронте в настоящий момент усугубляется тем, что большинство средств научной информации и пропаганды, включая и научные журналы Российской академии наук, действуют по указке названной комиссии и реакционеры сдаваться не хотят. Большинство научных форумов, особенно тех, которые находятся на сайтах государственных научных и образовательных учреждений, таких как ФИАН, МГУ, МИФИ, журнал «Наука и жизнь», находятся под контролем указанной комиссии и руководства РАН. На этих форумах работают группы наёмных провокаторов, действие которых направлены на дискредитацию всех тех, кто не согласен с такой политикой.

С первых же дней своего участия в физических форумах такого толка, Фёдор на себе испытал все прелести такого управления наукой. Орды наёмников и сочувствующих, среди которых особенно отличались такие как Homo Sapiens, Andre De Pure, Free Researcher, Munin с остервенением стаи голодных псов набросились на него. Все эти провокаторы выступали не под своими фамилиями, а под вымышленными никнеймами (никами), что даёт возможность не отвечать за свои слова и действия. Ругань, оскорбления, провокации и даже матерщина всё пошло в ход. И в этом им способствовали

модераторы указанных форумов: Морозов, Перегудов, Татьяна Зими́на, Татьяна Кеш, Кровавая Гебня, Photon, Vladimir Dubrovskii, Moving Observer. Причём, вся эта вакханалия и истерия ни коим образом не касались сути его работ, т.к. ничего существенного противопоставить научным аргументам они не могли. Вся провокационная деятельность была направлена на то, чтобы дискредитировать его как личность. Вот список наиболее реакционных форумов и их модераторов:

Форумы МГУ: <https://dxdy.ru/diskussionnye-temy-f-f29.html> модератор Photon.

Форум ФИАН: <http://phorum.lebedev.ru/viewforum.php?f=26> модератор Морозов.

Форум МИФИ: <http://corum.mephist.ru/index.php?showforum=120> модератор Кровавая Гебня.

Форум SciTecLibraru.ru: <http://www.sciteclibrary.ru/cgi-bin/yabb2/YaBB.pl?board=physic> модератор Peregoudov.

Но вскоре вся эта свора поняла, что не на того нарвалась. Фёдор умел и работать и бороться. Всего за три года работы на форумах он разместил в Интернете более 500 статей научного и политического характера, касающихся его научных идей и взглядов на роль и место в науке Российской академии наук и её апологетов. Не будучи способными привести хоть какие-то аргументированные возражения, реакционеры не нашли ничего лучшего, как запретить ему участие в подвластных им форумах, объявив ему пожизненные баны.

Но у Фёдора появилось много сторонников, которые прошли примерно такой же путь в науке, как и он. Движение за возрождение отечественной науки, инициатором создания которого был профессор МГИМО Анатолий Николаевич Самарин, даже организовало для него независимый научный форум http://www.forum.za-nauku.ru/index.php/board_6.0.html.

Теперь, не боясь преследований, на этом ресурсе можно открыто высказывать свою точку зрения по всему спектру проблем, накопившихся в науке.

Конечно, до полной победы ещё далеко, но положение и в науке, и на форумах уже далеко не то, которое было девять лет тому назад, когда Фёдор начал на них свою деятельность. Российская и Украинская академии наук трещат по швам, и правительство России уже приняло закон о реформировании своей академии. А вот что касается Украинской академии наук, то воз и ныне там. Более того финансирование науки в Украине год от года сокращается.

Недавно Фёдоров исполнилось 80 лет. Преклонный возраст, когда можно и итоги подвести. Эту задачу и выполняет предлагаемая читателям повесть. Теперь с полной уверенностью Фёдор может сказать, что главное в жизни это дружба и хорошая крепкая семья, которую без дружбы между её членами построить невозможно. И такую семью ему с Галиной удалось построить. Они вырастили добрых чутких дочерей и помогли воспитать замечательных внуков Лёшу и Женю. Строительство семьи это, пожалуй, одна из наиболее сложных задач, которую приходится решать супружеской паре. И это очень многим не удаётся. И основным препятствием на этом пути является личная корысть, которую преследуют члены семьи. Именно она приводит к недоверию и скандалам, которые в конечном итоге и разрушают семью. На корысти семью не построить, как и не приобрести верных друзей. Ни Фёдор, ни Галина никогда не преследовали корыстные цели, и такими же воспитали своих детей. Дочери вышли замуж за очень приличных ребят, и такими же воспитали и своих детей. И всем, кто хочет построить дружную крепкую семью, мы очень советуем прочесть эту повесть.

Конечно, в жизни любого руководителя громадную роль играет руководимый им коллектив. Но без дружной и хорошей семьи и её поддержки в строительстве этого коллектива невозможно построить и дружный работоспособный коллектив.

В жизни очень важно иметь талисман, и таким талисманом и хранителем для Фёдора была Галина, она всегда была преданной женой и надёжным товарищем. Конечно, в жизни очень важным фактором является и случай, но, всё-таки, как считает Фёдор, гораздо более надёжной опорой является пословица «терпение и труд всё перетрут».

Эпилог

Мы родились в 30-е года,
Как был молоды родители тогда,
За что пришлось им столько пережить,
Должны мы у истории спросить.
Мы поднимались на ноги, росли,
А годы шли, а годы шли.

И жили вместе детство и война,
Как много искалечила она,
Сердца и души в ранах и рубцах,
Как много их осталось на полях.

Но боль и гнев времён тех не остыл,
Он в наши души чуткость заронил.
Живёт в нас память тех 40-х
Холодных и голодных и босых,
Ту чуткость мы сквозь годы пронесли,
А годы шли, а годы шли.

Пришли 50-е года,
Их тоже не забыть нам никогда.
Мы помним годы юности своей,
Седины и морщины матерей,
И, хоть совсем непросто было жить,
Мы научились верить и любить,
И невозможно время то забыть,
Мы научились дружбой дорожить.
Её мы в душах бережно несли,
А годы шли, а годы шли и шли.

И вот 60-е года,
Их тоже не забыть нам никогда,
Нас призывали, нужно честно жить,
Учились мы друзей не подводить,
Мы спотыкались, мы ползли ползком,
Срывались, падали с размаха в грязь лицом,
И нам сполна тогда пришлось узнать,
Как грязь потом непросто отмывать.
Но мы с собой её не унесли,
А годы шли.

А что 70-е года?
Мы жили лишь надеждами тогда.
Но научились мы не уступать,
В воде холодной души закалять,
И били нас и в морду и под дых,
Так просто, для забавы, для других.

Но было суждено и им узнать,
Что сдачу научились мы давать.
Но в жертву дружбу мы не принесли,
А годы шли, а годы дальше шли.

Пришли 80-е года,
Мы не были сильны так никогда.
Кое-кого хотим предупредить,
Мы в бой идём, чтоб только победить,
И им же тоже предстоит узнать,
Что мы и впрямь умеем побеждать.

А вот и 90-е года
Мы их запомним тоже навсегда.
Да, мы узнали, что такое честь,
Прошли мы испытания на лезть,
И нам встречались всякие «друзья»,
Бароны от науки и князя
И предстоит совсем нелёгкий путь,
А годы, месяцы и дни идут!

Но не погибли мы, мы здравствуем, мы есть,
И нам известно, что такое честь.
И есть друзья у нас, и есть враги,
И нам известно, что враги сильны,
Но получили все они под дых
Уже не для забавы и других.

А что же в тех оставшихся годах,
Закат на небе в солнечных лучах?
Ведь нам придётся и себя спросить,
Так что же означало слово жить???